

ЛЕХАИМ N 8 (196)

**АВГУСТ
2008г.**

**АВ
5768**

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ И ДУХА

לִיבֹאֵלֶם אֵיךְ עֵינֵי אִיִּם אֵלֵי אִיִּם

«Каждый врач должен знать»

<...> Вы должны сделать попытку повлиять на пациентов своего брата – им бы следовало ежедневно (кроме субботы и йом тов) возлагать на себя тфилин.

Как врач, Ваш брат обязан знать: здоровье духа положительно сказывается на физическом самочувствии.

Он знает множество медицинских препаратов и методов лечения, которые весьма эффективны – но при этом сам же он не сможет объяснить механизм их воздействия. Врачи используют их в своей практике, ибо знают: они принесут пользу больному.

То же самое верно и в отношении Торы и заповедей: неясно, как именно они «работают», но они действуют.

<...> Разве может человек ставить условия Б-гу, Величайшему из целителей, и заявлять, что сперва он поймет, как действуют Его «препараты» (то есть Тора и заповеди), а только потом готов будет их «принимать»?

Подобно тому как мы доверяем лечащему врачу или консультирующему профессору, так мы доверяем Торе и заповедям. Исполняя их веления, еврей обретает здоровье и души, и тела.

О врачах, не являющихся евреями

<...> Вы спрашиваете мое мнение о том, стоит ли обращаться к авторитетному врачу, который пользуется известностью у евреев, хотя сам он не еврей.

Я не понимаю Ваших оговорок, ибо, когда речь идет о лечении, не вижу разницы между врачом-евреем и неевреем. Говорят же: «Ремесленник честно выполнил труд свой – за что же его порицать?»

Даже наши учителя обращались к врачам, не принадлежащим к нашему народу. А Вы ведь пишете, что врач этот – верующий.

Б-г, посылая «слова исцеления», действует через конкретного врача и конкретные процедуры, – почему бы в данном случае этим врачом не быть тому специалисту, о котором Вы рассказали.

Есть разница между больными и здоровыми

<...> Больницы и центры здоровья настаивают: чтобы исцелить недуг или укрепить здоровье, необходимо придерживаться определенной диеты, режима дня, принимать лекарства – только тогда можно получить результат.

Но нужно ли говорить о том, что режим, рекомендованный больному, совершенно не подходит здоровому человеку. И соблюдение такого режима человеком здоровым может <...> подорвать его силы, грозить недугом, – при том что больным этот режим полезен. Далее: как мы знаем, многие медицинские препараты очень токсичны, но в определенных, чрезвычайно малых дозах могут оказывать целебный эффект.

Тому, кто здоров, не надо объяснять, что больничный режим – не для него.

Но об этом надо напоминать тем, кто не совсем здоров или был болен и прошел курс лечения, – по инерции они могут вести себя как больные, хотя уже здоровы. И человеку в этом положении надо объяснить: соблюдение режима, предписанного ему во время болезни, по выздоровлении может быть просто-напросто вредно.

Но это же является напутствием и врачам: они помнят о своих пациентах в больницах и о том, что полезно для них, о тех процедурах, которые помогли спасти столько жизней, – но при этом им стоит напомнить: все это актуально именно для больных. Здоровым нужно совсем иное.

Обязанность врача – дать лекарство больному, но также его обязанность – объяснить человеку, который выздоровел, что пришло время отказаться от всего, что стало для него привычным за время болезни.

Долг провизора

<...> Стоит человеку войти в аптеку, как он видит перед собой множество средств и препаратов, которые помогают исцелять больных. Это наполняет сердце трепетом.

Но провизор должен объяснить своему клиенту, а также понимать сам: все эти препараты – лишь первый шаг к исцелению. Чтобы человек действительно исцелился, необходимо сочетание двух важнейших факторов: во-первых, лишь специалист определяет, какое именно средство, в каких дозировках должен принимать больной; во-вторых, больной должен выполнять все указания и принимать препараты именно так, как ему рекомендовали.

НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ ЖИЗНИ

Аадэ Ёақад

В июне вся наша страна болела за футбольную сборную, сражавшуюся на чемпионате Европы. Мы радовались победам, огорчались, когда российские футболисты проигрывали... Когда сборная сенсационно обыграла голландцев, считавшихся фаворитами чемпионата, ликование было всеобщим и длилось до самого утра. Незнакомые люди обнимались на улицах, водители отчаянно сигналили, милиция брталась с группами молодежи... А потом, когда футболисты вернулись с бронзовыми медалями, их встречали как национальных героев.

Что заставляет нас так эмоционально реагировать на футбол? Это всего-навсего игра – но игра эта будит в душах людей очень сильные чувства. Даже верующие могут быть яркими футбольными болельщиками. Женщины, которые сами никогда не играли в футбол, подчас болеют гораздо сильнее и гораздо громче своих мужей... Думаю, дело в том, что спортивное соревнование – даже если мы сами не участвуем, а следим со стороны – активизирует в человеческой душе некоторые понятия, очень важные для повседневной жизни.

Футбол – командная игра. Наша жизнь тоже своего рода «командная игра». Мы живем в семье, в обществе, мы работаем вместе с другими людьми, коллегами. Чтобы хорошо жить и работать, надо овладеть командным духом. Не только сотрудничать, но и думать как единая команда. Не тянуть на себя – уметь вовремя «отдать пас».

Футбол – это правила, которые надо соблюдать. Иначе судья может назначить штрафной удар, сделать предупреждение или вообще удалить с поля. Так и в жизни. Мы часто не понимаем, почему Б-г, наш Судья, наказывает нас. Но верующий человек знает: есть Закон, его надо соблюдать, даже если не понимаешь. А если нарушил – обязательно последует наказание.

Цель игры – забить гол противнику, который старается этого не допустить. Если бы не было противника – не было бы футбола. Но ведь точно так же и в жизни! Б-г мог бы создать мир так, чтобы человеку все давалось легко, без усилий: но в этом случае жизнь потеряла бы смысл. Б-г создал нам «противника» – разные препятствия, без преодоления которых мы ничего не добьемся. Да, так труднее жить – зато насколько интересней! И сами мы, как футболисты, преодолеваем «сопротивление противника» и наращиваем свое мастерство.

Все знают, что хороший футболист – это универсал, который может сыграть и в защите, и в нападении. Команда универсалов всегда будет иметь преимущество над соперником. Но и в повседневной жизни человек, чтобы выполнить свою миссию, должен уметь хорошо защищаться и атаковать. Он должен быть осторожен, не совершать ошибок, чтобы не дать «противнику» победить себя; но, если всю жизнь «просидеть в защите», ничего не выиграешь! Он должен стремиться к цели – выражаясь футбольным языком, «подключаться к атаке», – но при этом всегда учитывать возможные действия «противника», иначе цель не будет достигнута. В Торе сказано: «Избегай зла и делай добро» – недаром есть позитивные заповеди, своего рода «заповеди атаки», и заповеди-запреты, «заповеди для игры в защите»!

Чтобы хорошо играть, необходима правильная подготовка – очень многое зависит от искусства тренера и от того, насколько сам футболист активно тренируется. Даже самый талантливый спортсмен, если он не подготовлен, не сможет провести весь матч на должном уровне, послужить своей команде как следует. То же самое, когда мы служим Б-гу. Порой приходится слышать от людей: «Вот я пришел в синагогу, молюсь – а нет ощущения, что я расту и приближаюсь к Б-гу». Такие люди просто «недостаточно тренируются» – приходят молиться раз в год, максимум по большим праздникам. А ведь воздействие от молитвы растет постепенно, если хочешь, чтобы молитва принесла результат, надо посещать синагогу регулярно, учить Тору, выполнять заповеди, которые нам положил Всевышний...

Но все это, конечно, хорошо, когда человек сам находится в жизни, как на футбольном поле, когда он играет сам. Просто сидеть у телевизора и болеть за свою команду – это полдела. Верующий человек должен сам заниматься спортом, физкультурой, поддерживать свое здоровье. Как учат наши мудрецы: «Маленькая дырочка в теле – большая дыра в душе».

И наконец, самое важное. Футбол заряжает нас эмоционально, потому что эта игра учит сражаться до последнего. Я думаю, что наши болельщики с таким восторгом встречали вернувшихся с чемпионата футболистов именно за это качество. Даже когда сборная проиграла в первом матче – она не опустила руки, продолжала биться и дошла до медалей! Это качество вызывает инстинктивную солидарность у каждого человека – и именно потому, что каждый из нас чувствует, что должен жить, как на футбольном поле, стараться до конца, отдавать все свои силы и способности! Б-г смотрит не только на конечный результат, но и на то, как мы стараемся, какую проявляем самоотверженность.

В этой связи вспоминается одна история о фарбренгене реб Хаче Фейгина, секретаря Ребе. Дело было в СССР, хасиды могли собираться только подпольно, поэтому на улице дежурил сторож. В какой-то момент реб Хаче принялся распекать учеников, что они недостаточно учат Тору, плохо молятся. Ученики сидят, понурились – то один заплачет, то другой... Вдруг вбегает сторож: «Милиция близко!» Мгновенно все забыли о слезах, убрали угощение, спрятали все, что могло выдать верующего еврея. Слава Б-гу, милиционеры прошли мимо. Когда опасность миновала, реб Хаче удовлетворенно сказал: «Один урок вы все-таки усвоили – когда дело плохо, надо не плакать, а собраться и сделать дело». Так и вышло: с тех пор ученики молились усерднее, в изучении Торы преуспели – и в конце концов выиграли «матч своей жизни»...

УЧЕНИЕ РАББИ ШНЕУРА-ЗАЛМАНА ИЗ ЛЯД

Nai oee Aidiavvee

Продолжение. Начало в № 7, 2008

3.

У евреев, объясняет р. Шнеур-Залман, как праведных, так и нечестивых, есть две души. «Одна из них связана с тем, что называется клипа (т. е. оболочка или скорлупа), или ситра ахра, и она облекается в кровь человека с целью оживлять тело, как сказано (Ваикра, 17:11): “Ибо душа человека в крови”. И от нее берут начало все дурные свойства... Но и те хорошие свойства, которые от природы присущи всякому еврею во всех поколениях нашего народа, такие, как сострадание и готовность к бескорыстной помощи, тоже коренятся в ней, ибо у евреев эта душа, хотя и связанная с ситра ахра, берет начало в клипе, называемой нога (т. е. свечение), которой присуще также и добро и суть которой связана с тайной Древа познания добра и зла... Вторая душа, отличающая каждого еврея, – подлинная частица высшей Б-жественности, как сказано в Писании (Берешит, 2:7): “И <Он> вдунул в ноздри его <человека> душу живую”, и сказано в Талмуде (Брахот, 60б): “И Ты вдохнул в меня”, и еще сказано в книге “Зоар”: “Тот, кто выдыхает, выдыхает частицу себя”». Это означает, что «души даже самых ничтожных людей из народа Израиля в сути своей имеют нечто Б-жественное» (Танья, 1:1–2).

Эта Б-жественная душа состоит из трех частей: нефеш, руах, нешама. Каждая из них в свою очередь «заключает в себе десять аспектов в соответствии с десятью сфирот высших миров, от которых каждая из них исходит. Эти десять аспектов в свою очередь разделяются на две группы: три и семь. Три – это так называемые “матери”: хохма (т. е. мудрость), бина (т. е. постижение) и даат (т. е. знание), а семь – это так называемые “двойные”, которые к тому же сопоставляются с семью днями творения: хесед (т. е. доброта), гвура (т. е. мощь), тиферет (т. е. гармония) и так далее, по названиям сфирот. Аналогично устроена душа человека, которая тоже состоит из двух частей: разума и этических качеств, называемых мидот. И опять же разум складывается из хохма, бина и даат, а мидот¹¹ – это любовь к Б-гу, трепет и страх перед Ним, восхищение Им и т. п.».

Три аспекта, обозначаемые как Хабад (хохма, бина, даат), называются «матери» и являются источником по отношению к мидот. Объясняется это следующим образом: разум души, характеризующий ее способность понимать, называется на иврите хохма. Из этого слова перестановкой входящих в него букв получается выражение «коах ма»,

означающее «способность <задаться вопросом> “что <это>?”». Этот вопрос охватывает явление или предмет в самых общих чертах. Но при реализации этой первой способности, то есть когда человек не только выделяет нечто в самостоятельную сущность, но, побуждаемый мудростью хохма, рассматривает его своим разумом с целью постичь глубоко и отчетливо, – на этом этапе проявляется бина. Эти два аспекта души – хохма и бина – называются «отцом» и «матерью», поскольку они порождают любовь к Б-гу, страх и трепет пред Ним. Ибо когда разум углубляется в созерцание величия Творца и осознает, что Он наполняет все миры, и приводит их в движение, и объемлет их, и что по сравнению с Ним все как бы не существует, в человеке пробуждается чувство трепета и смущения перед Его величием. Под влиянием понимания, созревшего в мозгу, человек испытывает душевное потрясение, и в его сердце возникает страх при мысли о Нем, благословенном, Которому нет ни конца, ни края. И тогда в человеческом сердце возгорается сильнейшая, будто пламя, любовь, и душу его охватывают страсть, и желание, и тоска, и стремление к Нему, Беспредельному и Великому. Это об этой любви не раз читаем в Псалмах: «Истомилась, изнемогла душа моя в тоске по обители Г-спода» (84:3), «Жаждет душа моя <приблизиться> к Б-гу» (42:3), «Жаждет Тебя душа моя» (63:2).

Третий аспект, даат, восходит к стиху Торы (Берешит, 4:1): «И Адам познал Хаву». Тут имеется в виду знание как соединение, достижение единства. Человек неотступно направляет свою мысль на постижение величия Бесконечного, благословен Он, соединяя себя с Ним, и не отклоняется мыслью ни вправо, ни влево. Ведь даже тот, кто уже проявил мудрость и понимание в осознании величия Всевышнего, если он не обуздает свою мысль и не сконцентрируется на познании этого, не сумеет породить в своей душе ни истинного страха перед Б-гом, ни истинной любви к Нему. Оттого даат дает существование и жизненность этическим качествам (мидот), среди которых хесед и гвура, читай – любовь и Б-гобоязненность во всех ее проявлениях (см. Танья, 1:3).

«А еще есть у Б-жественной души каждого человека три одеяния: мысль, речь и поступок, которые определяются 613-ю заповедями Торы. Таким образом, когда человек в своих поступках исполняет все практические заповеди, использует свою способность говорить для толкования всех 613 заповедей и связанных с ними законов, а мыслью постигает все, что он в состоянии постичь в Пардесе^[21] Торы, все 613 частей его души одеваются в 613 заповедей Торы... Каждый постигает Тору в меру своих интеллектуальных возможностей и в зависимости от того, где в вышних мирах находится корень его души».

«Мидот, то есть Б-гобоязненность и любовь во всех их проявлениях и порождениях, внешне облечены в исполнение заповедей, действием и речью, то есть в изучение Торы. Оттого заповедь изучения Торы приравнивается ко всем остальным, вместе взятым. Корень всех 248 предписывающих заповедей “так делай” – в любви, они исходят от нее, и без нее невозможно их истинное исполнение. Ибо исполняющий эти заповеди любит Имя Б-жие и желает быть Его истинным приверженцем, а невозможно быть истинно приверженным Всевышнему, если не исполнять 248 Его повелений, тем более что эти 248 заповедей являются как бы членами тела Всевышнего, как то будет рассмотрено ниже. А в страхе – корень всех 365 запретов Торы, ибо человек боится послушаться Царя, Царствующего над царями царей, Святого, благословен Он. Но существует и более внутренний вид страха, когда человек испытывает смущение перед Его величием и стыдится делать то, что Всевышний полагает дурным... И хотя Всевышний, благословен Он, называется Бесконечным, и “величие Его неизмеримо” (Псалмы, 145:3), и “мысль совершенно не постигает Его” (Тикуней Зоар, 12б), а также Его мысль и волю <...>, сказали наши мудрецы (Мегила, 31а): “Там, где ты видишь величие Б-га, там найдешь и Его смирение”. Это означает, что Всевышний сократил <снова путем

цимцума> Свою волю и мудрость и свел их в 613 заповедей Торы и связанные с ними законы, выразил в сочетаниях букв Танаха и в толкованиях, которыми их истолковали наши мудрецы в притчах и преданиях. Все это сделал Он, Благословенный, чтобы каждая ипостась души – нешама, руах и нефеш – в человеческом теле могла постичь их своим разумением и исполнить все, что можно, действием, речью и мыслью, и таким путем смогла облачиться в десять своих качеств и в три названных одеяния» (Танья, 1:4).

Р. Шнеур-Залман показывает, как велико преимущество глубокого знания Торы, которое достигается методом пардес: «Всякий разум в процессе познания и постижения чего-либо схватывает познаваемое и объемлет собою, так что предмет познания оказывается как бы внутри разума, который постиг его и освоил. Но и разум, в свою очередь, облачается в познаваемое, коль скоро усваивает его. Когда, например, человек ясно и до конца понимает какой-либо закон Мишны или Талмуда, разум схватывает и объемлет его, но в то же время и сам в него облачается. А ведь этот закон – не что иное, как мудрость и воля Всевышнего. <...> И поэтому, когда человек изучает и постигает разумом закон Мишны, Талмуда или Поским (т. е. кодификаторов), он постигает, схватывает и объемлет разумом волю и мудрость Всевышнего. Но наша мысль не способна постичь ни Самого Б-га, ни Его волю и мудрость как таковые, оттого и даны они нам облаченными в конкретные законы, и, постигая эти законы, разум также облачается в них. Возникает удивительное единение <между мудростью и волей Творца, с одной стороны, и разумом человека, с другой>, которому нет

подобного в материальном мире. Это абсолютное и дивное единение достигается изучением Торы. Оттого превыше всего стоит заповедь, предписывающая изучение и постижение Торы, потому что она объемлет и проникает все заповеди о том, как надо поступать, и о том, что и как надо говорить, и даже саму заповедь изучения Торы путем говорения. Через заповеди, связанные с речью и поступками, Всевышний одевает человеческую душу Своим Б-жественным светом и окутывает ее им с головы до пят. А через познание Торы разум не только облачается мудростью Б-га, но и пропитывается ею в той мере, в какой он познает Тору, схватывает и объемлет ее собою во всем, что сумел понять, – каждый по разумению своему или по степени проникновения в пардес» (Танья, 1:5).

4.

Творец создал все в соответствиях, и разным сущностям и явлениям можно найти параллели. Например, Б-жественная душа еврея «содержит десять святых сфирот и одета в три святых одеяния». Но и его вторая душа, та, что происходит «от ситра ахра, от оболочки нога, и одета в кровь человека, состоит из десяти нечистых венцов, которые суть семь дурных качеств, происходящих от четырех дурных начал» (см. Танья, 1:6). И разум снова делится на три аспекта, а именно хохма, бина и даат, которые, в свою очередь, порождают дурные качества. «Ибо качества (мидот) зависят от разума. Ребенку нравятся и желанны пустые, не имеющие ценности вещи, так как его разум слишком мал и незрел для того, чтобы постичь нечто более стоящее. Он сердится и выходит из себя по самым ничтожным причинам, любит хвастаться, бывает агрессивен и прочее – из той же незрелости разума. И в момент, когда человек мыслит, говорит или действует под влиянием этих десяти дурных категорий, мысль в его мозгу, речь в его устах и энергия действия в его руках и всех членах его тела называются нечистыми одеяниями этих десяти

дурных категорий... И таковы все дела, совершаемые под солнцем, как сказано в книге Коелет (1:14): “Все – суета и томление духа”... И таковы все речи и все мысли человека, не относящиеся к Б-гу, к Его воле и служению Ему, что и выражается понятием “ситра ахра” – другая сторона, противоположная святости (кдуша). Сторона, называемая кдуша, есть не что иное, как эманация святости Всевышнего. Но Всевышний пребывает лишь в том, кто ради Него полностью отрекается от себя: на деле – как ангелы в вышних или потенциально – как любой земной еврей. Но этот потенциал еврея всегда может стать реальностью в акте полнейшей преданности и самоотверженности – гибели во имя Б-га. Но все, что не отдает себя Ему, но существует само по себе, в отрыве от Него, не получает жизненной силы от святости Б-га, от глубочайших внутренних истоков самой святости, но черпает жизненную силу как бы “сзади”, с обратной стороны. И эта “оборотная” жизненность спускается все ниже и ниже, проходит бесчисленное множество уровней в ходе ступенчатого нисхождения миров, претерпевает многократные сокрытия, так что изначальный свет и витальность постепенно уменьшаются так сильно, что могут сокрыться и задрапироваться до такой степени, как если бы ушли в изгнание, внутрь того самостоятельного, оторванного от Б-га нечто. Но все-таки они дают ему жизнь и поддерживают его бытие, чтобы оно не обратилось снова в абсолютное ничто, каким было прежде, до сотворения. Оттого и называется этот мир и все наполняющее его миром “клипот” (т. е. оболочек, шелухи) и “ситра ахра” (т. е. оборотной, негативной стороны). Оттого и все деяния, что вершатся в этом мире, тяжки и дурны» (Танья, 1:6, Ликутей Тора, раздел Теце, 37г–38а).

Задача Б-жественной души, когда она «спускается в наш мир, состоит в том, чтобы облачиться в животную, скотскую душу и обратить все ее не направленные к Б-гу помыслы и свойства из дурных в благие, чтобы очистить и возвысить животную душу до уровня полного самоотвержения и слияния со светом Всевышнего». Но так как Б-жественная душа в этом мире заключена в материальном теле, «по своей природе стремящемся к материальным целям этого мира, то тело и мир прячут, скрывают святость души» (Ликутей Тора, раздел Теце, 38а). Поэтому еврей «обязан пренебречь интересами тела и смирить его настолько, чтобы оно не затеняло сияния души». Ему следует постоянно помнить о глубоком, принципиальном различии между «удовольствиями этого мира, которые в конце концов превратятся в тлен и станут добычей могильных червей, и наслаждением от мыслей о Всевышнем, о Его беспредельности и бесконечности, о Его грандиозном величии, и пусть даже он знает, что в силу ограниченности своих способностей никогда не постигнет Его истинно, а разве что в воображении, – все равно пусть сделает все, чтобы выполнить наставление, которое душа клялась исполнить до спуска в этот мир: “Быть праведной” (Талмуд, Нида, 30б). А уж Всевышний поступит, как сочтет нужным. И еще помни: привычка – вторая натура. Когда человек приучит себя питать отвращение к злу, то зло и в самом деле станет ему отвратительно, а когда путем размышлений приучит свою душу радоваться осознанию величия Б-жьего, то, как известно, начавшееся в дольних пробуждает волю в горних, и может так случиться, что свыше изольют на него дух святости, и удостоится он, и войдет в его душу как бы из источника духа праведника, и понесет душа от него, и станет служить Создателю в истинной радости, и вправду исполнится данная прежде клятва, чтобы быть праведной» (Танья, 1:14).

Преданное служение Всевышнему всеми помыслами «прибавляет сил Б-жественной душе, и человеку легче становится воевать со своей скотской душой вплоть до полного изгнания и истребления содержащегося в ней зла». Вот тогда он поднимается на уровень «полного праведника», ибо полный праведник – это тот, в ком «зло на деле обратилось в полное благо». Более того, «в каждом поколении искры души учителя нашего Моше нисходят <в наш мир> и облакаются в тело и душу мудрецов того

поколения, “очей общины”, дабы учить народ и давать ему знание (даат), чтобы знали величие Г-спода и служили Ему сердцем и душой, ибо служение соразмерно знанию... Но главное в познании – не одни только сведения о величии Всевышнего, которые черпают у учителей и из книг, главное в том, чтобы углубить свои знания величием Всевышнего и устремить свою мысль на Всевышнего с напряжением и дерзновенностью сердца и мозга и добиться, чтобы мысль была связана со Всевышним крепко и смело, подобно тому, как человек задерживает свою мысль на чем-либо материальном, воспринимаемом его телесным зрением, и углубляется в это материальное своей мыслью. Вот этим свойством и этой способностью соединять знание со Всевышним наделена душа каждого, рожденного в народе Израиля, поскольку она черпает из души учителя нашего Моше, и лишь из-за того, что душа облечена в тело, ей необходимо прилагать <к достижению этого единения> огромные и многократные усилия» (Танья, 1:10, 42).

Ī adāāñä ñ eādeō à Ī aēdā Ēāaeī Īāñ

Ī dīāñēaeāñ eā ñēāāōōō

^[1] Слово «мидот» (ед. число – мида), используемое в таком контексте, не имеет адекватного перевода на русский язык. Можно сказать, что это семь базовых векторов мотивации человеческой деятельности: доброта, строгость, гармония и т. д.

^[2] Пардес (букв. «сад») – аббревиатура ивритских слов «пшат», «ремез», «драш», «сод», что означает соответственно «буквальный смысл», «намек», «толкование» и «тайна» и указывает на различные уровни смысла Торы и ее толкования.

ЛЮБОВЬ В САМЫЙ МОМЕНТ РАЗРУШЕНИЯ

עֲרֻבֵי עֵאִי

Известно, что ангелы-«крувы», изваянные на крышке Святого ковчега, стоявшего в самом святом помещении Храма, Святая святых, служили «индикатором» отношения Всевышнего к Своему народу. Когда евреи прилежно исполняли волю Творца и Он благоволил к ним, «крувы» смотрели друг другу в лицо. Однако когда евреи нарушали волю Его – небрежно исполняли заповеди, недобросовестно изучали Тору и плохо относились друг к другу – и потому Всевышний сердился на них, «крувы» стояли на Ковчеге, понуриив головы от стыда.

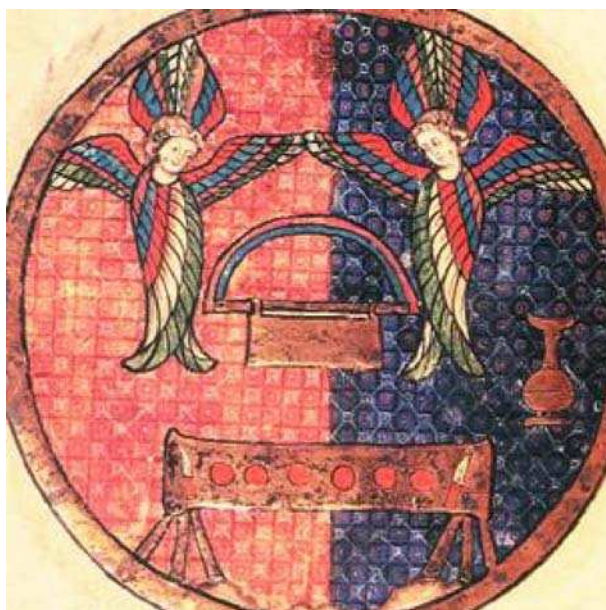
Но во время первой в истории еврейского народа Катастрофы, разрушения первого Храма, враги, ворвавшись в Святая святых, увидели несомненное свидетельство благоволения Всевышнего к Своему народу. Ангелы-«крувы» на священном Ковчеге с великой любовью смотрели друг другу в лицо!

Возможно ли, чтобы в тот самый миг, когда Всевышний излил всю силу Своего гнева на Израиль, Он одновременно выражал к народу Свою любовь?! И от этого вопроса мы переходим к следующему: если возможно столь невероятное объединение двух противоположностей, то, может быть, и суть Катастрофы – не гибель и уничтожение, а что-то другое? Тогда что же именно?

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПОСТИМСЯ?

В связи с законами об общественных постах, обязательных для всех сынов народа Израиля, Рамбам пишет (Мишне Тора, Законы о постах, 5:1): «Есть дни, в которые все сыны Израиля постятся из-за бедствий, происшедших в те дни. Цель этих постов – пробудить сердца, открыть пред ними пути к раскаянию и исправлению. Также – чтобы служить нам напоминанием о наших дурных поступках и делах наших отцов, которые были подобными нашим делам теперешним, приведших к тому, чтобы стать причиной этих бедствий и для них, и для нас. И нужно, чтобы, побуждаемые памятью об этих событиях, мы вернулись к добру – как сказано (Ваикра, 16:40): “И исповедаются в грехе они своим и в грехе своих отцов...”»

Мы видим, что сущность поста – побуждение к тшуве, то есть раскаянию в своих нехороших поступках и их исправлению. Кроме того, каждый из этих постов должен заставить нас вспомнить о событиях, в память о которых этот пост установлен, и задуматься об их причинах и следствиях. А главное из последствий тех бедствий – изгнание, в котором мы находимся сегодня. Осознав его горечь, заставив себя почувствовать, скольких благ мы лишены из-за него, придется признать, что мы очень часто ведем себя не так, как хочет того Всевышний. Ведь если бы мы совершили настоящую тшуву, уже давно пришел бы Машиах и было бы покончено с изгнанием. Значит, самая насущная необходимость – поскорее совершить полную, истинную тшуву и удостоиться Избавления – окончательного, истинного и полного!

НА ЧТО НАМЕКАЕТ МОЛИТВА?

В сказанном также суть поста Тиша бе-ав, Девятого ава, и такова же его цель. Исходя из этого, можно было бы предположить, что все, соотнесенное с постом – законы, обычаи и, конечно, молитвы, – должно вести к той же цели. Но взглянем в молитвенник, начнем читать Слехот^[1] для Семнадцатого тамуза (поста, непосредственно предшествующего Тиша бе-ав и связанного с ним^[2]) и сразу же остановимся в удивлении. Как обычно в Слехот, в самом начале приводится несколько цитат из Танаха, имеющих внутреннюю связь с содержанием данного поста. И вот какие цитаты открывают цикл Слехот в пост Семнадцатого тамуза: «Не давайте покоя Ему, пока не утвердит Он и не сделает Иерусалим хвалой всей земли! (Йешаяу, 62:7.) Ибо у Тебя – источник жизни, в Твоем свете увидим мы свет (Теилим, 36:10)». И далее: «Б-г наш! Стыдно нам от наших дел, смущены мы грехами нашими!»

Последовательность этих молитвенных возгласов совершенно непонятна. Как будто бы очевидно, что, если, по нашим словам, суть поста – побуждение к тшуве, начать нужно было бы с исповеди: «Б-г наш! Стыдно нам... смущены мы... из-за наших дурных дел и совершенных нами нарушений Торы». Затем следовало бы выразить надежду и уверенность в том, что Всевышний примет нашу тшуву и даст нам «увидеть свет», и только в последнюю очередь требовать от Него, чтобы Он привел Избавление!

Почему же порядок здесь – обратный?

ИЗГНАНИЕ АНАЛОГИЧНО ПОСЕВУ

Дело в том, что здесь мы получаем намек на внутреннюю суть того, что такое изгнание и Катастрофа. Внешне они выглядят как наказание – невероятно тяжелое и страшное – за грехи наших отцов. Но по сути своей они – нечто иное. В учении хасидизма бытует такое выражение: «Спуск – необходимое условие подъема». Так и этот спуск необходим для того, чтобы затем подняться выше, чем та высота, с которой спустились. Конечная цель изгнания – грядущее Освобождение, полное и истинное, которое принесет наш праведный Машиах, восстановление Храма, который несоизмеримо превзойдет и первый Храм, и второй, а также исполнение всех заповедей Торы в их полном объеме, наилучшим образом.

Сокровенная сущность изгнания – очищение и освящение мира. Всевышний рассеял народ Израиля по всей земле для того, чтобы евреи находили разбросанные по всему миру искры Святости и возвращали обратно в их сферу. Каждый еврей, изучая Тору, исполняя ее заповеди и используя все, что окружает его и чем он владеет, «во Имя Небес», то есть для служения Всевышнему, воздействует на свой участок мира и подготавливает его к грядущему откровению бесконечного Б-жественного света. А весь народ Израиля делает то же самое в масштабах всего мира и превращает его в форму, пригодную для восприятия грядущего Б-жественного откровения.

Достижение столь высокой цели оправдывает страдания еврейского народа в изгнании. Талмуд (Псахим, 87б) сравнивает изгнание с посевом. Комментируя стих «и посею Я ее для Себя в этой земле» (Ошеа, 2:25), Талмуд спрашивает: «Разве человек не сеет сеа^[3] лишь для того, чтобы собрать потом несколько коров?^[4]» А ведь на первый взгляд посев – это уничтожение зерна. Берут сеа высокосортной пшеницы и, вместо того чтобы употребить ее в пищу, закапывают в землю, а она там портится и разрушается. Однако каждому ясно, что на самом-то деле это вовсе не бессмысленная трата зерна, потому что, когда оно прорастет и выбросит колосья, с них можно будет получить в несколько десятков раз больше пшеницы, чем количество посеянной.

Так же обстоит дело с изгнанием: внешне – оно бедствие, ущерб и разрушение, однако по внутренней сути своей оно «посев», из коего вырастет в будущем освобождение всего еврейского народа и избавление от изгнания, чудесный и дивный подъем.

ВНЕШНЕ – ЯРОСТЬ И ГНЕВ, ВНУТРИ – МИЛОСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ

Приведенное сравнение помогает нам найти ответ на один острый вопрос. Талмуд (Бава батра, 99а) приводит два, казалось бы, противоположных мнения о том, в какую сторону были обращены лица ангелов-«крувов» на крышке Святого ковчега: друг к другу или к Ковчегу. Но на самом деле противоречия здесь нет: каждое из мнений относится к другой ситуации. А именно: «когда сыны Израиля исполняли волю Вездесущего», «крувы» смотрели друг на друга (как комментирует Рашбам, «подобно любящим друг друга мужчине и женщине, взглядом выражающим свое чувство»); «а когда сыны Израиля не исполняли волю Вездесущего», они отворачивались друг от друга. В трактате же Йома (лист 54а) сказано: «Когда сыны Израиля приходили (в Храм) на праздник, откидывали завесу (закрывавшую вход в Святая святых) и показывали им “крувов”, словно влюбленных друг в друга, и говорили: “Смотрите, сколь велика любовь к вам Вездесущего – подобно любви между мужчиной и женщиной!”»

А далее (Йома, лист 54б) рассказано, что «когда ворвались чужаки в Чертог, увидели они “крувов”, словно влюбленных друг в друга. Вынесли их наружу и закричали: “Вот <...> сыны Израиля, благословение которых приносит благословение, а проклятие приносит проклятие, занимаются такими вещами (то есть поклоняются этим идолам)?!”»

Произошло это Девятого ава, в день взятия Иерусалима вавилонянами и разрушения первого Храма. Ясно, что эти ужасные события с очевидностью свидетельствовали о том, что Всевышний был в страшном гневе на народ Израиля и изливал на него Свою кипящую ярость. А «крувы» – о чем свидетельствовали они? О великой любви Всевышнего к Своему народу. Разве первое полностью не исключает второго? Разве наказание – выражение любви?!

Но учение хасидизма разъясняет, это непостижимое сочетание открывает нам сокровенный и истинный смысл изгнания. Действительно, внешне оно выглядит как нечто, диаметрально противоположное любви: откровение гнева Всевышнего, жестоко наказывающего грешников. Однако именно в момент разрушения Храма началась подготовка к его восстановлению Машиахом. Парадокс, потрясающий человеческое воображение, заключается в том, что именно благодаря Своей бесконечной любви к Израилю Всевышний разрушил Храм и отправил Свой народ в изгнание. С какой целью? Ради цели, выше которой ничего нет: всеобщего, истинного и полного Освобождения и воздвижения нового вечного Храма. Внешне – Катастрофа, а ее внутреннее содержание – «разрушение ради того, чтобы строить». Чтобы воздвигнуть Храм, который будет намного больше и великолепнее предыдущего. (А иначе незачем разрушать!)

Опять перед нами «спуск ради последующего подъема». Опять перед нами бедствие – разрушение и уничтожение, таящее в себе новый результат, совершенно несоизмеримый с начальным положением. Внешне – гнев и ярость, внутри – милосердие и любовь. Вот почему в самый момент Катастрофы «крувы» так любовно смотрели друг на друга.

ВСЕ ПРИМЕТЫ УЖЕ НАЛИЦО!

В свете сказанного получает объяснение также последовательность этапов изгнания. Если видеть в нем только наказание за грехи и способ их искупления, то с точки зрения здравого смысла с течением времени евреям должно становиться все легче и легче. Ведь когда наказывают преступника, с ним обращаются именно так: сначала сажают его в тюрьму с самым строгим режимом, создают ему самые тяжелые условия жизни, а затем постепенно допускают все больше и больше послаблений. Вплоть до того, что, когда до срока освобождения остается немного, образ жизни заключенного становится уже совсем близким к условиям жизни на воле. Так и изгнание: с течением времени остается все меньше и меньше грехов, которые не получили искупления, поэтому условия жизни должны изо дня в день становиться легче и приятнее. А на деле мы видим воочию, что происходит обратное: изо дня в день изгнание становится все тяжелее и ужаснее. В начале его евреи пользовались относительной автономией (в Двуречье) и имели самоуправление. Жили во множестве великие, Б-жественные личности: танаи (создавшие Мишну), амораи (создатели Иерусалимского и Вавилонского Талмудов), затем гаоны; гонения на еврейство были относительно редки и не слишком тяжелы. Но чем дальше – тем более мрак изгнания сгущается, откровения Б-жественного становятся все реже, а гонения – все более жестокими и страшными. Вплоть до того, что совсем недавно, чуть больше полувека назад, все евреи Европы оказались под угрозой поголовного уничтожения (не бывать этому никогда!). Так что чем ближе к концу изгнания и приходу Машиаха – тем хуже и тяжелей...

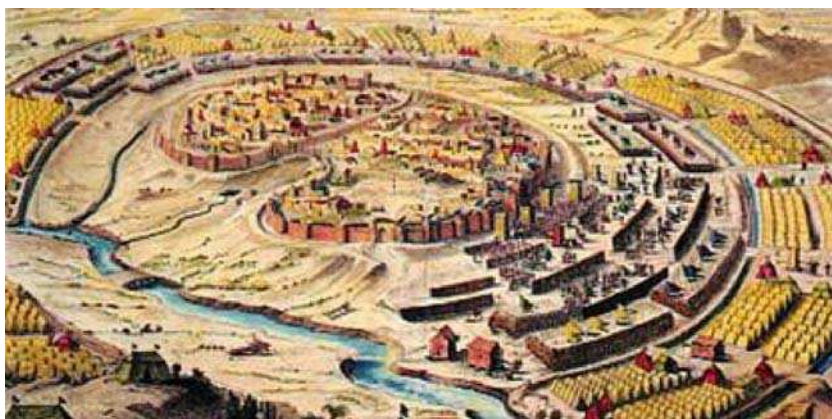
В конце трактата Сота перечисляются приметы прихода Машиаха: наглость возрастет; продукты вздорожают; «монархия превратится в ересь»; никто не будет терпеть упреков; «суд станет публичным домом»; обедневшие люди будут бродить из города в город, и никто их не пожалеет; «мудрость ученых провоняет, боящиеся греха станут внушать отвращение, а Истина скроется»; юнцы будут оскорблять старцев, а те – вставать перед малолетними; «сын презирает отца, дочь поднимается на мать, невестка – на свекровь; враги человека – его домочадцы»; «лицо поколения – словно морда собаки»...

Каждый найдет доказательства того, что все это уже осуществилось – да еще в каких формах! Но, с другой стороны, именно такое положение подтверждает, что шаги Машиаха уже слышны. Конечная цель изгнания – показать всему миру, что «Его царская

власть над всем владычествует» (Теилим, 103:19), чтобы Всевышний «стал царем над всей землей» (Зхарья, 14:9) благодаря тому, что «вся земля» очистится и одухотворится в результате работы сынов Израиля на протяжении всего времени изгнания.

И изменения в процессе изгнания

соответствуют этапам этого очищения и освящения мира. Вначале оно касалось самых высоких уровней мира и поэтому не было особо тяжелым. Однако постепенно в работу включались все более и более низкие уровни, очищение которых требует серьезных усилий, и, соответственно, работа становилась все труднее. В самом конце же изгнания, когда приходится трудиться над самыми низкими и нечистыми уровнями, затрачивают максимальные силы. Но знание о конечной цели наших трудов помогает и само дает силу выстоять во всех испытаниях. Слава Б-гу, мы уже дожили до времени, когда вот-вот работа завершится и появится праведный наш Машиах!

Иерусалим, окруженный полками Невухаднецара.

«НЕ ДАВАЙТЕ ПОКОЯ ЕМУ!..»

Теперь пора дать ответ на вопрос, поставленный нами в самом начале: о последовательности обращений к Всевышнему в начале Слехот Семнадцатого тамуза. Поскольку мы уже знаем, что конечная цель изгнания – Избавление, о нем мы и упоминаем сразу же: не оставляйте Всевышнего в покое до тех пор, пока Он не приведет Освобождение!

Правда, тут возникает новый вопрос. Но ведь это Сам Всевышний навлек на нас разрушение и отправил в изгнание! И разве не Его закон – закон Торы – предписывает нам скорбеть и соблюдать траур между Семнадцатым тамуза и Девятым ава, в дни, непосредственно предшествовавшие Катастрофе? В качестве ответа следует вторая цитата: «Ибо у Тебя – источник жизни, в Твоем свете увидим мы свет». Именно потому, что Всевышний, источник жизни, доброты и милости, Сам наслал на нас бедствие, ясно, что сокровенная суть его – истинное добро (то есть грядущее освобождение). И лишь после этого мы начинаем каяться в своих грехах, чтобы пробудить в себе стремление совершить тшуву, ускоряющую приход Избавления.

«Цион правосудием будет искуплен, а пленники из него – праведными делами» (Йешаяу, 1:27). Эти слова дают нам указание, на что следует обратить особое внимание в течение этих трех недель между Семнадцатым тамуза и Девятым ава. Более углубленное и интенсивное изучение Торы и «праведные дела» – в первую очередь цдака (помощь

бедным и изучающим Тору) – вот что способно ускорить и приблизить день Освобождения.

Слово «правосудие» намекает также на Алаху, ибо суть ее – верное суждение обо всем и направляемое им действие. Поэтому в эти дни надлежит расширить изучение Алахи, и в особенности (как многократно подчеркивает Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон) тех законов, которые связаны с Храмом и приходом Машиаха. Это главы 40–43 из книги пророка Йехезкеля, трактат Мишны «Мидот» и «Законы об Избранном строении (то есть Храме)» Рамбама. Ибо мысленное, то есть духовное построение Храма приближает восстановление его в материальной сфере этого мира.

И конечно, помимо всего этого нужно сделать особый акцент на молитвах. Это указание дает нам первый стих Слехот: «Не давайте покоя Ему!» Нужно больше, более вдохновенно и страстно молиться об освобождении из изгнания, приходе Машиаха и восстановлении Храма. Любавичский Ребе энергично подчеркивает, что у каждого еврея есть право не только просить, но и требовать, чтобы Всевышний как можно скорее – сейчас же, немедленно! – послал нам Машиаха вместе с истинным и полным Освобождением!

Шана. ^[1] Молитвы о прощении, которые читают в дни постов, а также в последнюю неделю перед Рош а-

^[2] 17 тамуза произошли события, приведшие к взятию Иерусалима и разрушению Храма 9 ава.

^[3] Древняя мера объема сыпучих тел, примерно 13,3 л.

^[4] Кор – мера объема сыпучих тел, содержащая 30 сеа.

«И ТЫ ОЖИВЛЯЕШЬ ИХ ВСЕХ»

Проблема инвалидов. Слепота

Ôàéòë Êáàèí

Êòí ààë ÷ àëí ààéó óñò à,

Ëëë èòí àí ñàëààò í àí ùí ,

Ëëë àëóèì ,

Ëëë çðÿ÷èì ,

èëë ñàí ùí ?

Í áß èë, Á-ñí í àíí?

Шмот, 4:11

Мидраш (Шохар тов, Теилим, 14б) считает слепоту самым большим мучением из всех, каким подвержен человек. Зато в будущем, когда Всевышний исцелит всех страждущих, первыми будут излечены слепые.

Вполне очевидно, что слепой человек не может принимать участия во всех видах религиозной активности, предписанной евреям. Вместе с тем еврейское законодательство стремится сделать жизнь слепого максимально полной в духовном аспекте, чтобы избавить его от чувства неполноценности (или хотя бы ослабить это чувство). Как писал Любавичский Ребе, обращаясь к раненым солдатам израильской армии (23 ава 5736 [1976] года), именно случаи физической неполноценности «доказывают, что Всевышний, Творец человека, обеспечил его (или ее) особыми духовными способностями...».

Наша цель – рассмотреть особенности алахического статуса слепого, затронув некоторые из смысловых аспектов этого статуса. В частности, можно выделить четыре основных вопроса.

1. Из каких областей религиозной активности закон исключает слепого из-за того, что он лишен возможности видеть?

2. Каков статус слепого в тех областях религиозной активности, где зрение не обязательно?

3. Из каких областей религиозной активности Тора исключает слепого без очевидной причины, лишь в силу «вердикта Писания»?

4. Как относится закон к средствам, предоставляемым современной технологией незрячим для того, чтобы компенсировать их ущербность в тех видах деятельности, где необходимо зрение?

ПРОБЛЕМА ЗРЕНИЯ

Начнем с тех особых случаев, когда мудрецы предписывают незрячему участвовать в таких видах религиозной деятельности, которые, казалось бы, не имеют к нему отношения.

Каждое утро, вскоре после пробуждения, мы произносим благословения, благодаря Всевышнего за то, что Он снабжает нас одеждой, обувью и, в частности, за то, что Он даровал нам зрение. Именно таков смысл благословения «...покеях иврим» – «...дарующий зрение слепым». На первый взгляд представляется жестокой иронией принуждать слепого произносить это благословение, однако многие авторитетные раввины (см.: Шульхан арух, Орах хаим, 46:8; Мапа а-шульхан [Рамо], там же; Мишна брура, 46:25; Кицур Шульхан арух, 7:3. См. также Шульхан арух а-Рав, 46:7) не освобождают слепых от этой обязанности.

Почему? Возможен такой ответ на этот вопрос: благословения, которые мы произносим каждое утро, имеют не частный характер, а всеобщий. Каждый из нас благодарит Всевышнего за то, что Он дал одежду и обувь не только ему лично, но людям вообще (см.: Шульхан арух а-Рав, 46:7; Бен Иш Хай, год 1, Вайешев, п. 15 [от имени Аризаля]). Точно так же и благословение «...покеях иврим» – это выражение благодарности не за то, что у данного конкретного человека есть зрение, но за сотворение такого мира, в котором большинство людей одарены способностью видеть. Следовательно, слепой (как это ни горько для него) должен произносить это благословение, имея в виду других людей.

Но есть две области еврейского закона, для которых указанное объяснение не подходит.

Человек зажигает субботние (и праздничные) свечи, желая осветить свой дом, – чтобы не сидеть в темноте в ночь на субботу, чтобы, встав, не споткнуться и не причинить себе какой-нибудь вред (см. Мордехай, Ба-ме мадликин, п. 294). Так что слепому эти свечи не приносят никакой пользы. Тем не менее закон обязывает и слепую женщину зажигать субботние (и праздничные) свечи.

Первое благословение перед чтением «Шма...» в утренней молитве начинается с благодарности Всевышнему за сотворение небесных светил (подробное объяснение дает Шульхан арух а-Рав, Орах хаим, 69:1, 2). Закон разрешает (Мегила, 24а [Мишна]; Шульхан арух, Орах хаим, 9:2) слепому быть хазаном, то есть возглавлять общественную молитву, хотя тот никогда в жизни не видел ни солнца, ни месяца.

Эти законодательные установления на первый взгляд нелогичны. Разъяснения по их поводу мы получим из следующего рассказа Талмуда (Мегила, 24б). Рабби Йосей говорил своим ученикам, что всю жизнь не понимал смысла одного проклятия, записанного в Торе: «И будешь пробираться на ощупь в полдень, как пробирается на ощупь слепой в темноте...» (Дварим, 28:29). Разве слепой «пробирается на ощупь» только «в темноте», то есть ночью? Но однажды он встретил слепого, который нес в руке горящий факел. «Сын мой, – спросил его рабби Йосей, – разве тебе нужен этот факел?» И тот ответил: «По крайней мере, при его свете другие люди могут предостеречь меня от того, чтобы я не попал в колючие заросли и ямы». Вот тогда рабби Йосей понял, что положение слепого днем действительно лучше, чем ночью. Хотя ему самому солнечный свет не помогает, прохожие днем оказывают поддержку незрячему, видя его проблемы.

Это еще одно объяснение тому, почему даже слепые обязаны произносить утром благословение «...покаях иврим» (см.: Кицур Шульхан арух, 7:3; Шульхан арух а-Рав, там же; Бен Иш Хай, год 1), а также тому, почему они зажигают субботние свечи и возглавляют молитву при утреннем чтении «Шма...», благодаря Всевышнего за сотворение небесных светил. Хотя сами они не видят того, о чем говорят, но возносят благодарность за то, что другие люди, наделенные зрением, имеют возможность помогать им.

Есть, однако, две области исполнения заповедей, в которых слепой занимает особое положение.

В конце трактата Брахот (гл. 9, а-рое) Талмуд обсуждает ряд благословений, для произнесения которых необходимо видеть объект благословения. «Видящий море произносит...», «видящий горы произносит...» и т. п. Поэтому, к сожалению, слепой человек не произносит эти благословения (см. Гешер а-хаим, I, 29:17 [в примечании]). Есть, правда, одно исключение: благословение, которое следует произносить при виде царя. Как сказано в Талмуде (Брахот, 58а), это благословение произносит даже слепой.

Но почему? Потому что, в отличие от благословений при виде моря, гор, небесных явлений и т. п., это благословение представляет собой не благодарность за предоставление возможности увидеть нечто замечательное или необычное, оно выражает почитание и уважение, воздаст честь царю. Вот почему слепой, испытывающий эти чувства, принимает участие в произнесении этого благословения. В соответствии с этим Рамбам, чрезвычайно точно подбирающий слова для формулировки законов Торы, пишет здесь не «при виде царя», а «при встрече с царем» (точно так же формулирует этот закон Тур Шульхан арух [Орах хаим, п. 224]). См. также Гешер а-хаим, I, 29:17 [в примечании]).

У авторитетов нет единого мнения по вопросу, вызывают ли слепого к чтению Торы (см. Шульхан арух, Орах хаим, 139:3, и мнения комментаторов там же). Вероятно, на практике решение этого вопроса зависит от обычаев данного места (см.: Каф а-хаим, 139:15; Нишмат Авраам, 139:2).

Тем не менее отдельные соображения по этому поводу могут быть высказаны. В прежние времена каждый вызванный к Торе прочитывал свой отрывок, однако в наши дни всё читает один человек, бааль криа, а вызванные произносят благословения перед тем, как читают свой отрывок и после этого, и шепотом повторяют про себя текст, который громко читает бааль криа. Поэтому в прежние времена было действительно невозможно вызывать слепого к чтению Торы (ибо даже если он прекрасно помнил всю Тору, то произносил бы ее слова наизусть, что недопустимо при публичном чтении свитка). Однако ныне слепой вполне может быть вызван к Торе, чтобы слушать ее с голоса чтеца, точно так же, как любой другой в синагоге (Шульхан арух, Орах хаим, 139:3, от имени Маарида. См. также Маген Авраам и Каф а-хаим, 139:15). И хотя, в принципе (как уже упомянуто), вызванный к Торе должен повторять про себя то, что читает бааль криа, в наше время очень многие не могут так делать, тем не менее это не служит препятствием для того, чтобы их вызывали к Торе (Нишмат Авраам, 139:2, от имени рабби Шломо-Залмана Ойербаха).

ОБЩАЯ ДЕЕСПОСОБНОСТЬ

Итак, до сих пор мы обсуждали вопросы, связанные с ограничениями еврея в исполнении религиозных обязанностей, обусловленными слепотой. Теперь перейдем к статусу слепого в таких сферах религиозной деятельности, где зрение – необязательное условие.

В большинстве случаев слепой рассматривается здесь как совершенно дееспособный и абсолютно полноценный индивидуум. Он несет полную ответственность за свои поступки и имеет полное право принимать участие в исполнении всех заповедей Торы, относящихся к данной сфере.

Есть только одна область религиозной деятельности, в которой статус слепого несколько ниже, чем статус зрячего. Это область практического отправления судопроизводства.

Закон требует от судей, которые разбирают дела, грозящие суровым наказанием тому, кого признают виновным, не только досконального знания законодательства, стремления выяснить истину, любви к справедливости и острого, пронизательного ума. Судья должен быть здоров и физически. И дело не только в том, какое впечатление он производит внешне, – хотя, конечно, и это немаловажно. Недаром даже в наши дни светские и нееврейские судьи приходят на заседание суда облаченными в особые одежды: судейские мантии должны внушать почтение и уважение. Понятно, что заметный физический изъян может ослабить эффект слов судьи, которыми он старается воздействовать на аудиторию. Но проблема и в том, что чем сложнее и ответственнее дело, тем более нуждаются судьи в помощи Свыше. Одно же из главных условий, необходимых для того, чтобы Шхина осенила своим присутствием земной суд, – духовное и физическое совершенство судей (см. Сангедрин, 36б). Следовательно, слепота –

серьезное препятствие для назначения еврея судьей, которому предстоит вести уголовные дела (Йевамот, 101 а).

Вот пример сферы деятельности, из которой слепого устраняют согласно закону – хотя в этой сфере, в принципе, необязательно быть зрячим физически.

«ВЕРДИКТ ПИСАНИЯ»

Есть области религиозной деятельности, из которых слепого устраняют – независимо от его умственных и физических способностей. Причина тому одна: так предписывает Тора, не указывая никаких к тому оснований, то есть в силу так называемого «вердикта Писания».

Как мы выяснили, закон предписывает слепому исполнять все заповеди, за исключением тех случаев, когда необходимо зрение, и возлагает на него полную ответственность за это. Такой точки зрения придерживается большинство мудрецов Талмуда – кроме рабби Йеуды (см. Бава кама, 86б и далее). Хотя в тех случаях, когда зрение необязательно, рабби Йеуда также считает слепого дееспособным, все-таки, по его мнению, Тора устраняет незрячего и из этих сфер деятельности по причинам, недоступным нашему разуму.

Мнение рабби Йеуды не рассматривается как окончательное, но позволяет сделать частные выводы, имеющие теоретический интерес (см.: Хида [рабби Хаим-Йосеф-Давид Азулаи], Эйн а-роим, раздел «Сума»; Сдей хемед, Клалим, раздел «Самех», 6б; Диврей хахамим, 69, там же). Рабби Йеуда считает, что слепой освобожден от исполнения всех заповедей Торы. Но означает ли это, что слепой имеет право нарушать субботу? Может есть свинину? Не несет ответственности за убийство?!

Некоторые авторитеты интерпретируют мнение рабби Йеуды так: слепой освобожден лишь от исполнения предписаний Торы. То есть он не надевает тфилин, не обязан есть мацу в Песах и т. п. Однако в том, что касается запретов Торы, слепой ничем не отличается от любого другого еврея. Ему так же нельзя убивать, есть свинину, нарушать субботу и преступать остальные запреты Торы. Но большинство ученых придерживаются иной точки зрения. Исходя из высказывания рабби Йеуды, они заключают, что, по его мнению, слепой действительно может нарушать любые заветы Торы. Именно так считают авторы Тосафот – «дополнительных (по отношению к комментарию Раши) толкований» к Талмуду. И все же они указывают, что здесь речь идет об обязанностях, налагаемых собственно буквой закона Торы, однако слепой должен исполнять доступные ему заповеди, как и всякий другой еврей, согласно постановлению мудрецов (см. Мегила, 24а). Цель этого – предотвратить ситуацию, при которой статус слепых практически не будет отличаться от статуса неевреев.

Правда, даже если допустить, что слепой еврей свободен от исполнения таких заповедей, как возложение тфилин, зажигание субботних свечей и т. п., он должен придерживаться минимума, обязательного для всех. А ведь все человечество (не только евреи) должно соблюдать Семь заповедей потомков Ноаха! Эти заповеди запрещают убивать, грабить, развратничать и пр. Таким образом, понятие освобождения слепого от исполнения заповедей нуждается в коррективах.

Но, как было указано, мнение о необходимости освободить слепого от обязанности исполнять заповеди – это лишь частная точка зрения рабби Йеуды. Согласно же точке зрения большинства мудрецов (и закону, установленному в соответствии с их

точкой зрения), слепой исполняет все заповеди и несет такую же ответственность, как и любой другой еврей, – кроме тех заповедей, для которых необходимо зрение, а также функций судьи.

* * *

С судебной сферой связано еще одно ограничение для слепого, также предписанное «вердиктом Писания»: слепому запрещено выступать в качестве свидетеля (Шульхан арух, Хошен мишпат, 35:12). Сразу возникает вопрос: причем тут «вердикт Писания»? Понятно: тот, кто не видел, как произошел инцидент, не может опознать виновного! Однако это не совсем так. Свидетельство слепого не принимается судом даже в том случае, когда зрение не обязательно (Шульхан арух, Хошен мишпат, 35:12). Например: если слепой услышал голос человека, с которым очень хорошо знаком с детства, и тот признался, что должен кому-то определенную сумму денег. Казалось бы, почему не принять во внимание такие свидетельские показания? Ведь, кажется, они вполне достоверны! Тем более что в иных случаях закон учитывает способность слепого различать голоса. Так, Талмуд (Гитин, 23а) задает вопрос: как может слепой жениться – откуда ему быть уверенным в том, что женщина, находящаяся с ним, его жена? Ответ таков: слепой узнает свою жену по голосу. Так почему же нельзя принять свидетельские показания слепого, основанные на его способности различать голоса? Потому что так постановляет Тора: это – «вердикт Писания» (Кцавот а-хошен, Шита у-виур, 46:19, 28:6. См. также Шаагат Арье, п. 6, 7).

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

В Австралии издана книга, в которой, в частности, рассматриваются законодательные аспекты шрифта Брайля^[1]. Например, автор задается вопросом, может ли слепой мальчик бар мицва читать в синагоге афтару, напечатанную этим шрифтом? Автор приходит к выводу, что, поскольку ныне принято читать афтару не по рукописному свитку, а по напечатанной книге, вполне допустимо читать ее и по шрифту Брайля.

Однако остаются и другие неразрешенные вопросы. К чему, с точки зрения закона, следует приравнять чтение по шрифту Брайля: к декламации, к размышлению вслух, к речи, письму или к обычному покачиванию головой? Ясно, что применительно к различным сферам закона ответы будут неодинаковы.

В частности, можно ли утверждать, что получение мозгом информации посредством зрения тождественно получению ее посредством пальцев? Относится ли благословение, предписанное перед чтением Торы, к ее изучению по шрифту Брайля, если при этом слова Торы не произносятся вслух? Или же физическое усилие, необходимое для этого, имеет еще большее значение, чем речь?

На множество подобных вопросов до сих пор нет ответа законодателей.

[□](#) Contemporary Halachic Issues, II.

ГНЕЗДО ПТИЦЫ

Áæáéì ñ Èóáéé

Продолжаем публикацию глав из книги профессора Гарвардского и Бар-Иланского университетов Джеймса Кугела «Как быть евреем» в авторизованном переводе с английского Юрия Табака. Московский банкир Давид Джинджихашвили беседует об иудаизме с молодым поэтом аспирантом Юрием Леваковым.

Ю. Л. Иными словами, мудрецы большинством голосов могут отменить правильное толкование – даже если это толкование подтверждается чудесами!

Д. Д. Смотри-ка, твой взгляд изменился... Только что единственная «правильная» интерпретация вызывала у тебя протест – теперь же тебя беспокоит, что «правильная» интерпретация в данном конкретном случае не возобладала над другими.

Ю. Л. Меня беспокоит не это – именно в этом смысле здесь все в порядке. Но мне хотелось бы вернуться к тому, о чем мы говорили раньше, – к концепциям, фундаментальным для иудаизма. К тому, как Б-г действует в этом мире, – к концепциям наказания, воздаяния и прочему.

Д. Д. И в чем же вопрос?

Ю. Л. Не знаю... Скажите: наверное, трудно в наши дни рассуждать о таких материях?

Д. Д. По-моему, это было трудно всегда. То же самое касается и иудаизма времен Талмуда, и даже библейского периода. И все же мы стойко держимся своей веры по определенной причине: ведь, в конечном счете, мы не приспособливаем Б-га к нашему видению внешнего мира, а формируем свое миропонимание в соответствии с Б-жественным видением. И эта идея лежит в основе всего.

Ю. Л. А почему вы считаете, что в талмудические времена возникали трудности?

Д. Д. Тому есть явные свидетельства. Возьмем тему, которую ты упомянул, – о награде и наказании. Конечно, наши мудрецы придерживались известной точки зрения: добрые дела вознаграждаются, а зло наказывается. Это верно. И все же они полагали, что сам процесс наказания и вознаграждения непостижим для человеческого разума. К примеру, мудрецы указывали, что в Торе редко говорится, какой именно награды удостоивается человек за соблюдение той или иной мицвы: нам просто нужно служить Б-гу и соблюдать мицвот, потому что мы обязаны это делать, ибо мицвот – наша жизнь. Читая в Торе о награде, мудрецы порой видели в этом указание на тайну самой идеи воздаяния, в соответствии со стихом: «Как велико благо Твое, которое скрываешь Ты для боящихся Тебя» (то есть скрываешь от обычного созерцания). Например, Тора обещает одну и ту же награду, «долготу дней твоих», за исполнение двух различных мицвот – заповеди о почитании отца и матери и мицвы шилуах а-кен.

Ю. Л. О второй заповеди я не знаю.

Д. Д. В Торе сказано, что если кто-то встретит по пути гнездо птицы, он не вправе забрать яйца или птенцов вместе с птицей-матерью. Мать трогать нельзя. Для наших мудрецов это не просто важный пример милосердия, но также иллюстрация того, что награда за соблюдение мицвот не соответствует ни одной схеме, какую способен придумать человек. В конце концов, что может быть проще, чем исполнить такую заповедь? С другой стороны, есть ли мицва более трудная, чем требование почитать отца и мать: ведь она предполагает не только личную самоотверженность (например, поддерживать престарелых родителей), но может создать для человека трудную ситуацию, когда ему придется отказаться от своих убеждений и соображений, отвергнуть их. Тем не менее одна и та же награда ожидает исполнивших обе эти мицвот. Словно нам задают вопрос: кто способен измерить награду за добро?

Ю. Л. Понятно. То есть вы хотите сказать, что иудаизм, в общем-то, не занимает определенной позиции в вопросах награды и наказания?

Д. Д. Нет, здесь ты неправ, абсолютно неправ. По сути дела, мудрецы не только верили в Б-жественное возмездие и воздаяние; они были убеждены, что в разных местах Торы совершенно отчетливо показана необходимость справедливого воздаяния, и не в последнюю очередь в очевидном требовании «за преступлением следует наказание». Этот принцип выражен в словах: «мерой за меру». И они не упускали возможности привести из Писания примеры надлежащих наказаний. Например, Авессалом, кичившийся своими длинными локонами, зацепился ими за ветви дерева, когда бежал от преследователей. С другой стороны, воздаяние за добрые дела порой значительно превосходит предпринятые ради них усилия: Мирьям всего за несколько минут увидела, что произойдет с ее братом Моше, и за это израильский стан семь дней провел в пустыне, ожидая ее исцеления.

Но несомненно и то, что мудрецы сознавали несправедливость мира. По сути дела, они поставили вопрос в духе тех двух мицвот, о которых я говорил. Вот отец велел сыну поймать на крыше несколько голубей. Следуя заповеди, сын взял только птенцов и отпустил голубку. Тем самым он дважды заслужил награду «долготы дней» – выполнив просьбу отца, то есть мицву о почитании родителей, и мицву шилуах а-кен. Но так случилось, что, когда он спускался, лестница упала, он рухнул вниз и расшибся насмерть. «Так где же его “долгота дней”?» – спрашивают мудрецы. Очевидно, за этим риторическим вопросом стоит горький опыт не одного поколения, несправедливостей, которые невозможно вычеркнуть из памяти. И все же мудрецы утверждали, что в конечном счете справедливость восторжествует и добро будет вознаграждено – если не в этом мире, то в грядущем.

Ю. Л. Едва ли сейчас лучшее время для того, чтобы развивать подобную концепцию.

Д. Д. О чем ты?

Ю. Л. Мы все еще помним Холокост, когда зверски убивали миллионы людей; тысячами отправляли на смерть малых детей, зачастую даже не научившихся ходить... Многие считают, что перед лицом такого ужаса всякая доктрина Б-жественного воздаяния должна смиренно отступить.

Д. Д. Реакция людей понятна. И все же, как я уже сказал, нам даже незачем обращаться к опыту второй мировой войны, чтобы задаться вопросом о том, справедлив ли этот мир. Ведь если мысленно перенестись во времена мудрецов, то и тогда им казалось, что мир пренебрегает волей Б-жьей. Они вспоминали не о Холокосте, но о

падении Иерусалима под ударами римлян и о последующем разрушении Храма. И эти события были отмечены не только личными человеческими трагедиями (хотя, конечно, их не сравнить по масштабам со второй мировой войной), но и осквернением Дома Б-жьего, самого священного места на земле. Мало того, потом последовали десятилетия жестоких пыток и казней величайших мудрецов и ученых, знатоков Торы и мицвот. Почему это случилось? Как вынес Б-г их смерть, разрушение Храма, прекращение Б-гослужения, которое Он сам же и учредил?

Ю. Л. И каков ответ?

Д. Д. А какого ответа ты ждешь? Ответ в том, что мы – люди, а не Б-г. Это немало – обратить мысли к Б-гу. Но при этом нужно быть последовательным до конца. Я уже говорил, наше миропонимание зависит от Б-га, а не наоборот. В ранних обществах средний уровень детской смертности иногда составлял до пятидесяти процентов; целые племена и народы до сих пор вымирают от голода и болезней. Если собственными глазами увидеть реальность, которая стоит за всяким непринужденным высказыванием, то, поверь мне, тебе захочется обхватить голову руками и заплакать от сострадания. «О, если бы моя голова обратилась в воду, а мои глаза – в источник слез!» Наши мудрецы видели не меньше, и их глаза тоже наполнялись слезами. И конечно же, ими тоже владело искушение заявить, подобно другим народам, что Б-жественной справедливости не существует, что мир был отвергнут Его Творцом ради осуществления замыслов Его самых отвратительных созданий – а то и отрицать волю и власть Б-жью в земных делах. И тем не менее они этого не говорили, а старались верить и возвещать, что Б-жественная справедливость в конечном счете восторжествует. И так должен поступать каждый, чье сердце по-настоящему обращено к Б-гу. Очень легко молиться Б-гу в радостные дни, но мы должны молиться Ему и в дни несчастий.

Ю. Л. Я знаю. Но крайне трудно совместить это с существующей реальностью.

Д. Д. В одном стихе очень хорошо сказано о том, куда порой может завести нас любовь Б-жья: «Пойдем и обратимся к Г-споду, ибо Он истерзал, но Он и исцелит нас, Он поразил нас, но Он и перевяжет наши раны». Наше положение перед Б-гом – катонти, мы уже говорили об этом, – должно заставлять нас принять Его волю. Я не пускаюсь в пространные разъяснения, и мне это не доставляет ни радости, ни удовлетворения. Но Б-г есть Б-г, а мы всего-навсего люди. И нет ничего, что бы с такой ясностью это демонстрировало и что труднее всего было бы принять, чем тема, которую ты затронул.

Ю. Л. Но помимо этого, мне кажется, есть еще конкретная проблема с евреями. Стоит лишь обратиться к истории человечества за последние две тысячи лет, и мы увидим, что для страданий избран единственный народ – тот, который считает себя Б-гоизбранным.

* * *

Д. Д. Юра, ведь именно поэтому я и сказал: тебе нужно погрузиться во все, что касается иудаизма. Я прекрасно знаю, что некоторые люди – и среди них даже евреи – видят в нашей истории лишь непрерывную цепь катастроф. Но знай: это неверно. По сути дела, это извращение истории, идущее от гордыни. Как порой христиане преувеличивали еврейские страдания, стремясь «доказать», что мы якобы наказаны за «богоубийство», так и некоторые евреи старались преувеличить наши несчастья, желая подчеркнуть нашу уникальность как народа с героическим ореолом мученичества. Таким образом, они делают из нас ам медушеней онеш – народ, упивающийся страданиями, а это, как я сказал, извращает историю. Взглянем на основные геополитические факты нашей истории: ведь даже у себя на родине мы находились на перекрестке империй; большую часть двух последних тысячелетий провели вдали от родины, в рассеянии...

Ю. Л. Всего этого уже достаточно...

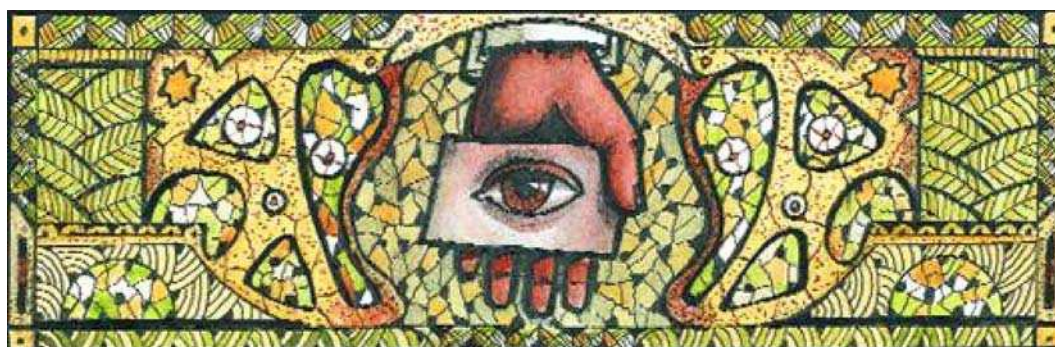
Д. Д. Наверное. Но ведь в первом случае сыграло роль лишь естественное географическое положение; второй же факт в известном смысле – продолжение первого, а именно того, что римляне в I веке захватили важную территорию. И надо добавить, в изгнании мы жили, вообще-то, довольно неплохо. Случались, разумеется, страшные трагедии, гонения, Крестовые походы, изгнание из Испании в 1492 году, погромы в Польше и России, ну и, наконец, последняя и самая страшная Катастрофа. Но этому можно противопоставить годы относительной безопасности и даже процветания в десятках разных стран, века, в течение которых нам удавалось сохранять хрупкий баланс, – оставаясь «народом в народе» (а нередко и «государством в государстве»). При этом мы жили бок о бок с нееврейскими соседями и, как правило, не вступали с ними в конфликт. Это нелегкая задача – быть евреем и признаваться таковым, но не стать чужеземцем, к которому неевреи испытывают ревность или обычную ксенофобию, подвергая его притеснениям и гонениям. Я бы даже рискнул сказать, что были в истории народы, судьба которых сложилась гораздо хуже: они исчезли в силу одной из двух причин – либо стали жертвой окружающих народов, либо ассимилировались и были ими поглощены.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. И добавлю: при всем том (ни в коем случае не приписывая этот факт политическим или житейским обстоятельствам, что было бы ошибочно) нам, как народу, удалось достичь необычайных коллективных и индивидуальных достижений. Несомненно, именно еврейское понимание вещей (хотя не следует считать это своей заслугой), приверженность Б-гу и Торе сформировали современное миропонимание. Это признает каждый. Верно, что ислам и христианство постепенно пошли своим путем, но их основополагающая вера в существование единой Б-жественной воли и проистекающие из нее идеи нравственности, справедливости и ответственности перед Б-гом пришли к ним из иудаизма. Точно так же другие, более конкретные аспекты этих религий унаследованы ими от иудаизма, – к примеру, значительная часть их религиозной и юридической практики, их Писания и формы богослужения. Но оставим в стороне вопрос влияния и вспомним только о том, чего добился сам еврейский народ. Отсутствие политической независимости отнюдь не облегчает нам коллективные действия или даже индивидуальные достижения, но и не исключает их. Именно в Вавилоне, как и в Палестине, которой правили чужеземцы, был составлен огромный корпус наших раввинистических писаний, со всей остротой мысли, присущей законодательным установлениям, с поэтичностью Агады. А молитвы и синагогальные тексты, составленные в то время? Перед этим огромным корпусом литературы меркнут литературные

достижения других народов той же эпохи, хотя они опирались на мощь и поддержку своих государств. Или перенесемся в Рим, а чуть позже в Испанию, где евреи не только продолжали развивать те же направления, но и открыли новые: это снова время необычайного творческого расцвета всех жанров: светской и религиозной поэзии, философии, каббалы, филологии, астрономии. Некоторое время Испания была местом, где евреи играли важную политическую роль; не один из них принимал участие, как и наш праотец Йосеф, в управлении нееврейским государством. А такие мыслители, как Рамбам и ибн Габироль, которым принадлежит выдающееся место в нашей собственной традиции, оказали немалое влияние на мышление нееврейских философов и теологов. В ту же эпоху во Франции творил Раши и его школа талмудистов. Позднее стали возникать центры еврейской учености в Италии и других местах. Потом в Германии, Польше и Литве, Северной Африке, Турции и Ираке; уже в Новое время евреи получили доступ к сферам деятельности, веками закрытым для них в тех или иных странах, и достигли там успехов, несоизмеримых с количеством еврейского населения. Посмотри на Россию – даже не знаешь, с чего начать! Бизнес, наука, медицина, искусство, эстрада, образование – нет ни одной области, которая сразу не ассоциировалась бы с известными, даже выдающимися еврейскими именами. А в иных областях вообще трудно припомнить нееврейское имя... Неудивительно, что многие неевреи, если ты спросишь их, какой процент мирового населения мы составляем, назовут цифру в пятнадцать, ну, десять процентов. Но даже цифра в один процент будет сильно завышена. Мы – лишь крошечная горстка среди народов земли, и так было всегда. Даже в Торе сказано: «Не по многочисленности вашей из всех народов возжелал вас Г-сподь и избрал вас, ибо вы малочисленнее всех народов». Наверное, все это звучит несколько хвастливо, но и такой небольшой список (даже если мы не перейдем к перечислению конкретных Фрейдов и Эйнштейнов в каждой стране и сфере деятельности – хотя могли бы) достаточен для того, чтобы показать, насколько неверно представление о нашем народе как отмеченном главным образом страданиями.

Ю. Л. Думаю, вы правы. В любом случае, теперь с евреями в большинстве стран мира все в порядке. И если причина прошлых страданий заключалась в отсутствии собственного государства – так и эта ситуация сейчас изменилась. Хотя Израиль не выходит у меня из головы...

* * *

Д. Д. Об Израиле, уверен, ты сможешь узнать и из других источников.

Я хотел одного: чтобы ты заинтересовался иудаизмом. Надеюсь, это происходит, и довольно успешно, с учетом всех обстоятельств.

Ю. Л. Конечно, но ведь факт существования Израиля несомненно имеет отношение к иудаизму, не так ли? Разве не считается мицвой поселиться в Израиле? Впрочем, вряд ли вы так думаете, иначе не жили бы в Москве.

Д. Д. Если ты задаешь этот вопрос в свете учения Алахи, то на этот счет есть разные мнения. И конечно же, вопрос о жизни в Эрец-Исраэль связан со становлением современного Государства Израиль как политически суверенного государства, хотя пока он и не возник. Как тебе, наверное, известно, есть евреи, которые все еще не признают легитимность Израиля и продолжают ожидать более ясного знака с Небес, чтобы вернуться на свою землю. Но все это не имеет отношения к моей жизни в Москве.

Ю. Л. Не имеет?

Д. Д. Как-нибудь мы поговорим об этом. Разве ты не слышал, что я несколько лет прожил в Иерусалиме? Да-да, и надеюсь туда вернуться через какое-то время. Ведь для меня это почти родная земля. Этот белый, ослепительно белый свет утреннего солнца – настолько яркий, что приходится зажмуриваться, когда смотришь на город... И когда идешь по пыльным дорогам, в этой белизне, мимо старых каменных домов – там даже цвет пыли особый, гораздо светлее и более желтого оттенка, чем здешняя пыль. Все это очень напоминает мне Тбилиси, его виды и запахи, сады, я чувствую себя там как дома. Конечно, для русских все иначе – те, кто едет жить в Израиль, обычно делают это из страха перед антисемитизмом или ради материальных благ.

Ю. Л. Но ведь в Израиль едут и из религиозных соображений!

Д. Д. Здесь опять история сыграла шутку: наверное, сионизм отчасти воплощает вековую мечту еврейского народа. Но нужно ли нам глубоко погружаться в эту тему? Что ж. В течение многих веков изгнания мы молились – ты знаешь, поскольку это часть молитвы Амида, – чтобы наш народ собрался на своей земле и снова процветал, а дом Давидов вернулся на трон Израиля. Согласно нашей древней традиции, еврейское слово «Машиах» означает «помазанник (царь)». Оно вошло в русский язык как «мессия». Так вот, Машиах будет потомком Давида и провозгласит новую эпоху. Но если сионизм в этом смысле представляет воплощение нашей традиции, то его истинные политические истоки совершенно иные. Это движение возникло в последние десятилетия XIX века (хотя ему предшествовали более ранние движения) и было обусловлено, главным образом, геополитическими факторами того времени, а также довольно странной, в чем-то сомнительной, позицией европейского еврейства эпохи эмансипации. Помнишь, мы обсуждали эту тему? Сионизм пришел в Европу как вариант решения «еврейского вопроса» (так порой называли ситуацию, сложившуюся с нашим народом). Теодор Герцль, в известном смысле основоположник современного сионизма, считал перспективу обретения еврейской родины лучшим ответом на проблему антисемитизма, который процветал не только в его родной Австрии, но и в просвещенных столицах Европы. Новый Сион, по Герцлю, становился фактически убежищем от антисемитизма. Конечно, не было необходимости перебираться туда всем евреям, но (как он указывал в знаменитом сравнении) пламя антисемитизма будет поддерживать сионистскую кастрюлю на точке кипения и обеспечит ровный поток иммигрантов в будущее еврейское государство. Но все эти доводы кажутся сегодня довольно смешными.

Ю. Л. Почему же?

Д. Д. Потому что все происходит совсем наоборот. Поскольку антисемитизм все еще существует в мире, то его основные негативные устремления связаны именно с

Государством Израиль. В этом смысле, мне кажется, шансы на физическое выживание у еврея, живущего за пределами Израиля, выше, чем у израильтянина (которому приходится всю жизнь служить в армии). А еще выше опасность, которой подвергаются израильские граждане из-за индивидуальных террористических актов или еще чего-то похуже (Б-же сохрани!).

Ю. Л. А как с вопросом о религии и сионизме?

Д. Д. Ну, как ты знаешь, Герцль был секуляристом, довольно невежественным в иудаизме. Он желал построить государство светское, плюралистическое. Подобную мечту питали и те, кто приезжал, чтобы поселиться в Палестине. Хотя надо сказать, что, несмотря на рассеяние, в Иерусалиме и его окрестностях всегда жило довольно много евреев. Так что в известном смысле – очень ограниченном, разумеется, – Иерусалим не переставал быть нашей землей. И про «Палестину» я говорю только потому, что с началом нашего рассеяния именно это название было известно миру – не мы его выбрали, а римляне. Они надеялись, что, изменив название, уничтожат вековую связь нашего народа с его землей.

Ю. Л. Я не знал этого.

Д. Д. Да-да. Но, несмотря на происхождение этого названия, в то время – в конце XIX – начале XX века – евреи произносили его с гордостью. Они говорили о «возрождении Палестины» и даже именовали себя «палестинцами». Во всяком случае, эти поселенцы, особенно в более поздний период, руководствовались секулярным мировоззрением (даже если они не были так уж пропитаны секулярным духом, как им казалось). Их политической философией был социализм; они полагали, что, обретя родину для еврейского народа, им удастся построить государство на социалистических принципах, общественной собственности и так далее. И в большинстве своем они были далеки от еврейской практики – настолько, что возникали довольно серьезные конфликты между ними и традиционными религиозными еврейскими общинами Иерусалима и других городов. И здесь история сыграла еще одну коварную шутку, спутав карты Герцля и его последователей. Вопреки их мировоззрению и преимущественно светскому характеру государства, основанного в 1948 году, религиозные вопросы стали играть все большую роль в Израиле. И внутренняя политика страны в значительной мере превратилась в борьбу между светскими и религиозными партиями, причем последние наращивают мощь. В категориях иммиграции не только антисемитизм поддерживает точку кипения в сионистской кастрюле, но и иудаизм – многие новые иммигранты приехали в Израиль по религиозным причинам.

Ю. Л. Так как же, в конце концов, Израиль соотносится с традиционной еврейской верой?

Д. Д. Я уже говорил: есть религиозные евреи, утверждающие, что без ясного небесного знамения, прихода Машиаха с его традиционными атрибутами, сионизм нужно рассматривать как чисто человеческое изобретение, проявление высокомерия, за которое следует наказывать всех, кто эту идеологию разделяет. Поверишь ли, но таких взглядов придерживаются даже некоторые евреи, живущие в Иерусалиме. Они ненавидят государство, хотя оно защищает их.

Ю. Л. Я слышал об этом.

Д. Д. С другой стороны, позиция большинства религиозных евреев (как, собственно говоря, и секуляристов) состоит в том, что существование Государства Израиль – факт исключительно позитивный, поэтому можно провозгласить, как осторожно сформулировал раввинат, «начало расцвета нашего искупления». И конечно же, Израиль обусловил небывалое еврейское возрождение. Иврит никогда не был мертвым языком – его всегда понимали многие простые евреи; на протяжении веков он был языком религиозной и даже светской письменности, языком высокой учености для образованных евреев. Но взгляни, что происходит сегодня: иврит превратился из книжного языка в язык общения кипучей цивилизации. Совершить такое за одно-два поколения – подвиг! И за этим последовало возрождение всего еврейского – еврейской литературы, философии, университетской иудаики во всем ее многообразии, уж не говоря о бурном развитии еврейских организаций, школ и ешив. Смотри, что происходит, – не только в Израиле, но и в России: думается, что многие российские евреи и еврейские организации своей активностью обязаны существованию еврейского государства. Полагаю, в этом смысле создание Израиля евреям следует рассматривать как факт исключительно позитивный, несмотря на все трагедии и жертвы, сотни и тысячи жизней, отданных за осуществление этой мечты.

Ю. Л. Но ведь есть и другая сторона вопроса: жертвы понесли не только евреи. Я обратил внимание на то, что вы почти не упоминаете палестинских арабов. Разве не правда, что мечта еврейского национализма реализована за счет подавления столь же правомерного национального движения, с равно обоснованными притязаниями на ту же территорию?

Д. Д. Я вполне разделяю твою симпатию к палестинским арабам, но не твое объяснение причин их страданий. Только очень жестокие люди испытывают удовлетворение от того, что с ними произошло. И все же твоя концепция – весьма распространенная среди левых либералов – не убеждает меня. Вряд ли здесь можно говорить о двух соперничающих национальных движениях и равно обоснованных притязаниях.

Ю. Л. Нет?

Д. Д. Не знаю, что дает основания людям заявлять о своих притязаниях и правах на какую-то территорию, но, по-моему, все тут упирается скорее в мир идей, чем в биологию. То есть вряд ли существует физиологическая основа, позволяющая утверждать принадлежность к той или иной территории. Столь же нелепо заявлять, что территория принадлежит тебе. Как обосновывается право на землю? Ты здесь родился или вырос; земля принадлежит тебе, потому что ты ее законным образом купил. Она принадлежит тебе, и это чаще всего приходит на ум, поскольку ты – часть такого-то народа, а это его

родина (я уже приводил тебе этот аргумент, просто сейчас он относится к народу в целом, а не к отдельному человеку). И так далее. Я не могу с уверенностью сказать, какой именно аргумент нужно выбрать и как их сравнивать. Но, прежде всего, хочу заметить, что в конечном счете все они поражают меня как очень несерьезные. Мы, евреи, верим, что наши притязания на землю восходят к Б-жественному выбору, и все же в Торе даже такая связь – которая, как ты понимаешь, мне больше импонирует, – обусловлена нашей приверженностью мицвот. И ее хрупкость неоднократно подчеркивается: в самом деле, по язвительному замечанию Торы, земля принадлежит исключительно Б-гу, а мы – не более чем «пришельцы и поселенцы у Меня».

Но вернемся к нашей теме: что бы ни лежало в основе притязаний людей на землю, думаю, сравнивать арабов и евреев в этом смысле никак нельзя. И дело не в том, что в этом случае политическая проблема стала бы менее острой. Все равно надо отметить: невозможно сравнивать цель палестинцев, состоящую, прежде всего, в освобождении народа от состояния безвластия и безгосударственности (которые отчасти навязали им братья-арабы), то есть политическую цель, какой бы сильной она ни была, со страстной двухтысячелетней тягой к земле и жертвами, принесенными ради нее. В течение двадцати веков непрерывно пульсировала еврейская надежда; евреи повторяли слова: «Иерусалим, Иерусалим», и не прекращалась борьба за осуществление этой надежды – не на поле боя и не под бомбами террористов, а на малярийных болотах, в безводных пустынях, которые сейчас стали житницей народа, на коллективных фермах и поселениях, вполне конкретно свидетельствующих о привязанности людей к определенной территории. Я не хочу сказать, что палестинские арабы не испытывали подобной привязанности к земле за две тысячи лет изгнания и не посвящали жизнь столь же преданно своей мечте. Но в том, что касается евреев, – это исторический факт; с арабами это лишь гипотеза. Как же тут можно сравнивать?

Ю. Л. Но в настоящий-то момент все это уже не имеет значения.

Д. Д. Может быть, но если это не имеет значения, то что же имеет? В конце концов, у человека нет на теле знака, который удостоверил бы его принадлежность данной территории. И если это не аргумент, что тогда? Если владельцем называется тот, кто сделал приобретение, то евреи начали покупать землю в XIX веке и продолжали почти до образования самого государства. Если звание владельца должно быть засвидетельствовано кровью, то евреи пролили немало крови за эту идею, довольно сомнительную. Если аргументом является военная мощь и Realpolitik, то факты говорят сами за себя. Если это вопрос рождения или воспитания, они не кто иные, как дети Realpolitik. И факт в том, что большинство населения Израиля сейчас – местные уроженцы, тогда как многие «палестинцы» никогда не видели Палестины. Я говорю об этом без всякого удовольствия, но факт есть факт.

Ю. Л. Боюсь, никакие из ваших «фактов» не сделают жизнь палестинцев легче, не помогут найти более ясное политическое решение.

Д. Д. Да, это так. Я ведь еще не закончил и хотел бы сказать пару слов о том, как ты характеризуюешь цели обеих сторон. Ведь даже модель «двух соперничающих национальных движений» проблематична, хотя, наверное, это наиболее обсуждаемый вопрос. Для европейца все представляется однозначным: всякий народ – это народ, и он имеет родину или должен ее иметь. Но попробуй нацепить мои грузинские очки – я же говорил, Грузия чем-то очень похожа на Израиль. И тогда уже тебе не будет все так ясно. Национализм как таковой – это европейская идея, завезенная на Ближний Восток сравнительно недавно и в искаженном виде. В течение многих веков жители этих мест

видели себя (и фактически видят до сих пор) не столько саудовцами или иорданцами – это в ряде случаев не более чем отметка в паспорте, – сколько арабами или мусульманами. Тебе, может быть, нелегко это вообразить, но задумайся на мгновение о России: в какой мере люди осознают себя сибиряками или уральцами? Мне кажется, в весьма ограниченной. Они прежде всего русские – русские, которым выпало жить в этом году в Новосибирске или Екатеринбурге, но чья идентичность радикально не изменится, если в следующем году они переедут в Москву или на Дальний Восток. Ибо прежде всего они русские. Но на Ближнем Востоке дело обстоит иначе. Там люди гораздо сильнее привязаны к своим местам, чем здесь. И это даже не страна, скажем, Сирия, а город, где они живут, – например, Алеппо (слышал о таком?). Так вот, житель Алеппо считает Дамаск почти иностранным городом, как Бейрут или Багдад. С другой стороны, наднациональные общности – аль-арабия, аль-ислам – проявляют себя в сознании людей, в прессе, на радио, в речах политиков. В России трудно найти что-то подобное. И эта реальность укоренена во многом, особенно в арабских политических движениях прошлого века. Уверен, если бы ты знал, что это такое, если бы прожил какое-то время среди арабов, то понял бы: идея национальных государств там совсем не то, что у нас. И самое яркое доказательство тому – неизменные попытки сформировать наднациональный политический союз существующих государств, который каким-то образом примирил бы национализм западного образца с ощущением людей, что аль-арабия – единая общность или должна таковой быть.

Ю. Л. Я не вполне понимаю вас.

Д. Д. Если исходить из этой ментальности, то в создании Палестинского государства для палестинского народа нет логической необходимости. Палестинский народ – на самом деле порождение конфликта между Израилем и его соседями. Если бы их соседи приняли арабских беженцев, а не заключали их в лагеря, то палестинских беженцев не существовало бы – а были бы иорданцы, сирийцы, ливанцы. Я не утверждаю, что они несколько не пострадали бы в ходе войн (хотя, разумеется, если бы они стали гражданами в странах своего рассеяния, то в ряде случаев их материальное положение и судьбы были бы значительно благополучнее). Я хочу сказать, что тут имеет место менее значимая вещь, чем идентичность – лишь право быть самим собой. В этом смысле притязания арабов и евреев вовсе не одно и то же.

Ю. Л. Боюсь, это заведет нас в область уже хорошо известных аргументов и контраргументов.

Д. Д. Возможно. Во всяком случае, я поднял эту тему, потому что Израилю – а сюда же входит и тема страданий евреев во время второй мировой войны, о которой ты говорил, – надо сделать более чем достаточно в смысле того, о чем мы с тобой, русские евреи, сейчас беседуем. Мне частенько приходит в голову мысль, что Холокост и существование Государства Израиль, возможно, больше способствуют исчезновению иудаизма в России, чем свары между хасидами, ортодоксами и реформистами.

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

ВОЛЖСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА

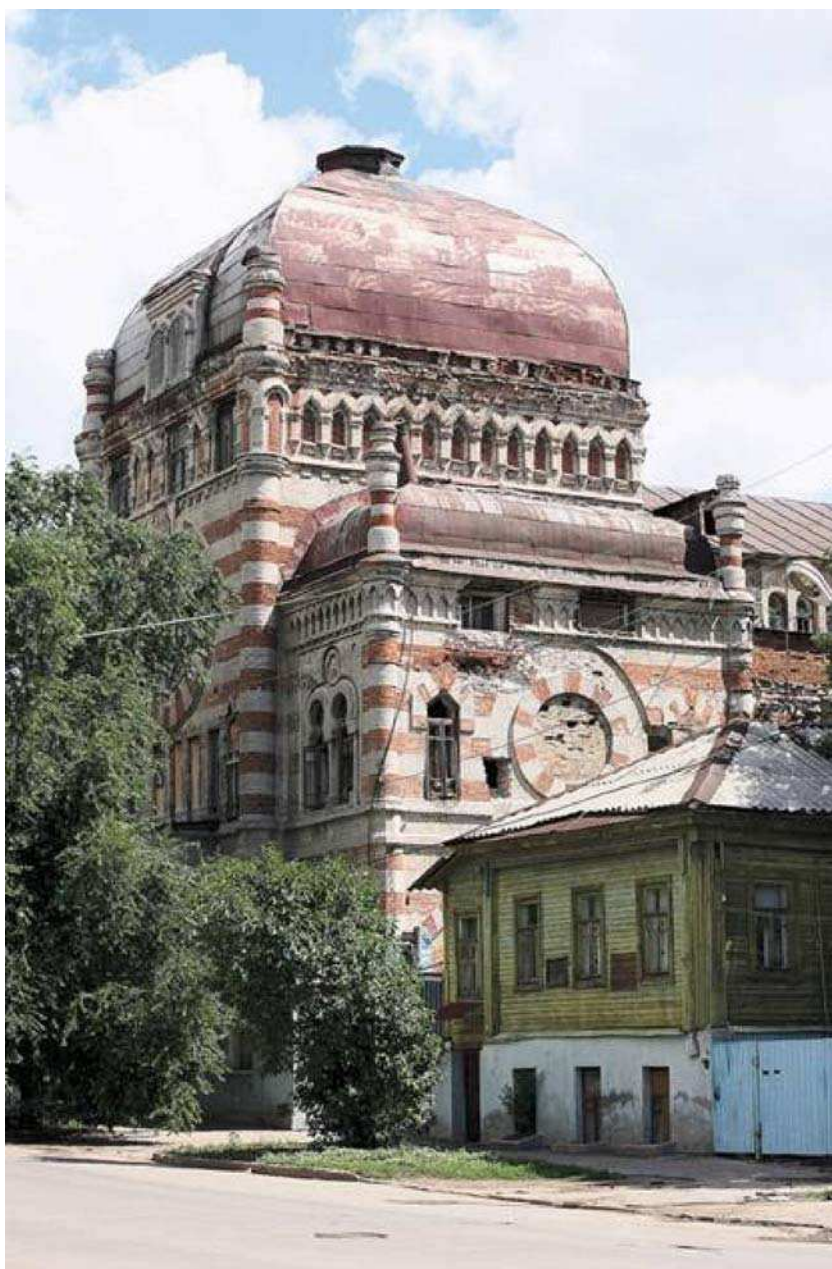
עֵינֵי עַדֵּי אֵי עֵי

Ну вот, думали мы, приземляясь в самарском аэропорту «Курумоч», сейчас начнется: детский садик, школа, синагога... детский садик, школа, синагога... Везде одно и то же!

И ошиблись. Ничего подобного! То есть, конечно, в этом прекрасном городе есть и общинный центр, и чудесный еврейский садик, и отличная школа, и действующая синагога.

Но сначала мы оказались в «Сказке», потом попали на «Грушу», а затем – и вовсе в светлое будущее Эрец-Исраэль! Порадовала Самара еврейская неожиданными встречами!

Однако была и еще одна, что сперва вызвала разочарование, а потом подарила надежду. Это встреча с «волжской жемчужиной», самарской Хоральной синагогой. Ей в этом месяце исполняется 100 лет.

Самарцы – люди сдержанно-доброжелательные. Видимо, бурное проявление чувств – не их стиль. Но, постепенно раскрываясь, они становятся удивительно вам близкими, даже родными. Светлые люди!

Нашими заботливыми экскурсоводами по Самаре еврейской стали Михаил Сафрончик, председатель местной религиозной общины, и Циля Сегаль, председатель Общества еврейской культуры «Гарбут лаам». Ну и, конечно же, не оставял нас своей опекой вездесущий Шломо Дайч, главный раввин Самары и Самарской области и, наверное, один из самых энергичных раввинов современности.

Н. Сафрончик.

«АХ, САМАРА-ГОРОДОК!..»

На высоком волжском откосе, на площади Славы стоит высоченный, блестящего белого металла (аж глаза слепит!), памятник авиастроителям: рабочий держит в поднятых руках расправленные крылья. «Паниковский» – так зовут его в Самаре.

– Почему Паниковский? – недоумеваю я.

– Так он же с гусем! – разъясняют местные жители.

Наш собеседник и гид Михаил Сафрончик рассказывает историю города и края.

Самара как пристань «с крепостцой, со служилыми людьми» у места впадения реки Самары в Волгу впервые упоминается в летописях в середине XIV века. Официальная дата основания города – 1586 год, когда по приказу царя Федора Иоанновича под руководством князя Григория Засекина здесь начали строить крепость.

Так, в удивительно живописном месте – в южном конце Самарской Луки, большой излучины Волги, что огибает здесь Жигулевские горы, – зарождался город. Правда, статус города – пограничной военной базы и центра торговли с Востоком – Самара получила уже в 1688 году. А в 1851-м стала центром Самарской губернии.

В XX веке, в 1941–1943 военные годы, в Куйбышев (так Самара называлась с 1935–го по 1991–й) были эвакуированы правительственные организации, посольства и дипломатические миссии. Кстати, здесь же в годы войны работал Еврейский антифашистский комитет.

Михаил Абрамович показывает многофигурный памятник чапаевцам и находящийся неподалеку бункер Сталина. Здесь же, на высоком холме (или, как говорят волжане, «на юру»), – великолепный старинный терем из красного кирпича, здание Самарского драмтеатра. В свое время в «Самарской газете» под псевдонимом Иегудиил Хламида публиковал рецензии на здешние спектакли Максим Горький. Наподобие этой:

«Баритон вышел на сцену с грацией голодного верблюда и выпустил в зал унылое тремоло...»

Этот «пряничный домик» видел Соломона Михоэлса, Дмитрия Шостаковича, Илью Эренбурга. С именем выдающегося режиссера Петра Львовича Монастырского, возглавлявшего Самарскую драму с 1959 по 1995 год, связана целая эпоха жизни театра. В разное время здесь служили Николай Симонов, Юрий Толубеев, Василий Меркурьев, Владимир Вильнер, Вениамин Смехов.

Говорят, в театре замечательная акустика – благодаря пустым бутылкам, запечатанным сургучом и вмонтированным в стены. Бутылки, надо думать, из-под пива «Жигулевское». Ведь здесь же, на берегу Волги, знаменитый Жигулевский пивоваренный завод, основанный в 1880 году Альфредом фон Вакано и Морицем Фабером. Они воплотили в жизнь идею «европейские технологии на еврейские деньги»: выпускали лучшее в России пиво, хорошо известное и в пабах Европы, правда, как «Венское».

В качестве памятника «главному самолету войны» – прославленному ИЛ–2 – в Самаре на перекрестке Московского шоссе и Кировского проспекта установлен настоящий, извлеченный из карельских болот штурмовик. Немцы называли его «шварце тод», «черная смерть». Наши – «летающим танком».

Но мало кто помнит, что директором завода (Авиазавода № 18, эвакуированного в Куйбышев из Воронежа), с осени 1941 года выпускавшего этих «ангелов неба», был Матвей Шенкман. Без него Красная Армия не получила бы и половины из почти 40 тыс. штурмовиков ИЛ–2, выпущенных советской промышленностью за 1941–1946 годы.

О Матвее Борисовиче рассказывали такую майсу. Приехав в первый раз на завод, он пришел в механический цех. Поздоровавшись со стоящим у станка пожилым рабочим, спросил:

– Скажите, на какой агрегат самолета идет эта деталь?

– А вы, извините, кто такой?

– Я новый директор завода. Вы первый рабочий, с которым я разговариваю.

– А вы первый директор, который пришел в цех и заговорил с простым рабочим...

...Нам рассказывают и о других выдающихся директорах Куйбышева-Самары: Иосифе Побережском, Израиле Марьямове, Михаиле Жезлове (Меере Жезлере). И приводят цифры: в «черные» 1940–1950-е годы были сняты 34 директора и 31 главный инженер авиационных заводов – евреи. А сколько было выдающихся конструкторов, начальников отделов и цехов, мастеров, технологов, экономистов, простых рабочих! Какие потрясающие люди! И какие трагические судьбы...

Двор, где располагалась еврейская благотворительная столовая.

РОССИЙСКИЙ ЧИКАГО

Население Самары было смешанное. Там жили русские (их было большинство), жили татары и евреи, жили армяне и немцы, но конфликтов на национальной почве не было. Жители одной национальности к жителям другой национальности относились с уважением, считая, что каждый может молиться богу так, как хочет и умеет.

(Eṯṯō I eṯṯēī, «Aṯ, Nāi ḏā-ā ḏāiṯē...».)

Известное дело, «два еврея – три синагоги». И Самара в этом смысле не исключение: в миллионном городе мы насчитали двадцать еврейских организаций! «Хесед», «Маккаби», отделение Еврейского агентства в России, Общество ремесленного труда... Потом сбились со счета.

А 150 лет назад, в середине XIX века, в губернском городе на Волге обитало всего... восемь евреев! Причем исключительно мужчин, бывших николаевских солдат-кантонистов, которым предоставлялось право жить вне черты оседлости.

Однако численность еврейского населения в бурно растущей Самаре, обретавшей в ту пору статус «российского Чикаго», неуклонно росла. По имеющимся данным, в 1862 году здесь жили уже 92 еврея, в 1871–м – 339, в 1886–м – 515. В основном это были купцы I гильдии, ремесленники, отставные солдаты, все с семьями. К 1897 году в Самаре было 90 тыс. населения, в том числе 1327 евреев.

Подобному росту способствовала политика местных властей. Городской голова Петр Владимирович Алабин в юбилейном издании «Трехсотлетие Самары» (1886 год) писал о еврейских ремесленниках и торговцах как о «людях сообразительных, трудолюбивых, которых надо всячески привлекать».

Прогрессивно мыслящий человек, как сказали бы сейчас, крепкий хозяйственник, Петр Алабин видел ту великую пользу, которую могут принести предприимчивые и образованные евреи городу и краю, и поэтому предоставлял таковым «вид на жительство». Например, он привлек сюда столяров-краснодеревщиков братьев

Исаия и Менделя Фуренов, которые прославили город: их имена вошли в книгу «300 лет дома Романовых», в раздел «Золотые руки России».

Много сделал для «прироста» еврейского населения Яков Львович Тейтель, юрист, один из двух некрещеных евреев в судебном ведомстве Российской империи (вторым был Яков Маркович Гальперн, вице-директор Департамента Министерства юстиции, тайный советник). Яков Тейтель более 30 лет служил судебным чиновником в Саратове, стоял во главе многих общественных учреждений. Максим Горький называл его «веселым праведником».

Кто-то должен был помочь им, бежавшим из Белоруссии, Украины от погромов. Кто? «Именно я», – говорил этот праведник, улыбаясь. Почему? «Ничего не подделаешь, диктатура сердца». «Первый еврей» – так называли в Самаре Я.Л. Тейтеля <...> Ему суждено было стать «еврейским покровителем» в этих бескрайних местах.

(Ալիà Նիւի, «Երո՛ւծըս աճե՛նէի՛նէ ա՛նա՛ն ո՛ւն ծը՛ն ա՛նիւն ին՛՞ն՞ն ան՛ն աճա՛ն».)

Здание Самарского драмтеатра.

В 1870–х, при прокладке Оренбургской железной дороги, связавшей Самару с центральными губерниями страны, евреи были и среди руководителей, и среди активных участников этого строительства.

К концу XIX века в Самаре насчитывалось уже 1547 евреев, или порядка 1,8% жителей города.

Конечно же, им нужны были молельные дома и синагоги. Цилия Сегаль рассказывает:

– Первая молельня была устроена в доме Маркинсона в 1880 году, а вторая – в 1897 году в доме, предоставленном известным в городе предпринимателем Чаковским (кстати, дедом писателя Александра Чаковского). Однако официально губернские власти признали еврейскую общину лишь в 1895 году. Тогда же названные выше молельни были зарегистрированы городской управой.

Старая, построенная кантонистами в 1880 году синагога на улице Чапаевской (бывшей Николаевской) сохранилась: она никогда не закрывалась и больше ста лет без устали служила верующим. Правда, Михаил Сафрончик говорит, что построена была эта синагога раньше официально означенного года: во время ремонта здания под полами находили газеты 1850 года!

В Самаре активно работали еврейские благотворительные организации, в 1909 году в городе открыли отделение Петербургского благотворительного общества. Действовали «Хеврат а-хнасаг кала» – общество помощи бедным молодоженам – и «Хеврат а-хнасаг орхим» – для приезжих евреев, не имеющих средств оплатить пребывание в гостинице. В квартире присяжного поверенного Фрейдмана организовали библиотеку-читальню. В 1910–х годах в городе были открыты начальное еврейское училище и отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России.

С началом первой мировой войны в Самару хлынул поток евреев, выселенных или бежавших из западных регионов страны. В 1915 году был образован Еврейский комитет помощи жертвам войны. Его учредителями стали известный врач, доктор медицины Шоломович и самарский купец Вайнштейн.

Как рассказывает Михаил Сафрончик, в 1905 году Самара единственная из всех городов Поволжья счастливо избежала черносотенных погромов. Назначенный в декабре 1904 года самарским губернатором действительный статский советник Дмитрий Иванович Засядко прославился своим либерализмом. После первых забастовок 1905 года он убеждал самарских предпринимателей выполнить требования бастующих рабочих; добился увольнения ярого черносотенца Владимира Кондоиди с поста вице-губернатора. В июле 1905–го благодаря действиям Засядко удалось предотвратить еврейские погромы в губернии.

А после пришли лихие времена.

Как только в Самаре укрепилась советская власть, всех самарских купцов арестовали как классовых врагов и, не тратя времени на такие «буржуазные» предрассудки, как следствие и суд, просто взяли да и расстреляли всех.

(Eṯnô Ī eëüëí, «Aô, Nâi àðà-ã ðíãíé...».)

В годы Гражданской войны и после нее в город потянулись евреи-переселенцы из Украины и Белоруссии. А во времена нэпа Самарская губерния стала одним из самых благополучных регионов России. К 1926 году численность евреев в городе составила 7 тыс. человек, или 4% населения!

В 1925 году, рассказывает Циля Сегаль, в Самаре была открыта еврейская школа-семилетка. Директором и учителем математики был замечательный педагог и человек – Яков Наумович Цлаф. В 1932 году он стал одним из первых в СССР кавалеров ордена Ленина.

Идиш – один урок три раза в неделю – преподавал Лазарь Иезикиелевич Засьма. Он же перед еврейскими праздниками вел «антирелигиозную пропаганду», благодаря чему ученики узнавали об истории и традициях своего народа. Жена Лазаря Иезикиелевича Мирра Израилевна Чернякова вела историю, Софья Михайловна Васильева преподавала географию, Нина Лазаревна Паэнсон – математику и химию. Педагоги были очень сильные, в школе царили уважение к детям и особая домашняя атмосфера.

Располагалась школа в двухэтажном особняке на улице Фрунзе (бывшая Саратовская), в доме 57. В 1938–м ее закрыли. А тех, кто выступил на собрании за сохранение школы, в 1939–м посадили «за сионистскую деятельность». В годы войны здесь находилось посольство Турции, а теперь – детский сад «Теремок».

Жигулевский пивоваренный завод.

МАЛЕНЬКИЙ СИОН

Странно было бы в местной иудейской общине не услышать версии о связи волжской «Самары» и палестинской «Самарии»! Это, мол, однокоренные слова: ведь именно здесь, в волжских степях, располагался Хазарский каганат, а Самара, конечно же, так названа в честь Самарии.

Так это или нет – решать историкам. Мы ни одного потомка хазар в самарской еврейской общине не обнаружили. Что не помешало нам сделать вывод: люди здесь интересные, творческие и очень симпатичные.

Михаил Сафрончик рассказывает, что улица Чапаевская, бывшая Николаевская, среди самарцев всегда, еще с дореволюционных лет, слыла Еврейской. Второе название, бытовавшее с начала прошлого века, – «маленький Сион». Ведь уже упомянутая синагога на Чапаевской-Николаевской продолжала существовать все годы советской власти и оставалась центром еврейской жизни Самары.

А выстоял храм только благодаря усилиям нескольких энтузиастов, в частности Исаака Либермана, замечательного человека, все послевоенные годы, вплоть до конца 1980–х, старосты синагоги.

Рассказывают, Исаак Либерман уничтожил списки тех, кому было сделано обрезание, из благих побуждений – дабы оградить людей от крупных неприятностей. Уже при Горбачеве у Либермана возникли новые трудности из-за кампании по «борьбе за трезвость», которая плохо сочеталась с традициями еврейского праздника Пурим. Ведь, как известно, на Пурим каждый еврей должен выпить столько, чтобы не отличать уже Амана от Мордехая...

Не надеясь на помощь властей, Исаак Нотович и его единомышленники на скромные пожертвования самарских евреев сумели заменить в синагоге крышу, перекрыть полы, провести электричество и центральное отопление. Отремонтировали печь, вновь начали выпекать мацу, организовали небольшую столовую «для бедных», собирали пожертвования для нуждающихся.

Так в послевоенные годы упрямые куйбышевские старики сохранили последний еврейский уголок Самары, хоть это было и непросто. Несмотря на давление со стороны властей, угрожающие публикации в местной прессе в 1961–1962 годах, община в Самаре продолжала существовать. Здесь были раввин и шохет, собирался миньян.

Однако в 1960–1970-х годах поддерживать огонь духовной жизни становилось все труднее: одни евреи умерли, другие перестали посещать синагогу. Не собирался даже миньян – к субботней молитве приходили лишь шесть-семь стариков.

Александр Белоусов, вспоминая самарскую синагогу в те годы, говорил, что она «медленно, но неуклонно вымирала». До 1975 года занятия по Талмуду вел раввин Менахем-Иеуда-Лейб Опенштейн, но после его кончины «все становилось печальнее день ото дня. Даже на Песах, Рош а-Шана и Йом Кипур с каждым годом приходило все меньше народа».

Сам Александр Белоусов (увы, он умер в Израиле в 2004 году) был активистом самарской общины и одним из организаторов Общества еврейской культуры «Гарбут лаам». Как говорят его сподвижники по ОЕК, Саша был уникальной личностью: один из первых в Самаре борцов за возрождение еврейской культуры, национального образования и традиций, первый в городе преподаватель иврита и поэт, пишущий на идише и иврите, и при всем том – русский, православный! Он с возмущением говорил о евреях, ставших «иванами, не помнящими родства», и проповедовал идеи национального возрождения.

И вот наконец настали иные времена. В 1997 году в Самару приехал новый раввин – посланник Любавичского Ребе Шломо Дайч со своей супругой Диной. Здание старой синагоги на Чапаевской, 84Б, было перестроено и оптимальным образом приспособлено под общинные нужды.

Раввин Ш. Дайч.

Михаил Сафрончик показывает большой молельный зал, учебные комнаты, офисные помещения, прекрасную библиотеку «Аронин», благотворительную столовую, а также микву, названную в честь великой еврейской женщины – «Хая-Мушка». Самарский общинный центр, рассказывает Михаил Абрамович, проводит разнообразные мероприятия, шабаты и шабатоны; при нем действуют многочисленные кружки и клубы – женский, детский и молодежный, программа STARS и многие другие.

«Кошерным меню» здесь заведует Светлана Гришкина. И кухня работает, как часы: организовано питание в детском саду и в школе «Ор Авнер», в благотворительной столовой при синагоге «Хасдей Менахем». В начале марта там открыли новую кухню, которая может накормить 300 человек. Сейчас в синагоге столуются 80 членов общины. Их средний возраст – 60–70 лет, но есть и те, кому за 80. Правда, некоторым приходится еду привозить домой – таких, говорит Светлана Ароновна, в самарской общине 25 человек. Для стариков это весьма ощутимая поддержка, они ласково называют синагогу «наша кормилица».

Не скучает в самарской общине и подрастающее поколение. Каждую неделю детский клуб «Цивойс Ашем» приглашает ребятшек принять участие в играх, конкурсах и викторинах. Естественно, детей ждут подарки и призы, а также кидуш и субботняя трапеза.

По общему признанию, весьма успешно действует программа для молодежи и студентов STARS – «Студенческий союз Торы для русскоговорящих». В Самаре к проекту подключились около ста молодых людей. И такой интерес вызван не только желанием учиться и получать стипендию: программа как нельзя лучше решает проблему молодежного общения.

Синагога.

На сегодняшний день самарская религиозная община насчитывает около 4 тыс. членов, всего же в городе постоянно проживает порядка 10 тыс. евреев, а в Самарской области – приблизительно 13 тыс.

В январе 2002 года в старой самарской синагоге появился первый в «новейшей истории» свиток Торы. Такого события город не видел лет сто!

Эта Сефер Тора была написана в Иерусалиме специально для самарской синагоги в память о раввине Дов-Бере Рабиновиче его семьей. А завершилось написание свитка в первую годовщину смерти праведника – 18 декабря 2001 года.

Члены семьи раввина Рабиновича прилетели в Самару из Иерусалима. Из Москвы прибыл главный раввин России Берл Лазар. На празднике внесения нового свитка Торы самарских евреев поздравлял тогдашний губернатор области Константин Титов. Колонну из 500 верующих с факелами сопровождал муниципальный духовой оркестр. Это была четвертая новая Сефер Тора, которая появилась в России с начала «еврейского Ренессанса» в стране.

Ребецн Д. Дайч.

Пурим 2007 года – самый веселый праздник года – стал веселее вдвойне. Член самарской общины Михаил Калмыков решил увековечить память своих родителей добрым делом – подарить общине родного города еще одну Сефер Тору. Свиток был заказан в Эрец-Исраэль, и в годовщину смерти матери Михаила Калмыкова состоялось торжественное шествие по улицам города: свиток пронесли из дома дарителя в самарскую синагогу.

Раввин Шломо Дайч рассказывает:

– Это было очень большое и красивое событие. Клезмерский ансамбль «Алия» играл прямо на улице. Евреи пришли в синагогу, танцевали. Была великая радость. К нам приехали гости из общины Тольятти. Многие говорили, что это событие они никогда не забудут – день, когда можно было идти по городу и гордиться своим еврейством.

В молельном зале.

ДЕТЯМ И МАМАМ НА РАДОСТЬ

Усилиями раввина и его жены Дины, педагога по образованию, в Самаре были созданы и благополучно работают еврейские учебные заведения: детский сад и общеобразовательная школа «Ор Авнер». Они располагаются в двухэтажном здании на проспекте Масленникова, 40А. Называется это НОУ – негосударственное образовательное учреждение.

Мамы говорят, что для Дины Дайч «школа – это и душа ее, и сердце». А руководит НОУ Татьяна Железникова – преподаватель английского языка, кандидат филологических наук, очень энергичная молодая женщина. Она работает в школе «Ор Авнер» не так давно, но считает, что именно здесь может реализовать свои представления о современной школе и о перспективах образования в целом.

Татьяна Петровна поясняет:

– В школе всего сто детей, классы маленькие. Это дает возможность индивидуально подойти к каждому ребенку, найти нужный путь, чтобы развить его таланты.

Ученики школы показывают очень высокие результаты в конкурсах и олимпиадах разного уровня по русскому и английскому языкам, математике, биологии. Накоплен большой опыт подготовки учащихся к государственной итоговой аттестации: ребята успешно сдают ЕГЭ. Школа вступила в АсНООР – Ассоциацию негосударственных образовательных организаций России.

Детский сад и школа размещаются в одном здании, отсюда – преемственность ступеней обучения. Все дети знают друг друга, вместе отмечают праздники, вместе гуляют. Недавно в садике открыли ясельную группу. В нее ходят десять детишек.

К сожалению, помещение очень маленькое, а желающих посещать детсад, к счастью, много. Раввин Дайч говорит, что городские власти пообещали дать под НОУ «Ор Авнер» новое здание. И хотя подходящего пока не нашлось, желание решить эту проблему обоюдное, а значит, все обязательно получится.

В школе и садике все время придумывают что-то новое и оригинальное. Взять хотя бы праздники – и общероссийские, и еврейские. Например, рассказывает Дина Дайч, на День Победы в Самаре на площади Славы проходило большое общегородское мероприятие. Ученики еврейской школы тоже активно участвовали в нем: возлагали цветы к Вечному огню, поздравляли ветеранов. И все мальчики с большой гордостью ходили в кипах по улице.

...Ох уж эти евреи! Мало праздников в еврейском календаре? Так в Самаре придумали еще один, некалендарный праздник – «Сидур»! В конце учебного года в школе «Ор Авнер» устраивают концерт и торжество, на котором рав Шломо дарит каждому ученику именной молитвенник. Ребяточки дают оригинальное обещание, возможно, не совсем правильное с точки зрения классической педагогики: «Мы обещаем, что наш Сидур не останется таким новым и аккуратным. Напротив, совсем скоро его страницы будут сильно потрепаны...»

Завершается все праздничной трапезой, в которой принимают участие и родители. А еще каждый из ребят получает первую букву своего еврейского имени... выдавленную на куске торта и залитую шоколадом!

Очень активно работают в самарской общине женские программы. Местные дамы приглашают в свой клуб соплеменниц «на встречу с неиссякаемым источником мудрости, который принадлежит им по праву рождения». Они говорят, программа их занятий интересна и духовно насыщена. Очевидно, так и есть: встречи проходят при полных залах, где собираются несколько десятков активисток Женского клуба.

Самарские дамы живут полноценной жизнью: приглашают визажиста – тот объясняет, как ухаживать за руками, лицом, какими косметическими средствами пользоваться; возрастной психолог проводит ролевой тренинг – говорят об индивидуальных особенностях развития ребенка, детских возрастных кризисах. Светлана Гришкина делится секретами еврейской кухни; медработник школы «Ор Авнер» Валентина Константиновна Куртакова учит оказывать первую медицинскую помощь.

А на праздник Шавуот в июне этого года – в день, когда 3300 лет назад у горы Синай еврейский народ получил в дар бесценное сокровище, Тору, – самарские и тольяттинские дамы организовали свою конференцию. В лучшей самарской гостинице «Holiday Inn» еврейские женщины собрались, чтобы, по словам Дины Дайч, «научиться владеть дарованной им силой и использовать свои скрытые резервы». «Ведь еврейская женщина – не просто хранительница традиций и семейного очага», – совершенно обоснованно утверждают представительницы прекрасного пола. И в Самарской области это доказывают делом.

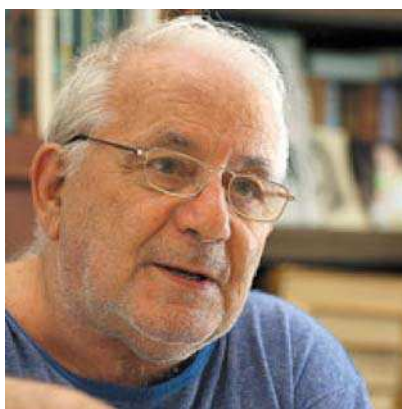

На конференцию пригласили Иту Райниц – известного лектора из города Цфат, специалиста по семейным делам и женско-еврейскому вопросу; выступила ребецн Тольятти Двора Фишер. Дина Дайч прочитала лекцию «Лучший дар любви: женщина как мать». Кроме того, представительницы прекрасного пола насладились концертными выступлениями, побаловали себя модными нынче SPA-процедурами (бассейн, тренажерный зал, сауна), организовали благотворительный аукцион предметов иудаики и завершили мероприятие торжественным банкетом. И вся радость – за символические 300 рублей!

Впрочем, это «фирменный стиль» раввина Дайча. Например, путевка на 14 дней в летний лагерь «Ган-Израэль» (с шестьюразовым питанием) стоит 1000 рублей. Рав Шломо признается: один день пребывания в лагере обходится им дороже, чем отдыхающим... А в приглашении на празднование Суккота в детском центре развлечений – «Крейзи-парке» («Веселая еврейская атмосфера для всей семьи!») – значится: «Заплатив 100 рублей за билет, получаете в подарок карточку для игр на 300 рублей». В семье Дайч считают: человек должен заплатить хотя бы один рубль, тогда будет ценить полученное и стремиться к нему сознательно.

ДАВИД, ВНУК ДАВИДА

С Давидом Ушеренко, представителем еврейской династии, объединившей корни двух самарских купеческих семей – Ушеренко и Окунь, – мы встретились в его квартире на улице Самарской. Давид Яковлевич – человек, достойный отдельного подробного рассказа.

Д. Ушеренко.

Известно, что первыми евреями, обосновавшимися в Самаре, были николаевские солдаты и георгиевские кавалеры. Дед и полный тезка Давида Ушеренко был взят в кантонисты в десятилетнем возрасте, из Киева. Прослужив в царской армии 25 лет, с 1844 по 1869 год, стал старшим унтер-офицером. Затем сколотил капитал на сапогах для российской армии – с магендавидом на голенище...

Давид Яковлевич показывает медали, Георгиевский крест – награды деда, полученные за две военные кампании, Турецкую и Чеченскую.

И военные награды отца, Якова Ушеренко: орден Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны двух степеней, медаль «За победу над Германией». Впрочем, до них многое другое было в отцовской жизни. Родной Сарапул, Удмуртия. Первый раз посадили в 1905–м, за участие в заговоре, в результате которого был убит сарапульский полицмейстер. Пятерых подельников повесили. Яков отсидел год, но был освобожден по амнистии после указа от 17 февраля.

В разгар нэпа женился на Бэле Окунь; так породнились два купеческих рода. За мелкобуржуазную деятельность (производство кожаных чемоданов) дали пять лет. Магадан, досрочное освобождение...

А в 1938–м Якова Ушеренко взяли как «главного руководителя покушения на Калинина и подготовки покушения на Сталина». Вот справка из управления КГБ СССР по

Куйбышевской области о его аресте НКВД в июле 1938 года как «члена контрреволюционной террористической организации». Крепким орешком оказался Яков Давыдович! Вместе с подельниками они развалили материалы предварительного следствия и вынудили «тройку» их из-под стражи освободить.

В 1934 году, семилетним мальчишкой, Давид Ушеренко пошел в ту самую Саратовскую еврейскую школу № 21, в 1938-м закрытую. И были долгие годы учебы и работы, работы, работы... По образованию Давид Яковлевич – инженер-строитель, работал в «оборонке», строил заводы взрывчатых веществ и боеприпасов, руководил крупным проектным институтом «Росортгехстром». На его счету – около 100 изобретений и патентов в самых разных областях науки и техники.

Вот 12 правительственных наград самого Давида Ушеренко-младшего: ордена «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, «За трудовую доблесть», несколько медалей «Победитель соцсоревнования», «Ударник пятилетки», три медали ВДНХ... Через год Давиду Яковлевичу исполняется восемьдесят. Но нет покоя ни в горячем сердце, ни в умудренной опытом и богатой знаниями голове.

На больших планшетах – потрясающе изящные и оригинальные проекты застройки на... намывной территории побережья Израиля! Вот проект административно-торгового и культурно-развлекательного центра. На генплане – авто- и аэровокзал и морской порт, храм и театр, музейный и торговый комплексы, гостиница и административные здания. Предусмотрено все необходимое.

А вот проект еще «круче». Он включает дельфинарий, гребной канал, обсерваторию, пристань для яхт и... подземный аэропорт! Да и форма у намывных территорий оригинальная: в первом случае это звезда Давида, во втором – дельфин.

Утопия? Фантазии «самарского мечтателя»? Нет, все построено на точнейших математических расчетах, выверено и воплощено в конкретные проекты. Претворится ли в стекле и бетоне? Бе-эзрат Ашем!..

НИТОЧКА ПАМЯТИ

Циля Сегаль. Филолог, педагог, писатель, журналист. Ученица великих словесников – Эйхенбаума, Томашевского, Жирмунского, Гуковского, Пиксанова. Главный редактор самарского еврейского журнала «Шомрон». Одна из создателей самарского Общества еврейской культуры «Тарбут лаам» и почти 20 лет, со дня основания в 1989 году, – его бессменный председатель.

Ц. Сегаль.

Знакомство с этой удивительной женщиной становится вровень со встречами самыми необыкновенными, остающимися в памяти на всю жизнь. О них потом, теплея душой, думаешь: «Мне повезло! Я встречался с такими людьми!»

Циля Наумовна говорит о былом, и в ее повествовании предстают те далекие-недавние годы, удивительные люди и жизнь, в которую невозможно поверить. Но это ее, Циля Сегаль, реальная жизнь.

...1941 год. Эвакуация. Нашей героине 13 лет. Циля Наумовна рассказывает о том, как они с мамой и братом оказались в Марийской республике, в деревне Мокруша. Как научились косить, жать, вязать снопы, а также лихо наматывать портянки и завязывать лапти. На вопрос о «странном» имени дочки ее маме Доре пришлось объяснять, что они – евреи.

– Батюшки, ще и такой народ есть! – воскликнула приютившая их хозяйка. – А говорите на нашем наречии и кругом такие же, как мы! Глянь-ка что: яврей...

В Мокруше их отыскал уже мобилизованный на фронт Цилин отец, Наум. Помог случай, а скорее, чудо: в райцентре местная женщина из Мокруши, проводившая на фронт мужа, признала в нездешнем мужчине «кого-то из наших, из явреев»:

– Как раз встал и пошел, как наша Целя ходит, бочком да уточкой...

Циля Наумовна благодарна и приютившему их городу Йошкар-Оле:

– *Спасибо ему, что мы не во рву, а надо рвом, что мы сберегли чуть было не оборванную ниточку, что храним и передаем потомкам главное, что есть у народа, – Память...*

Эту Память Циля Сегаль хранит и передает в своих книгах, статьях в журнале «Шомрон», в работе самарского ОЕК «Тарбут лаам». И оттого так сильна боль ее о «волжской жемчужине» – Хоральной синагоге, что на улице Садовой, 49:

– *Синагога была гордостью евреев, любовью общины. Здесь назначались деловые свидания, совершались коммерческие сделки, обсуждались проекты, разрешались споры. На протяжении своей долгой и непростой жизни она переживала радости и горести, потрясения и угрозы, но устояла. Тем печальнее была ее одинокая старость...*

А ведь это красивейшее здание в мавританском стиле входило в пятерку (!) самых больших синагогальных зданий Европы.

Циля Наумовна рассказывает:

– Иудейский храм раскрыл свои двери для прихожан 31 августа 1908 года. На это событие откликнулась вся самарская пресса. Очень подробно описала праздничную церемонию газета «Волжское слово», добавив: «Здание Синагоги производит впечатление своими внушительными размерами, прекрасною архитектурою, солидной постройкой и выдержанностью стиля внутренней отделки деталей <...> Отныне Самара украсилась еще одним зданием, выдающимся по изяществу архитектурного замысла, и наша еврейская колония по справедливости может гордиться красотой своего храма, первого по всему Поволжью».

Но «золотой век» синагоги, увы, был недолог. После революции началось планомерное наступление на храмы. При массовом ликовании народа был взорван величественный православный собор, гордость города, самарский «Исаакий». Нависла угроза и над синагогой, но вскоре миновала. Храмы перестали разрушать – их начали выселять. Газета «Коммуна» выдвинула предложение: «Начать борьбу за отобрание самарской хоральной синагоги и передачу ее под Дом культуры».

Битва длилась четыре месяца. И, как писали газеты, не была борьбой верующих и неверующих. Столкнулись два класса: «евреи-торгаши» и рабочий класс, «новый хозяин страны». Возглавляла борьбу с «защитниками национальных интересов» еврейская секция при Губкоме партии.

В 1929 году в бывшую синагогу въехал Дом культуры. Но и он в этом здании пробыл недолго. Казалось, сами стены отторгали непривычную «святость». И в том же году синагогу передали хлебозаводу. Внутренность храма была переоборудована, монументальная архитектура разрушена. Семьдесят лет грузные установки хлебозавода сотрясали здание. Оно ветшало, покрывались мучной пылью стены.

С легализацией религии государство приняло решение о передаче храмов верующим. Была возвращена и хоральная синагога, вернее, то, что от нее осталось. С трудом удалось выселить «хлебников». Религиозная община во главе с раввином Шломо Дайчем торопила освобождение здания, которое опять стали называть синагогой. Правда, «бывшей».

С замиранием сердца ждала самарская община второго рождения Храма. Это был час торжества и надежд.

И вот работа началась, внутренность здания превратилась в большой провал, огромную яму... На этом работы остановились, все замолкло. Казалось, разрушение и было главной целью. «Разрушители» ушли. Строители не приходили...

Так и стояло в центре города мрачное, пока еще не рухнувшее здание. Стояло, подобно «рыцарю печального образа»...

Но строители наконец-то пришли!

10 декабря 2007 года был заложен камень в основание здания самарской Хоральной синагоги, символизирующий начало ее реконструкции. В торжественной

церемонии участвовали раввин Шломо Дайч, члены общины, учащиеся и воспитанники НОУ «Ор Авнер», местные бизнесмены. Ожидается, что после реставрации в здании откроется молельный дом и общинный центр, объединяющий все еврейские организации региона.

Рав Шломо подтвердил, что дата закладки первого камня выбрана не случайно:

– В этот день евреи вошли в Иерусалимский Храм и освятили его после того, как город был освобожден от оккупантов-язычников. Сегодня этот день стал символической точкой отсчета: освящено начало реставрации самарской Хоральной синагоги. Этого так долго ждали самарские евреи!

САМАРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

5 января этого года в Тель-Авиве, не дожив одного месяца до своего 50-летия, скончался Роман Бейгель – председатель попечительского совета самарской общины, член президиума Федерации еврейских общин России. «Замечательный еврей, один из самых ярких лидеров ФЕОР», – так назвал его главный раввин России Берл Лазар.

Р. Бейгель.

Через 30 дней после смерти Романа Исааковича, в память об этом замечательном человеке и его заслугах, Берл Лазар во время визита в Самару вписал первые буквы в новый свиток Торы. Раввин выразил надежду, что община Самары обязательно доведет до конца дело, начатое Романом Бейгелем, а к этому времени завершится и написание свитка. Берл Лазар пообещал лично приехать на открытие Хоральной синагоги после реконструкции и внести в свиток Торы последнюю букву.

Во время поездки в Самару главный раввин России встретился с губернатором Самарской области Владимиром Артяковым и мэром Самары Виктором Тарховым, обсудил с ними в том числе и предстоящие работы по восстановлению здания Хоральной синагоги. Владимир Артяков пообещал и впредь помогать еврейской общине в ее нуждах.

Реконструкция и реставрация храма будет осуществляться на средства ФЕОР и ста членов самарской еврейской общины. Раввин Шломо Дайч подтвердил, что работы уже начались. Завершить возрождение синагоги рав Шломо надеется через 18–20 месяцев, на Хануку 5770 года...

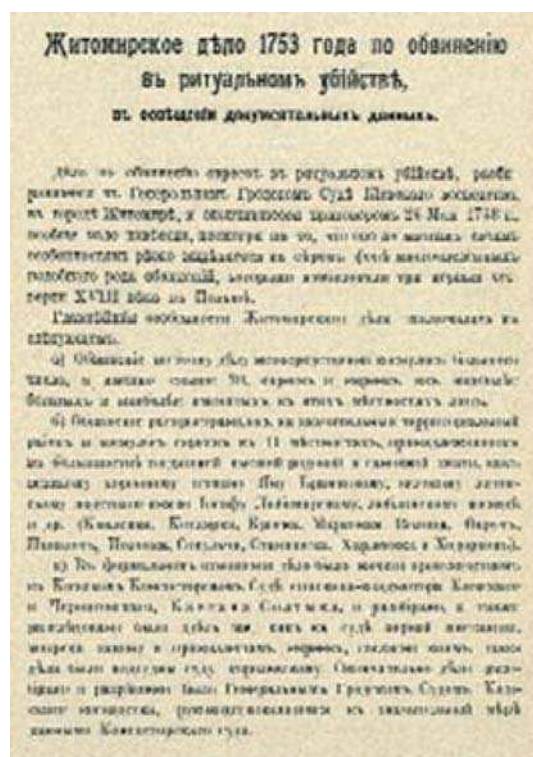
...Мы покидали Самару, окрыленные надеждой через полтора-два года вернуться сюда и войти в обновленную красавицу-синагогу, служащую новым

поколениям самарских евреев. В Храм, что несет в своих стенах память о тех, кто ровно сто лет назад, 31 августа 1908 года, открывал и освящал его. Освящал с верой в то, что он будет служить детям и внукам. И что они, их потомки, в свою очередь, будут достойны доброго имени предков.

СВЯТЫЕ ИЗ ПАВОЛОЧИ, БЕШТ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Ėėiū Ėėdiā

Кровавый навет – обвинение в ритуальном использовании крови христианских младенцев – сопутствовал евреям на протяжении многих сотен лет их жизни в странах Европы. Эта нелепая легенда, возникшая на христианском Востоке еще в эпоху поздней античности и получившая свою «классическую» форму в Англии XII века, с поразительной легкостью завладела массовым религиозным сознанием на континенте и стала одним из доминантных факторов в формировании облика евреев в глазах христианского общества. Популярность кровавого навета была укоренена, по всей видимости, в потребности средневекового религиозного сознания в зрелищной реактуализации «мук христовых», для евреев же преследования и изгнания, сопровождавшие навет, стали живым воплощением «мук галута», которые они должны были стойко переносить до прихода Машиаха – избавителя.

Особого размаха кровавый навет достиг в раздираемом межконфессиональными и социальными конфликтами Польско-Литовском королевстве XVIII столетия. С регулярностью ежегодного ритуала в различных регионах Речи Посполитой разворачивались судебные процессы по делу об истязании и убийении евреями христианских детей. Зачастую такие процессы заканчивались мучительной публичной казнью обвиняемых, вспышками насилия по отношению к евреям и разорением целых общин. Подробные отчеты об этих событиях откладывались в польских городских и церковных архивах, а память о них надолго становилась составной частью местного христианского культа.

Одним из наиболее значимых и драматических ритуальных процессов этого периода было житомирское дело 1753 года, жертвами которого стали более тридцати евреев из самой верхней страты общества – арендаторы крупных поместий высшей польской знати, принадлежавшие к общинам Паволочи и Ходоркова. Особый характер житомирскому процессу придавало и то, что он был инсценирован и проведен влиятельным и непримиримым борцом за господствующий статус католической церкви в Польше епископом Киевским и Черниговским, позднее занявшим еще более престижный пост епископа Краковского, Каэтаном Игнацием Солтыком (1715–1778).

Ход дела и его результаты наглядно представлены в двух документах, опубликованных в 1915 году в переводе на русский язык на страницах журнала «Еврейская старина» – органа Еврейского историко-этнографического общества^[1].

***Ἰεῦν ἰ Ὑἱ ἰ ἀπῖεῖῖ ἀἰεῖῖῖ, εἰῖῖῖῖῖῖ Ἐεῖῖῖῖῖ, Εἰῖῖῖῖῖ Ἰῖῖῖῖῖ
Ἐῖῖῖῖῖ ὁ ἀδδῖῖῖῖῖῖ (εε ἰ Ἐεῖῖῖῖῖ)***

Каэтан Игнаций Солтык.

В Страстную Пятницу, в имениях князя воеводы Люблинского, евреи, похитив дворянского ребенка четырех лет от роду, держали его у себя в течение всей субботы, и лишь по окончании шабаша (в виду того, что их праздники по ветхому завету – Песах – совпали в этом году с нашими), съехавшись из разных городов и местечек Великого Коронного Гетмана, князя Литовскаго, подстолия и др. владельцев, приступили к истязанию этого ребенка.

Прежде всего раввин проколол ему левый бок перочинным ножиком, затем прочел что-то по книгам, а в это время другие евреи кололи ребенка небольшими гвоздиками и длинными булавками, выжимая у него при этом невинную кровь из всех жил в особую чашку; эта кровь была сперва разлита в бутылочки и другую посуду, а затем распределена между присутствовавшими.

Еще до начала упомянутого истязания, они, в виде опыта, завязали ребенку глаза и, поставив его посреди комнаты, повелели ему пойти в желаемом ему направлении; когда же ребенок, двинувшись с места, направил свои шаги непосредственно в сторону входной двери, то они пришли в отчаяние, думая, что их постигнет неудача в этом деле и что оно будет обнаружено.

Но присутствовавшие старшие, писари и сборщики стали их ободрять, говоря, что это во всяком случае будет денежным, но не уголовным делом.

Несмотря на такие мучения, ребенок оставался живым почти целый час; затем он был обмыт и, по приказанию присутствующих, отвезен в роцу, причем отвозившие лица сбросили его среди мелкого кустарника; но на обратном пути они заблудились и, блуждая всю ночь, едва успели выбраться и приехать на место совершения преступления. Но лишь только они успели доложить об исполненном, им велено было вернуться и спрятать тело где-нибудь подальше, в более густое место роцы. Однако на этот раз они не могли более найти прежнее место.

Опечаленный отец в поисках своего ребенка отправился на следующий день, а именно в Светлое Воскресенье, в костел и с этим намерением упал ниц перед чудотворною иконою Пресвятой Девы. Пролежал он в таком положении в течение всей обедни, после чего у него явилось вдохновение – отправиться в роцу и именно к тому кусту, где брошено было тело ребенка. К нему из усердия присоединилось еще свыше ста других лиц дворянского звания.

После непродолжительных поисков ими найдено было в кустах голое тело дитяти, и тут же рядом на других отдельных кустах они нашли развешанными: рубашку, платье, кушак и шапочку ребенка. Подобрал тело, они понесли его в церковь, и, когда проходили с ним мимо корчмы, в которой дитя было замучено, то из левого бока, а именно из места первой нанесенной ему раны, показалась кровь. А потому, как на основании этого обстоятельства, так и ввиду других имевшихся на евреев подозрений, немедленно же в этой деревне схвачено было два местных корчмаря-еврея с их женами, которые сознались во всем и показали еще на других евреев.

В тот же день (так как все это случилось на расстоянии не более шести миль отсюда) мне сообщено было об этом. Принимая во внимание, что дело это касалось веры и славы Божьей, я не замедлил отнестись к нему с возможным усердием и немедленно же издал распоряжение об аресте и «позвы» относительно явки в суд. Причем, ввиду того, что некоторые из панов их милостей управляющих именьями, из опасения перед владельцами этих имений, делали различные затруднения относительно выдачи и ареста, я вынужден был лично разъезжать по этим именьям, убеждать их милостей производить аресты.

Ввиду этого мне впоследствии без всяких затруднений выданы были все участники, каковых у меня имеется уже здесь в тюрьме и в кандалах тридцать один еврей и две еврейки, в том числе наиболее знаменитые и наиболее богатые арендаторы из этих местностей.

Со вчерашнего дня я начал вести допросы, по окончании коих я отошлю это дело, ввиду уголовного его характера, в здешний Гродский Суд. Среди простонародья проявилось такое усердие, что оно было готово вырезать всех евреев, и с усмирением его было много дела. Из числа участников сильно избиты были лишь два еврея, за которыми я распорядился тщательно ухаживать, т. к. они необходимы мне для допроса.

Что касается упомянутого замученного ребенка, то я распорядился доставить его (тело) сюда для осмотра. А по производстве осмотра поместить в костел. Здесь оно находится уже в течение двух недель, причем оно не разлагается и не только не издает зловония, но, напротив, от него исходит какой-то особый запах.

Лишь по окончании допросов это святое тело невинного и мученика будет мною введено торжественно в кафедральный костел. Я распорядился уже об изготовлении для него надгробной надписи, для вечной памяти о сем деле.

Когда упомянутое тело нужно было привезти сюда, оно взято было из церкви во двор и временно помещено в избу, и когда к нему приводили обвиненных евреев, то кровь хлынула почти из всех ран, что уже удостоверено мною допросами присутствовавших тогда при этом дворян.

Сообщая о вышеизложенном как касающемся нас всех, пребываю с совершенным почтением.

Ритуальное убийство. Неизвестный автор. Первая половина XVIII века.

Āīī āīī ēā īá ēmī ēī āī ēē ī dē āī dā

После первого декрета последовало исполнение приговора. Прежде всего Кива, знаменитый в этих местностях арендарь имений Билиловскаго, великаго короннаго гетмана, и Поволоцкаго, князя подстолия Литовского, Поволоцкий раввин Шнайер, Харлеевские арендари: Маер Мордухович и сын его Шмая и похитившие, по приказанию старших, этого ребенка арендари Марковой Волицы: Еля и Янкель, – все перечисленные шесть лиц поведены были сперва на рынок, где им обложили руки облитыми смолою деревянными щепами, затем обмотали до локтей паклею и зажгли таковую. В этом состоянии их провели за город, под виселицу, где сперва с каждого из них содрали по три полосы кожи, потом четвертовали живьем, отсекали головы и эти последние, а также отдельные четверти тела, развешали на кольях. Из всех один лишь Еля с женою просил святого крещения и присужден к более легкому наказанию, а именно к простому обезглавливанию, но епископом-коадьютором Киевским для него исходатайствовано было освобождение от смертной казни; с остальными же, упорствующими в своем злодеянии, поступлено было согласно приговору.

На следующий день шесть вышеупомянутых евреев, приговоренных к четвертованию живьем, а именно: Дзидус из Паволочи, Берко из Ходоркова, Давид

арендарь из Сокульчи, Мевша арендарь из Котлярки, Давид арендарь Ходорковский из Ходоркова (самый богатый из всех в этих местностях) выведены были под виселицу, причем трое из них, упорствующие, казнены были согласно приговору. Остальных, а именно: Давида арендаря Ходорковского, Хаима и Мевшу из Котлярки, изъявивших желание принять святое крещение, приказано было просто обезглавить; но для вящего просвещения их святой верою исполнение приговора было им отсрочено до следующего дня, каковое исполнение и последовало, причем, к великому уназиданию для всех, ввиду твердости в вере, тела этих вновь крещенных положены были в гробы и проведены в процессии в кафедральный костел Епископом-коадьютором в полном облачении, в сопровождении многочисленного духовенства белаго и монашескую, не только католического, но и греческого исповедания, и при громадном стечении панов, обывателей и военных; в кафедральном соборе отслужены были многократныя заукойные богослужения и панихиды, продолжавшиеся до двух часов пополудни, а вслед за этим последовали похороны этих тел.

Тринадцатый еврей, Квилевский арендарь Зейвель, приговоренный к смертной казни, через отсекование головы, но выразивший желание принять вместе с женою и четырьмя детьми крещение, освобожден был от смертной казни по ходатайству епископа-коадьютора.

Что касается четырнадцатого еврея, Герца Бездетнаго из Паволочи, успевшего бежать еще при возникновении дела, то он приговорен к четвертованию живым, где бы он ни был пойман.

По окончании исполнения приговора епископом-коадьютором произведены были церемониал Святого крещения над тринадцатью лицами, евреями и еврейками, с приобщением их в первый раз Святых тайн, и обряд бракосочетания трех пар.

Нет сомнения в том, что события, описанные в этих устрашающих своей непосредственностью и откровенностью документах, имели самое травматическое воздействие на еврейских современников. Можем ли мы сегодня установить, как воспринимали они житомирский навет, который по существу являлся лишь одним (хотя и наиболее кровавым) звеном в цепи судебных преследований, обрушившихся на евреев Польши в этот период?

В современных исторических исследованиях часто отмечается, что в традиционных обществах память о прошлом может сохраняться и передаваться в различных нарративах, совсем не обязательно исторических. Это наблюдение справедливо и в отношении еврейской коллективной памяти^[2]. Действительно, характерное для еврейского религиозного сознания противопоставление «мук изгнания» грядущему искуплению естественным образом требует построить конкретные события в жизни народа – и в особенности если речь идет о гонениях – в обобщенную циклическую схему, лишенную какого-либо поступательного движения. В результате эти события сохраняются в коллективной памяти, но при этом теряют свое историческое своеобразие и сливаются с сотнями других трагедий, из которых соткано существование в галуте. Важнейшим инструментом такого «преодоления» истории являлась поминальная литургия, с раннего Средневековья служившая своеобразным пантеоном теней прошлого. Житомирская трагедия не стала исключением. Еще в конце XIX века была записана бытовавшая на Волыни поминальная молитва о «святых из Паволочи и Ходоркова», которая позволяет взглянуть на житомирский процесс глазами его современников-евреев:

Б-же любвеобильный, обитающий горе, защитник вдов и отец сирот! Доколе будешь Ты молчать и прощать за невинную кровь, непорочную кровь благочестивых праведников? В городах и в полях вопиет пролитая кровь братьев наших, истерзанных и замученных. Взгляни, о Г-споди, и воззри с обители Твоей на пролитую кровь чистых душою и умудренных познаниями, дай обрести успокоение полное, под крылами величия Твоего, на лестнице святых и чистых, сиянием неба озаренных, – душам: раввина, мученика рабби Сендера, сына р. Соломона, Акивы, сына р. Моисея, Мейера и сына его р. Шемая, Якова, сына р. Рувима, Давида, сына мученика р. Симеона, Моисея, сына мученика р. Авраама, Бера, сына р. Иеуды, Давида, сына р. Самуила, Хаима, сына р. Иеуды, Моисея, сына р. Иосифа-Абрама. Все они святые, как агнцы чистые, и приняли на себя жестокий приговор. Да будут зачтены их заслуги остальным детям изгнания, дабы оградить их от всяких гонений и преследований. Г-сподь да будет их уделом и да покоятся они в мире на ложах своих. Возгласим же: Аминь ¹³⁷.

Этот пронзительный текст относится к традиционному ашкеназскому литургическому жанру плача (кина) и вполне мог бы вписаться в сборники плачей по убиенным во время Первого крестового похода 1096 года или в годы Хмельнитчины.

Выясняется, однако, что в данном случае реакция евреев на кровавый навет и последовавшие за ним судебные бесчинства не ограничивалась традиционными смиренными жалобами, обращенными ко Всевышнему. Свидетельства о совсем ином восприятии происходящего мы находим в несколько неожиданном источнике – в книге Шивхей а-Бешт («Хвалы Бешту»), изданной в 1814 году и сразу же завоевавшей необыкновенную популярность среди евреев Восточной Европы. Книга эта представляет собой сборник рассказов о р. Исраэле Бааль-Шем-Тове (Беште), выдающемся мистике и основателе влиятельного религиозного движения – хасидизма. По своему характеру она является ярким образчиком особого литературного жанра – жития святых, или агиографии, весьма распространенного как в еврейской, так и в христианской среде. Однако в рассказах из книги «Хвалы Бешту», которые на протяжении многих лет передавались из уст в уста, прежде чем были опубликованы, отразились конкретные исторические реалии эпохи в восприятии их современников.

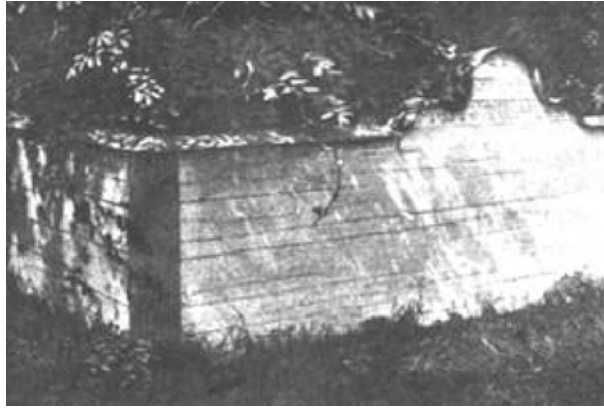
Один из рассказов о Беште имеет непосредственное касательство к нашей истории.

Исраэль Бааль-Шем-Тов. Том Блок. 2006 год.

Êōīāāāīé íāāāò áĭ āāēīř-á

Когда случился кровавый навет в Паволоче, убежал раввин Коростышева, которого звали р. Давидом. И хотел он бежать в пределы Валахии, ибо все большие люди из окрестных местечек боялись, что навет коснется и их. Когда он пришел в святую общину Меджибожа, то Беит удержал его, и много раз говорил ему Беит, что те спасутся. И после того как те были убиты, пришло к упомянутому р. Давиду письмо, рассказывающее о страшных и жестоких муках, которые выпали на долю каждого из них, и пошел он с этим письмом к Беиту, и тот опечалился до чрезвычайности. А дело происходило накануне субботы, и пошел он в микву, и сильно плакал, и прочел молитву минху с такой великой скорбью, что все его сподвижники не могли даже головы поднять. И подумали они про себя: «Быть может, когда придет срок встречать субботу, он встретит ее в радости». А он произнес встречу субботы и вечернюю молитву с той же скорбью сердечной, благословил вино с плачем, омыл руки и сел за стол. И удалился в спальню, а там распростерся на земле, и оставался лежать так. А домочадцы и гости ждали его до тех пор, пока не начали гаснуть свечи. Пошла его жена и сказала ему: «Скоро погаснут свечи, а гости ждут». Сказал он ей: «Пусть поедят, произнесут застольную молитву и уходят». Жена тоже пришла в ту комнату, где был Беит, и легла спать на свою постель. А Беит все еще лежал на земле с распростертыми руками и ногами. И встал упомянутый р. Давид около двери, чтобы видеть, чем кончится дело. И устал стоять, взял скамеечку и сел у входа. Около полуночи услышал он, что тот говорит жене: «Прикрой лицо». И в тот же миг комнату озарило сияние, и свет пробивался сквозь щели. И сказал он: «Благословен грядущий р. Акива¹⁴». А также и другим святым мученикам, не знаю их по именам, сказал он: «Благословен грядущий». И р. Давид узнал р. Акиву по голосу. Сказал Беит святым мученикам: «Приказываю вам пойти и свершить отмщение врагу, вину возведшему, называемому стигатором¹⁵». Ответили святые и сказали: «Да не сойдет вновь с уст ваших слово такое, и сказанное вами да будет отменено. Вы, ваше степенство, не знаете силы своей. Когда вы нарушили чин субботы, начался большой переполох в Райском саду, и бежали из всех чертогов, как от меча. И когда мы пришли в чертог повыше, там тоже разбежались. И мы не могли понять, почему так, пока не поднялись в возвышенное место, где знали. Закричали на нас: Скорее идите и уймите слезы Беита! И должны мы вам сказать, ваше степенство, что все испытания, которые выпадают на долю человека при его жизни, как шелуха чесночная по сравнению с той мукой, которую мы приняли во славу Его благого и высокого имени. Однако и дурное начало сделало свое дело, и хотя мы гнали его от себя обеими руками, смутило на миг наши мысли¹⁶. Из-за этого мы были вынуждены страдать полчаса в преисподней. А потом мы вошли в райские кущи и стали говорить, что хотим отомстить своим ненавистникам. Сказали нам: Еще не пробил их час, но если вы хотите отомстить, то должны согласиться на новое воплощение. И сказали мы: Хвала Всевышнему, что приняли мы муку за Его имя и были вынуждены страдать в преисподней, ибо все мучения – как шелуха чесночная по сравнению с тем получасом в преисподней. А если мы, вновь воплотившись в этом мире, совершим, не дай-то Б-г, какой-нибудь грех, который не сможем исправить? Уж лучше мы не будем ни мстить, ни воплощаться. Поэтому мы просим вас, ваше степенство, чтобы вы отказались от тех слов, которые произнесли». И спросил у них Беит: «Почему с небес ввели меня в заблуждение и не открыли мне, что вы должны принять святую муку?» Ответили они ему: «Узнав об этом, вы бы неотступно молились и отменили бы этот приговор, и была бы тогда, упаси Б-же, большая беда. Поэтому-то и не сообщили вашему степенству». А от нашего раввина я слышал, что Беиту, по собственным его словам, обещали отменить этот приговор, но некий проповедник проповедовал в святой общине Броды и зарабатывал на положении узников, чем пробудил вышние суды и явился причиной казни узников¹⁷.

Братская могила казненных в Житомире в 1753 году.

Житомирские события 1753 года представлены в этом драматическом рассказе о Беште совершенно в ином ракурсе и совсем в иной тональности. Кровавый навет становится толчком к разворачиванию целой мистерии, происходящей одновременно на земле и на небесах. Главным героем ее является Бешт, обуянный жаждой мщения и пытающийся обратить события вспять – вернуть убиенных в мир и направить их гнев на гонителей. Однако этому плану не суждено было воплотиться: сами жертвы останавливают руку мстителя. Выясняется, что за кровавыми событиями в Житомире скрывается высший смысл, неведомый стороннему наблюдателю, и только Бешт, благодаря своему мистическому дару, оказывается в состоянии раскрыть его. Рассказ выдвигает определенную мистико-этическую концепцию, разрешающую проблему ненаказуемого зла: то, что представляется непосвященному злом, на самом деле оказывается испытанием на пути к искуплению.

Собственно, финал этой истории возвращает нас к смиренной позиции, выраженной в поминальной молитве, однако путь к ней здесь проходит через вспышку протеста, ненависти к гонителям и внутренней борьбы, совершающейся в сердце героя. Можно предположить, что эти переживания отражали реальные чувства, которые испытывали свидетели описанных событий. Таким образом, рассказ о Беште, в силу самой своей жанровой природы являющийся частью коллективной памяти восточноевропейского еврейства, позволяет нам приоткрыть завесу над внутренним миром евреев и выявить их настоящую реакцию на преследования, которая включала и гнев, и бунт против воли небес, и жажду мести, и противостояние соблазну крещения, и готовность к самопожертвованию.

^[1] С. Гольдштейн. Житомирское дело 1753 г. // Еврейская старина. № 8. 1915. С. 296–323.

^[2] Об истории и исторической памяти у евреев см.: Й. Йерушалми. Захор. Еврейская история и еврейская память. М. – Иерусалим, 2004.

^[3] Еврейская Семейная библиотека. 1903. № 9. С. 6–7. Жертвы житомирского кровавого навета были захоронены на местном еврейском кладбище, и над их могилой был установлен памятник с надписью: «Здесь похоронены святые мужи, убитые и освятившие имя Б-жье в день 29 ияра 513 [т. е. 1753] года».

^[4] Акива – упомянутый в судебных документах под именем Кива арендатор имений великого коронного гетмана.

^[5] Стигатор – видимо, искаженное *instygator* (прокурорская должность в средневековой Польше). Скорее всего, имеется в виду киевский епископ-коадьютор Казтан Солтык, который инициировал и вел расследование дела о кровавом навете в Житомире.

^[6] Можно предположить, что речь идет о выборе, перед которым были поставлены узники: умереть мучительной смертью или креститься. Переход обвиненных по кровавому навету евреев в христианство под угрозой пыток и смерти был распространенной нравственной проблемой, с которой сталкивалось еврейское общество Польши в этот период. К ней отнесся и Бешт в своем письме 1752 года к шурину, р. Гершону из Кут, в связи с кровавыми наветами в Заславе, Шепетовке и Дунаевцах. См. текст письма и его разбор в кн.: М. Росман. Бешт – обновитель хасидизма. Иерусалим, 1999. С. 139–148 (на иврите).

^[7] Шивхей а-Бешт/ Ред. А. Рубинштейн. Иерусалим, 1991. С. 210–212 (на иврите). Перевод М. Кравцова.

ВОСПОМИНАНИЯ

Записки актера

Î îöë Ñèöîà

Окончание. Начало в № 7, 2008

Наступил 1937 год... Он начался как обычно. В начале как будто было все нормально: шли спектакли, ставились новые пьесы, приезжали приглашенные режиссеры, композиторы, художники. <...> Начальником облотдела искусств в Биробиджане был Ноткэ Вайнгауз^[1]. По совместительству он был и редактором радиокомитета. <...> Мы с ним крепко подружились. К тому же он был еще писателем, писал новеллы. Я никогда не забуду его любимую фразу «У красивых берегов Амура...». О каких бы трудностях с ним ни говорили, на что бы ни жаловались, он всегда находил нужный ответ для успокоения. И заканчивал всегда так: «Зато ты в Биробиджане, недалеко от красивых берегов Амура...» Он так произносил эту фразу, что каждый раз она звучала у него по-иному...

Актеры БирГОСЕТа после спектакля «Вечер Шолом-Алейхема». 1934 год.

Сидит слева первый худрук театра режиссер Марк Рубинштейн.

Дружил он с редактором «Биробиджанер штерн» Гольденбергом^[2] и молодым писателем Эммануилом Казакевичем^[3]. Через Вайнгауза я также был знаком с ними, и мы часто встречались вместе. Провести в этой компании вечер было настоящим удовольствием – всегда было интересно, поучительно и весело. В редакции Э. Казакевича в нашем театре шла пьеса Карла Гуцкова «Уриэль Акоста». И шла она с большим успехом.

У нашего театра был еще один близкий и хороший друг. Я имею в виду зав. обл. наробразом товарища Гольдфайна. Всесторонне развитый человек, он знал несколько языков. Каждая встреча с ним всегда оставляла приятную память. Наши депутаты Верховного Совета СССР – Лея Лишнянская и Гольдберг (Израиль Гольдмахер. – Б. К.) также всегда были готовы помочь театру и помогали. Лея Лишнянская, телятница, которая установила в свое время рекорд по выращиванию и сохранению телят в трудных условиях зимы, была большой любительницей театра. А директор мебельной фабрики Гольдберг был ветераном Биробиджана, он один из первых приехал сюда и еще в тайге начал строить город. Помню еще товарища Зибельштейна – ответственного работника, который тоже всегда шел мне навстречу при решении вопросов, связанных с работой театра. Всех не запомнишь. Но любителей театра было много. Я был уверен, что с их помощью мы сумеем наладить хозяйственную деятельность театра. А художественное руководство нашего театра находилось в очень крепких и добрых руках Моисея Исааковича Гольдבלата. Казалось, что барометр показывает на «ясно». Но, к сожалению, все пошло насмарку. И взамен ясной солнечной погоды на нас всех надвинулись черные тучи.

В один далеко не прекрасный день мы вдруг узнали, что арестован Гетей – наш краевой начальник^[4]. Арестован как враг народа. Для всех нас это было словно обухом по голове. «Гетей – враг народа». Это не укладывалось в голове. Кому же тогда верить? Не успели мы еще пережить это событие, как узнаём, что арестовали первого секретаря обкома партии Хавкина^[5]. И обвиняли его в том, что он будто вел переговоры с американскими властями о передаче им Биробиджана и что для этой цели он приглашал в Биробиджан евреев из капиталистических стран. Трудно было поверить и в это обвинение. К нам в Биробиджан действительно приезжали евреи из капиталистических стран. Но какие это были евреи? В основном – ремесленники, врачи, инженеры. Миллионеров и капиталистов мы среди них не замечали... Не прошло и несколько дней, как арестовали зав. наробразом Гольдфайна и директора нашего театра Кормана. И пошло... Каждое утро встаешь и узнаешь, что арестовали одного, другого... А город ведь маленький. И арестовывали людей заметных...

Мы начали волноваться за свой театр. Не знали, кого могут забрать завтра. Смотрели друг на друга, как враг на врага, и каждый думал, неужели среди нас имеются враги народа. Ведь мы друг друга как будто бы хорошо знали и не верили, что среди нас есть люди, которых надо арестовать... Не верили, но людей арестовывали. И каждый поневоле думал, что ждет его завтра...

Сцена из спектакля БирГОСЕТа. Около 1935 года.

Арестовали нашего артиста Фейгина^[6]. Это был страшный удар для театра – добираются и к нам... И главное, каждый боится высказать свое мнение и отношение к происходящему. Кто знает, может быть, сосед сразу об этом напишет куда следует и дело, как говорится, обернется совсем наоборот. Все молчат...

И тут я решил, что если театр не выедет на гастроли, то ему капут. Правда, не было особенной уверенности, что выезд что-то резко изменит. Но какую-то надежду это вселяло. И я чувствовал, что каждый в душе желает этого, но боится внести такое предложение. А вдруг его не так поймут... Тем более что в начале года гастрольная поездка не намечалась. Мы планировали весь 1938 год интенсивно поработать на базе, подготовить несколько новых пьес, а в 1939 году поехать в длительную гастрольную поездку по городам УССР, БССР и РСФСР. Следовательно, и Москва не планировала нашу поездку. И в случае выезда надо было бы иметь дело непосредственно с организациями на местах. А так как у нас был большой коллектив, и стоили мы дорого, то было трудно надеяться, что город возьмет нас на гарантию. Работа же на кассу, естественно, была связана с риском. Было над чем подумать. Только для перевозки наших декораций и бутафории необходимо было три пульмановских вагона. Ехать на Украину или Белоруссию – далеко, следовательно, дорого. Кроме того, там были свои еврейские театры. И без предварительного согласования ехать туда нельзя было. Значит, надо было работать где-нибудь поближе. Но не в Хабаровске или во Владивостоке, чтобы не быть очень близко к Биробиджану...

Подходящими городами с этой точки зрения были Иркутск и Новосибирск. Но там мало еврейского зрителя, и не было уверенности, что мы даже окупим свои расходы. А выехать самовольно на гастроли и вернуться с большим дефицитом было по тем временам даже опасно... Я буквально целыми днями и ночами думал над создавшимся положением, взвешивал все «за» и «против». И тут мне в голову пришла неплохая идея. Этот год совпадал с пятилетием существования Биробиджана как культурного центра

Еврейской автономной области^[7]. Естественно, что руководство области готовилось к этой дате. В частности, намечалось завербовать в ЕАО еще около десяти тысяч евреев. Вербовщики были разосланы во многие города Союза. Обдумав все это, я зашел к Кушниру с предложением, чтобы наш театр выехал на гастроли в ознаменование пятилетия Биробиджана. Надо, мол, показать народу наш театр, наши успехи в строительстве новой жизни на земле Биробиджана. С нами поедут представители организации по вербовке и на наглядном примере нашего театра покажут, как растет Биробиджан, каким он стал культурным центром.

Получив «добро» обкома партии и облисполкома и соответствующие документы, я был готов как можно скорее выехать в намеченные города, то есть Иркутск и Новосибирск, для подготовки их к приему нашего театра. До сих пор я ни с кем не делился своими планами. Во-первых, не было уверенности в том, что поездку нам разрешат. Во-вторых, отказ еще больше ухудшил бы настроение коллектива. В-третьих, я мог бы получить кличку хвастуна, который, мол, расхвастался о гастрольной поездке, а сам не смог бы ее организовать. Теперь, когда вопрос был согласован, я решил, прежде всего, переговорить с М.И. Гольдблатом... В фойе театра висело объявление о профсоюзном собрании. Повестка дня: оздоровительная компания, прием в члены профсоюза и текущие дела. Я подумал, что собрание очень кстати. И когда оно подойдет к текущим делам, я преподнесу приятный сюрприз. Собрание проводилось в Красном уголке, который размещался на первом этаже одного из наших жилых домов...

Меня увидели и сообщили, что меня не поставили в известность заранее, так как собрание – неплановое. Получено письмо обкома профсоюза по вопросу путевок на текущий год, и местком решил рассмотреть этот вопрос. Я, конечно, понял, почему такая спешка: каждый хотел поскорее получить путевку и побыстрее уехать из Биробиджана...

Председатель МК зачитывал, какие путевки и на какое время имеются. Все слушали очень внимательно. В это время к дверям Красного уголка подошли два человека из НКВД, которых я знал и которые знали меня хорошо, и попросили меня вызвать Брагинского. Я подумал, что он понадобился им как комендант театра и жилых домов, по какому-то противопожарному или подобному вопросу. А когда он вышел, я посмотрел ему в след и по обращению с ним понял, что это – арест. Ему даже не разрешили зайти домой, хотя жил он напротив Красного уголка. Его посадили в машину и тут же увезли. После выхода Брагинского некоторые товарищи посмотрели в окно и тоже увидели всю эту сцену...

Стало очень тихо. Настроение у всех подавленное, наступила какая-то общая растерянность. Тогда я попросил слово для замечания по вопросам распределения путевок. Я сказал, что только что договорился с руководством обкома и облисполкома о выезде нашего театра во внеочередную гастрольную поездку, посвященную пятилетию Биробиджана, и потому отпуск может быть предоставлен всем работникам театра только после окончания гастрольной поездки. Поэтому я считаю, что наш местком должен поставить вопрос о выделении нам путевок на сроки после гастролей.

Сцена из спектакля БирГОСЕТа.

Мое сообщение было встречено буквально с восторгом: ведь путевки могли получить несколько человек, а на гастроли уезжали все...

Подготовка к гастролям началась самая интенсивная – мы наметили с Гольдблатом репертуар, была заказана реклама, к каждому спектаклю были составлены программки и либретто на русском языке. Надо было обновить оформление спектаклей, костюмы, реквизит, отобрать самое необходимое. Все это делалось в спешке, чтобы я поскорее мог выехать.

Перед моим отъездом как-то собрались опять я, Вайнгауз, Эмма Казакевич и Гольденберг. Все разговоры, естественно, велись о текущих событиях. Вдруг Эмма Казакевич заявляет: «Я уезжаю в Москву. Здесь я больше не могу оставаться. Каждый день ждать, что завтра с тобой может что-то случиться, – невыносимо. У меня все готово к отъезду, а вас я прошу пока о моем предстоящем отъезде никому не говорить». Гольденберг начал его отговаривать:

– Чего ты боишься? Ты же ни в чем не замешан и ничего плохого не сделал.

– А я не верю, что те, которых арестовали, сделали что-то плохое, – ответил Эмма шепотом и с оглядкой...

И Казакевич уехал. Не исключено, что своим отъездом он предвосхитил какие-то события. <...>

Пока шла подготовительная работа к гастролям театра, на нашу голову обрушился еще один удар: арестовали Гольденберга, редактора газеты «Биробиджанер штерн» и лучшего друга Вайнгауза. Здесь я уже испугался за Вайнгауза. За себя, откровенно говоря, я как-то не боялся. Точнее говоря, я, конечно, боялся, но успокаивал себя такими рассуждениями: ну кто я такой? Административный работник театра. Кому, мол, я нужен? Но после ареста Гольдфайна и Гольденберга я понял, что взялись за работников культуры и литературного фронта. Я начал беспокоиться за судьбу Гольдблата и Вайнгауза и других ведущих работников нашего театра.

К счастью, в это время у меня уже все было готово к отъезду и я мог выехать для подготовки наших гастролей. И хотя я надеялся, что скоро смогу вызвать коллектив, меня очень беспокоила мысль, не случится ли что-нибудь за эти дни с ведущими актерами театра. А главное, меня очень беспокоил Вайнгауз. Его нельзя было узнать после ареста Гольденберга. Он очень похудел, побледнел, замолчал. Куда делся живой, всегда веселый Ноткэ Вайнгауз? Мы не только больше не слышали его смех, даже улыбка исчезла с его живого и такого привлекательного лица. Он все время ждал, что вот придут и за ним.

Я не мог уехать из Биробиджана, оставив там Ноткэ в таком состоянии. Потом я опять пошел в обком и заявил, что один я не могу ехать в такую ответственную поездку с театром. Ведь я буду очень занят административными делами театра. Что касается Гольдבלата, то он, говорил я, будет занят спектаклями, репетициями, встречами с работниками искусств. А ведь основная цель нашей поездки – это ознакомить людей с достижениями ЕАО, с ростом ее культуры, успехами и т. д. А так как Вайнгауз является начальником облотдела искусств и к тому же хорошо знает наш театр, пусть он и возглавит нашу поездку. В обкоме посчитали, что я рассуждаю правильно. Решением обкома и облизполкома Вайнгауз был назначен нашим руководителем в этой поездке. Со спокойной совестью я в тот же вечер поехал в Иркутск. Мне хотелось верить, что оставшиеся дни будут спокойными и для Вайнгауза. <...>

Наши гастроли в Иркутске прошли хорошо^[8]. Прежде всего, это была, конечно, заслуга нашего театра. Спектакли наши были действительно хорошими. В них было много песен, танцев. Ведь евреи, как отметил Горький, веселый народ...

В Новосибирске мне было гораздо легче организовать наши гастроли. Во-первых, гарантийный договор с Иркутском сыграл свою, так сказать, показательную роль. Во-вторых, у меня было больше времени, и я мог спокойнее, а значит, увереннее себя вести. В-третьих, дирекция и руководство Новосибирского театра «Красный факел» шли нам навстречу и помогли в организации гастролей. Так что в течение двух дней я оформил с Новосибирским отделом искусств договор на 16 гарантийных спектаклей.

Затем я поехал в Свердловск. У меня было личное письмо от нашего секретаря обкома товарища Кушнера к первому секретарю Свердловского обкома партии, с которым он когда-то вместе занимался в Москве. Он сразу принял меня, пригласил в кабинет, сел рядом и долго расспрашивал о театре, о Биробиджане, о Кушнере. Сказал, что будет очень рад посетить наши спектакли, так как давно уже не был в еврейском театре. Так как наши гастроли в Свердловске должны были начаться месяца через 1,5–2, он мне сказал: «Сейчас вы можете ехать обратно. Приедете через месяц, и мы всё оформим». В тот же день я выехал обратно в Иркутск. Предварительная продажа билетов шла довольно успешно, так что настроение у начальника отдела искусств было хорошее и его отношение к нашему театру улучшилось.

Вскоре приехал коллектив, и мы начали работать. Спектакли проходили с большим успехом, сборы были хорошие, и мы понемногу уже стали забывать наши переживания в Биробиджане. Но вдруг (опять это слово «вдруг») мне в гостиницу приносят телеграмму на имя Вайнгауза с предложением немедленно вернуться в Биробиджан готовить зимний сезон.

Что за черт, думаю, какой сезон должен готовить Вайнгауз? Тут что-то не то... И я скрыл эту телеграмму от Вайнгауза. Дежурного администратора гостиницы я попросил, чтобы телеграммы, адресованные Вайнгаузу, передавались мне. Через несколько дней опять телеграмма на имя Вайнгауза с тем же текстом. В конце телеграммы

приписка «Выезд телеграфируйте». Несмотря на мое предупреждение, эта телеграмма попала к Вайнгаузу. И кроме того, ее содержание узнали все. Люди понимали, что речь идет не о подготовке сезона, а о чем-то другом... Все начали смотреть на Вайнгауза с каким-то сожалением. Говорили только о нем, а стоило ему появиться, как разговоры прекращались. Вайнгауз все это видел и понимал. Я всеми силами старался успокоить его, говорил, что напишу в Биробиджан, что без него сорвутся наши гастроли и попрошу не отзываться его и т. д.

– Нет, – отвечал он, – это ясно, что их заставили отозвать меня, и как только я приеду в Биробиджан, меня тоже арестуют.

Он сразу изменился, осунулся. На нервной почве ему казалось, что у него болят все зубы, и он начал вырывать совершенно здоровые... Но боль не проходила... И Вайнгауз решил ехать. Я всеми силами отговаривал его от этого, говорил, что уехать он всегда успеет, что следует обождать. Так прошло еще два дня. И так как мы не дали телеграфного подтверждения о выезде Вайнгауза, то пришла еще одна телеграмма. Она была уже адресована Вайнгаузу и мне. В ней говорилось примерно следующее: «Если Вайнгауз немедленно не выедет в Биробиджан, то станет вопрос о его партийности». Получив эту телеграмму, Вайнгауз мне сразу заявил:

– Что бы со мной ни случилось, я еду. Вопрос партийности для меня важнее жизни.

И он уехал.

В Биробиджане остались жены некоторых наших музыкантов и актеров, а также главный бухгалтер нашего театра Ольга Ивановна. Так как наши товарищи переписывались с ними, то мы через несколько дней узнали, что, как только Вайнгауз приехал в Биробиджан, его тотчас же арестовали...

С арестом Вайнгауза настроение в театре резко упало. Спокойное настроение, с которым мы жили и работали в последнее время, исчезло. Закончили мы гастроли в Иркутске и переехали в Новосибирск, где уже находился наш администратор. Наладив начало работы в Новосибирске, я опять выехал в Свердловск, чтобы, согласно нашей договоренности с обкомом партии, оформить там наши гастроли. Но за 8–10 дней до моего приезда там были арестованы секретарь обкома, а затем и зав. отделом агитации и пропаганды обкома, т. е. люди, с которыми я вел переговоры. Товарищи, которые их заменили, сказали мне, что они не в курсе дела и не могут сейчас заняться нашим вопросом. Таким образом, необходимо было начинать все сначала. А у меня у самого уже не было ни настроения, ни желания. Я был уверен, что и коллектив будет рад, если мы раньше закончим свою поездку и уедем в отпуск.

Поэтому я уехал из Свердловска со спокойной совестью. И только решил, что приложу все усилия к тому, чтобы продлить наши гастроли в Новосибирске на несколько дней, чтобы лучше подготовиться к отпуску. Это мне удалось. В Новосибирске наш театр тоже прошел с большим успехом. У нас были также творческие встречи с коллективом театра «Красный факел» и с культурной общественностью города...

Здание БирГОСЕТа.

Гастроли были закончены, и весь коллектив разъехался. Моя семья оставалась в Новосибирске, чтобы подождать моего возвращения из Москвы, куда я должен был ненадолго поехать с нашим художественным руководителем М.И. Гольдблатом. Ввиду сложившейся обстановки Гольдблат решил в Биробиджан больше не ехать, а вернуться в Москву. Он имел на это полное право, так как его договор на работу в Биробиджанском театре закончился еще в прошлом году. От меня требовалось не возражать против ухода Моисея Исааковича. Для этого я и должен был поехать с ним в Комитет по делам искусства РСФСР в Москву. Председатель Комитета товарищ Беспалов быстро решил этот вопрос. На должность художественного руководителя нашего театра мы временно выдвинули нашего артиста Гельфанда^[9]. <...>

В Биробиджане я узнал подробности ареста Вайнгауза. Приехал он ночью. Жил он во дворе театра в доме артистов вместе с нашей актрисой Басихес. Они должны были после гастролей официально зарегистрировать свой брак. Проснулся Вайнгауз рано. Он надел белую рубашку-тенниску, белые брюки, тапочки на босую ногу и зашел в ресторан, который был в нашем дворе, позавтракать. Он успел только выпить полстакана чая, как подошла официантка и сказала, что его просят зайти в кабинет директора ресторана.

Как только он переступил порог кабинета, двое работников НКВД, которые там были, предложили ему расплатиться с официанткой и следовать за ними к машине, которая стояла во дворе. Он попросил разрешения зайти домой переодеться, но ему этого не позволили.

Сразу же после приезда в Биробиджан я пошел в обком партии и облисполком с отчетом о нашей гастрольной поездке. Отчет был принят и одобрен. И так как театр остался без директора, этот вопрос тоже обсуждался. На вопрос, как я отношусь к тому, чтобы возглавить театр, я ответил отказом. Я ведь понимал, что на такую должность должен быть назначен член партии, проверенный товарищ. Кроме того, после ухода Гольдבלата у меня сразу отпало желание работать в этом театре. И когда была названа кандидатура директора Парка культуры и отдыха Герцберга^[10], которого я хорошо знал и как работника, и как человека, я сказал, что эта кандидатура вполне подходит. Ввиду того что Герцберг мог приступить к работе в театре только после закрытия Парка, т. е. в конце сентября, то я был назначен и. о. директора до его прихода. <...>

Я воспользовался сложившейся обстановкой, чтобы обосновать свой уход из театра. <...> И вот с 1.VII.1939 года я покинул Биробиджанский театр и вместе с семьей уехал из Еврейской автономной области...

^[1] Вайнгауз Нотэ (Вайнгойз Натан; 1905, Минск – 1941, Минск) – журналист, публицист. В середине 1920–х годов один из руководителей пионерского и комсомольского движений Белоруссии, с 1927 года редактор детского еженедельника «Пионер-векер» (Минск). В середине 1930–х годов председатель радиокомитета ЕАО, директор БирГОСЕТа (1938). Арестован в июле 1938 года. После освобождения в 1940 году уехал в Минск. Один из руководителей подпольного центра в Минском гетто.

^[2] Гольденберг Бузи (1902–1957) – журналист. Редактор «Биробиджанер штерн» (1936–1937). Арестован в 1938 году. После освобождения в 1940 году уехал в Минск. Участник финской кампании и позже войны с Германией, подполковник.

^[3] Казакевич Эммануил Генрихович (1913, Кременчуг – 1962, Москва) – поэт, журналист, переводчик, писатель. Выпускник Харьковского машиностроительного техникума. В Биробиджане с 1931 года, председатель колхоза «Валдгейм» (1932), организатор и первый директор БирГОСЕТа (1933–1934), сотрудник «Биробиджанер штерн» (1935–1938), параллельно заведующий литературной частью БирГОСЕТа. С 1938 года в Москве. Участник войны, лауреат Сталинской премии в области литературы. Автор ряда книг на идише и русском.

^[4] Гетей-Тягло Григорий Савич – начальник отдела искусств ДВК, репрессирован в 1938 году.

^[5] Хавкин Матвей Павлович (1897, Рогачев – около 1966, Москва) – первый секретарь обкома партии ЕАО (1934–1937).

^[6] Фейгин Гирш (Григорий Борисович; 1905, Рига – 1965, Рига) – в 1920–х годах студиец «Культурлиги» в Москве, ученик Евгения Вахтангова.

^[7] Видимо, автор перепутал – БирГОСЕТ выехал на сибирские гастроли летом 1938 года, когда в области широко отмечалось 10–летие начала еврейского переселения в Биробиджан. А пятилетие ЕАО отмечалось в 1939 году.

^[8] БирГОСЕТ выехал на эти гастроли в начале июня 1938 года. Репертуар состоял из спектаклей «Уриэль Акоста» Гуцкова и «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема, а также пьесы Переца Маркиша «Семья Овадис» в постановке московского режиссера Мориса Норвида (1895–?).

^[9] Гельфанд Хаим (Ефим Львович; 1912–1989, Красноярск) – актер, режиссер. Выпускник театрального техникума при МосГОСЕТе, играл в Одесском еврейском театре. С 1934 года в Биробиджане, худ. руководитель театра (1938–1946 и 1948–1949).

^[10] Герцберг Борис – выпускник курсов кинорежиссеров в Москве, в Биробиджане с середины 1930–х годов. Начальник городского парка культуры (1936–1938), директор БирГОСЕТа (1938–1941 и 1949). Участник войны. После ликвидации БирГОСЕТа был директором театра в Комсомольске-на-Амуре.

ПОСЛЕ ХОЛОКОСТА: ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ááí èèë Ðíì áí îáñèèé

Окончание. Начало в № 7, 2008

4. ГЕРМАНИЯ

Первая еврейская община в Германии была воссоздана в Кёльне, пока шла война – в апреле 1945 года, под эгидой американской военной администрации. В Берлине немецкие евреи вновь появились на улицах 9 мая 1945 года – наутро после капитуляции немецкой армии. К лету в германской столице было около 6–7 тыс. «расовых» евреев – большинство из них не были депортированы, потому что состояли в браках с «арийскими» супругами; но около тысячи пережило нацизм на нелегальном положении; возвращались эмигранты-коммунисты из СССР и других стран. Отношение к немецким евреям в послевоенной Германии было боязливо-почтительное: большинство немцев чувствовало свою вину перед еврейскими соотечественниками; многие евреи – вчерашние берлинцы, франкфуртцы, мюнхенцы – явились в свой родной город в американской или британской военной форме; ходили слухи, что союзники благоволят к евреям и что евреи опознают нацистских преступников и сдают их оккупационным властям и т. д. Немецкие евреи восстанавливали германское гражданство, получали вид на жительство, а в советской зоне – еще и удостоверение «жертв фашизма».

Однако в 1946 году собственно немецкие евреи составляли уже лишь малую часть евреев, находившихся в Германии. К этому времени Германия, а особенно американская зона оккупации, стала перевалочным пунктом для восточноевропейских евреев, не желавших оставаться в Польше или СССР и рвавшихся в Страну Израиля или в Америку. В «Бизонии» (зонах американской и британской оккупации) появились лагеря перемещенных лиц, в которых большинство составляли евреи довоенной Польши – как те, кто пережил нацистские рабочие лагеря, так и те, кто пережил войну в СССР и сделал безуспешную попытку вернуться в Польшу и наладить в ней свою жизнь. Поток евреев-беженцев из Польши особенно возрос после погрома в Кельце.

Объектом ненависти рядовых немцев стали именно восточноевропейские евреи, населившие лагеря перемещенных лиц. Они напоминали немцам довоенных «остюден»; немцев раздражало то, что евреи в таких лагерях получали больший паек, чем немцы-горожане; и известно было, что многие евреи в голодной Германии были замешаны в деятельности черного рынка.

В марте 1946 года произошел трагический инцидент в лагере перемещенных лиц в Штутгарте. С целью выявить спекулянтов 200 немецких полицейских с собаками и при оружии в сопровождении нескольких американцев из военной полиции ворвались в лагерь и попытались устроить обыск. Завязалась потасовка, полицейские начали стрелять, и немецкий полицейский убил Шмуэля Данцигера, пережившего Освенцим и Маутхаузен и лишь за день до этого отыскавшего свою жену и детей. Полицейский рейд обнаружил в лагере несколько «нелегальных» кур.

После инцидента в Штутгарте американцы запретили немецким полицейским открывать огонь в лагерях перемещенных лиц. Тем не менее в мае 1946 года инцидент

повторился в лагере Фёренвальд, где немецкий полицейский убил двадцатилетнего еврея, пережившего немецкие рабочие лагеря.

Постепенно, в 1947–1948 годах в Германии росло раздражение и против немецких евреев. Денацификация в «Бизонии» лишила многих довоенных административных работников, адвокатов, судейских, учителей права работать по своей профессии; а евреи-адвокаты и преподаватели не испытывали таких трудностей.

С провозглашением Федеративной Республики Германии прекратился контроль американской военной администрации над немецкими властями, и антисемитизм в какой-то мере «легитимизировался». Полиция стала более жестоко расправляться с евреями-спекулянтами, а заодно и с евреями-демонстрантами. 1948–1949 годы были отмечены ростом антисемитизма. В августе 1949 года либеральная газета «Su..ddeutsche Zeitung» опубликовала четыре письма читателей в ответ на заявление верховного комиссионера США Мак-Клоя о том, что «мерой демократического возрождения Германии будет развитие нового отношения немцев к евреям». Четвертое из писем, подписанное псевдонимом Адольф Бляйбтрой (Bleibtreu – «останься верен»), было абсолютно антисемитским. «Я работаю у американцев, – писал Бляйбтрой, – и многие из них говорили мне, что они готовы простить нам все, кроме одного: что мы не газовали их всех и теперь они свалились на голову Америке». Газета не дала никакого комментария на это письмо, что оставляло впечатление, будто это мнение редакции. В Мюнхене началась демонстрация евреев, большинство из которых были беженцами из Восточной Европы. Против демонстрантов была брошена конная полиция, она нещадно избивала их дубинками. В ответ демонстранты подожгли полицейский автобус^[1].

В дальнейшем евреев Германии ожидали антисемитская кампания и чистка евреев из Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), правящей партии ГДР, в 1951–1952 годах; эпидемии антисемитских граффити и осквернений синагог в ФРГ в 1950–х годах и другие эпизодические проявления антисемитизма.

5. АВСТРИЯ

Московская декларация союзников от 30 октября 1943 года назвала Австрию «первой жертвой гитлеровской агрессии», и австрийцы послевоенной поры уверовали в то, что они жертвы. Было забыто, что в марте 1938 года австрийцы встречали немецкие войска цветами, а не ружейными выстрелами; что из 34 тыс. офицеров СС – граждан Рейха (не считая эсэсовцев – голландцев, бельгийцев, балтов и т. д.) 5 тыс. (14%) были австрийцы, тогда как доля австрийцев в населении Рейха составляла всего 8%, и многое другое. Правительство Австрии и ее народ не чувствовали никакой ответственности за содеянное «немцами».

В первые послевоенные годы в Австрию вернулось около тысячи евреев, переживших нацистские лагеря, и несколько тысяч реэмигрантов. У вернувшихся из лагерей было много проблем, и прежде всего они должны были зарегистрироваться как жертвы нацистских преследований. Оказалось, что новые социал-демократические власти Австрии не рассматривают бывших политзаключенных и евреев на общем основании.

В освобожденной Вене евреи – бывшие лагерники регистрировались в еврейской общине, тогда как лагерники-«арийцы» – в ратуше. Помощь – одежду, продукты и т. п. – неевреи также получали от городских властей, а евреи – от общины, то есть фактически от американской еврейской филантропической организации «Джойнт». Кроме того, городские власти сразу признавали статус политзаключенных и выплачивали им компенсацию, пропорциональную времени их заключения; евреи же должны были привести свидетелей и принести документы, показывающие, когда именно их депортировали из Вены – и это несмотря на то, что на руках у властей были гестаповские списки депортированных. Время между аншлюсом и депортацией не засчитывалось вообще, хотя евреи подвергались преследованиям со стороны режима в течение всего этого периода. Еврейские дела рассматривались долго, компенсация выплачивалась с большой задержкой. Главными признанными жертвами нацистской эпохи, заслуживающими социальной помощи, вскоре стали не евреи, и даже не политзаключенные, а военнопленные, возвращавшиеся из СССР. Пресса писала о евреях, заправляющих черным рынком, смаковала подробности жульничества в сфере компенсаций и реституций. Реституции вообще оказались серьезным камнем преткновения в отношениях между властями и евреями – правительство было недовольно требованиями возврата «ариизованной» собственности; некоторые реституционные дела тянулись до конца 1950-х годов.

Как и в Германии, главным объектом ненависти населения были евреи – перемещенные лица, содержащиеся в лагерях по всей стране. Австрийцы считали, что они заправляют черным рынком и что именно из-за евреев в стране голод.

В августе 1947 года в городке Бад-Ишль в Верхней Австрии распространился слух, что теперь женщинам и детям не будут выдавать свежего молока, а только сухое, потому что все свежее молоко уходит на черный рынок. Утром 20 августа толпа из 300–400 женщин двинулась к ратуше. Вышедший к ним бургомистр сказал, что норма выдачи молока пока сохраняется, а дальнейшее – не в его компетенции. Неудовлетворенная толпа – к ней присоединились и мужчины – двинулась к лагерю перемещенных лиц. Полиция, сопровождавшая толпу, остановила движение на шоссе, чтобы дать пройти разъяренным горожанам. У лагеря пришедшие начали кричать: «Убить евреев!», «Повесить еврейских свиней!» – и кидали камни в окна бараков. Комендант лагеря связался с полицией, городскими властями – но силовые структуры не спешили приходить на помощь. Только в 11 часов они очистили площадь перед лагерем. Линцская еврейская община пожаловалась на действия властей Бад-Ишля американцам. Американцы закрыли лагерь и перевели его обитателей в другое место. Поскольку инициаторами демонстрации оказались коммунисты, то над ними состоялся суд; зачинщики получили большие сроки заключения.

Ожидающие своей очереди для распределения в американский лагерь помощи беженцам в Австрии. 1946 год.

6. НИДЕРЛАНДЫ

В освобожденных Нидерландах не было ничего, сравнимого с погромом в Кельце и даже с беспорядками в Бад-Ишле; но возвращение сюда евреев часто тоже было безрадостным.

Летом 1945 года в Нидерландах было около 27 тыс. евреев. Более половины из них пережило войну на территории страны, большинство – на нелегальном положении. Пять тысяч евреев вернулось из нацистских лагерей.

Освобождение евреев из лагерей на территории самих Нидерландов не было автоматическим. Так, немцы перед отступлением не эвакуировали самый большой в стране пересыльный лагерь для евреев Вестерборк. В нем было оставлено более тысячи человек. 12 апреля 1945 года в Вестерборк вошли канадцы. Они дали уйти 130 евреям; еще оставалось 918 евреев. Оставшимся нидерландские власти устроили тщательные политические проверки; проверялось их подданство, политическая принадлежность (в освобожденных Нидерландах более всего боялись коммунистического путча), а главное – почему немцы оставили их в живых? В иной день комиссия успевала проверить не более 8–10 человек. Обращение с евреями было плохим. Между тем 24 апреля в лагерь начали прибывать новые заключенные, теперь уже бывшие члены НСБ – Нидерландского национал-социалистического движения. Бывшие нацисты и евреи оказались рядом. Последние евреи были отпущены из Вестерборка только в конце лета.

Возвращавшихся из заключения евреев встречали иначе, чем участников Сопротивления, переживших лагерь. Сама королева отвела одно крыло своего дворца для создания в нем оздоровительного центра для бывших подпольщиков. Евреи же, пережившие Холокост, до 1971 года не признавались группой, заслуживавшей каких-либо льгот и помощи.

При возвращении в Нидерланды в самом трудном положении оказались «репатрианты без гражданства». В Нидерландах с довоенных времен оказалось около 20 тыс. евреев-беженцев из Германии, Австрии и других стран. После окончания войны большая их часть хотела вернуться в Нидерланды. Нидерландское правительство объявило о непризнании всех актов нацистских властей, в частности акта лишения беженцев германского или австрийского подданства. Таким образом, еврей-беженцы продолжали рассматриваться нидерландскими властями как немцы или австрийцы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Зимой 1944/1945 годов немецкие евреи в провинции Лимбург были арестованы как «немцы» и вместе с настоящими немцами отправлены в тюрьму в Тилбурге и в лагерь Вюхт. В конце июня 1945 года в Лимбург возвратилось около 100 евреев, переживших Берген-Бельзен. Местные власти конфисковали у них весь багаж, а мужчин поместили в лагерь Вилт, где содержались бывшие члены НСБ и СС. Комендант лагеря Вилт встретил евреев словами: «Во-первых, вы – немцы, во-вторых, – евреи, а то, что я не люблю евреев, вы скоро узнаете на себе». Евреев, недавно освобожденных из нацистского лагеря, послали работать на гравийный карьер. Репатриантам удалось связаться с адвокатом в Амстердаме, который поднял скандал. Военные власти пытались оправдываться, ссылаясь на нехватку места в лагерях перемещенных лиц. Комендант заявил, что евреи в его лагере – никакие не жертвы нацизма, потому что у них много вещей; голландские власти не могли поверить, что вещами бывших берген-бельзенцев снабдили советские власти в транзитном лагере под Лейпцигом. Когда евреям вернули багаж, в нем отсутствовали весь текстиль, табак и еда.

По отношению к «своим», нидерландским, евреям власти приняли принцип равенства – ни в чем не отличать репатриантов-евреев от неевреев. Власти не желали признавать, что евреи были особой жертвой нацистов. Сильной была и тенденция искать среди евреев коллаборантов; например, власти попытались отдать под суд А. Асхера и Д. Коэна, бывших председателей «Йодсе рад» (юденрата) в Амстердаме, переживших Терезин.

Рядовые голландцы были уверены, что во время войны все пострадали одинаково, и не желали слушать рассказы евреев-репатриантов о том, что они пережили. По словам английского историка Б. Мура, истории о конфискованных немцами велосипедах не уживались рядом с историями о массовых убийствах. Рассказы чудом уцелевших евреев о том, что они пережили, наталкивались на равнодушие, непонимание или неверие.

Газеты Сопротивления в своих публикациях приняли по отношению к евреям патерналистский тон, граничивший с антисемитизмом. Статьи, письма читателей обращались к уцелевшим евреям с призывами быть благодарными голландцам, которые их спасли; евреям надлежало быть не слишком заметными, не лезть вперед, быть скромными. Газета «Де патриот» писала в июне 1945 года: «Вновь появившиеся евреи должны благодарить Бога за помощь <оказанную голландцами> и быть скромными. Куда лучшие люди могли погибнуть из-за этой помощи. Все, кого прятали, должны иметь в виду: они в неоплатном долгу за это». Евреи, вернувшиеся в Нидерланды из лагерей, вышедшие из подполья, в ходе самого мелкого конфликта с соседями могли услышать: «вас забыли газовать», «хорошо, что мы избавились от вашего брата» или «зря мы вас спасали».

В целом послевоенные Нидерланды пережили вспышку антисемитских настроений. В газетах, на радио постоянно обсуждался «еврейский вопрос» в стране. Многие участники дискуссии полагали, что необходима процентная норма для евреев в различных сферах деятельности. Некоторые считали, что евреям надо ехать в Палестину. Все сходились в том, что евреи обладают отталкивающими качествами^[21].

7. ФРАНЦИЯ

Во Франции, в сравнении с другими европейскими странами, погибло меньше евреев – из 350 тыс. евреев, застигнутых поражением республики в летней кампании 1940 года, погибло 75 тыс.; остальные пережили немецкую оккупацию и режим Виши. Евреи ожидали, что освобождение Франции снова сделает их полноправными гражданами и что пособники нацистов будут наказаны. Но не все чаяния французских евреев сбылись.

Как бы ни относились простые французы к немецкой оккупации 1940–1944 годов, к евреям они в массе своей относились плохо. Еще в мае 1941 года сторонник де Голля Жан Эскарра доносил в Лондон: из всех внутривластных акций, предпринятых Виши, принятие расистского Статута о евреях наименее подвергается критике. В 1943 году агентура Свободной Франции докладывала в Лондон о настроениях в стране. Прежде всего, французы, даже ярые противники режима Петена, не желали возвращения довоенной «коррупцированной», а для многих – попросту «еврейской» Третьей Республики. Многие считали необходимым после войны ввести некую процентную норму для евреев. Анри Френе, лидер организации сопротивления «Комба», писал, что в одном пункте французы единодушны: после войны «следует держать евреев подальше от позиций влияния (политика, пресса, радио). <...> Генерал <де Голль> не должен быть человеком, возвращающим евреев... Мы должны считаться с настроениями населения, которые существенно изменились за последние два года». Френе, однако, приписывал распространение народного антисемитизма немецкой пропаганде.

8 августа 1944 года, через две недели после вступления войск Сражающейся Франции в Париж, правительство де Голля выпустило декрет о восстановлении довоенного законодательства. Одновременно было заявлено: «Французское правительство не знает особой еврейской проблемы» – что означало, что отмена законов Виши достаточна как мера по реинтеграции евреев. Между тем такая проблема была: евреи, выселенные из своих квартир (25 тыс. семей только в Париже), не могли вернуться домой; ремесленники не могли вернуть себе свои мастерские и приступить к работе и т. п.

Ноябрьские декреты (1944) правительства о реституции еврейской собственности и еврейского жилья и их осуществление породили вспышку антисемитизма. Первой реакцией на декреты было появление в недавно освобожденном Париже брошюры с красноречивым названием «Еврейская опасность». Анонимный автор писал: «Между гитлеровской чумой и еврейской холерой французскому народу нет выбора. Чтобы Франция была свободной, счастливой и цветущей, ее земля не должна носить ни немца, ни предателя, ни еврея»^[3].

В начале 1945 года по Парижу прокатилась эпидемия антисемитских граффити. В Курбевуа были зафиксированы граффити: «Долой войну, долой доносчиков <на бывших коллаборантов>, всем евреям – расстрел». Весной 1945 года прошли антисемитские демонстрации в 3–м, 4–м, 11–м и 20–м округах Парижа. Демонстранты кричали: «Евреев – в крематории». В 4–м округе попытка евреев вернуться в свою довоенную квартиру, откуда уже были выселены неевреи, привела к демонстрации с криками «Франция – французам!» и «Смерть евреям!». Полиция была пассивна до тех пор, пока евреи не решили дать отпор демонстрантам, перегородившим вход в их квартиры, – тогда полицейские вмешались и арестовали семерых евреев; шесть евреев было ранено. В 20–м округе толпа ворвалась в квартиру, куда только что возвратилась женщина – мать троих детей, муж которой еще находился в лагере. Всю ее мебель выкинули во двор и подожгли. Прежний жилец квартиры, незадолго до этого выселенный, был сотрудником пронацистского «Радио-Париж».

Газеты почти не освещали антиеврейские инциденты. Издания бывшего Сопротивления не писали о судьбе евреев во время войны; и даже коммунисты, в чьих подпольных организациях было много евреев, старались это замалчивать. В Тулузе власти запретили еврейскую газету «Ренессанс» как якобы провоцирующую антисемитизм. Когда еврейские организации потребовали расследовать преступления, совершенные при оккупации против евреев, власти, в свою очередь, потребовали, чтобы евреи сами финансировали следствие.

Все рекомендовали евреям быть тихими и скромными в требованиях. Соратник де Голля А. Вейль-Кюриэль иронически суммировал «советы евреям»: «Не афишируй свои права – этим ты заходишь слишком далеко. Не носи своих медалей напоказ – это наглость. <...> Веди себя так, чтобы добрые французы, которые надеялись, что они тебя больше никогда не увидят, забыли, что ты есть».

Парижане рассматривают антисемитский плакат. 13 мая 1948 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Холокост, о котором население Европы к весне 1945 года имело достаточно полное представление, не привел к дискредитации антисемитизма на континенте. Многие европейцы, ненавидя нацистов, одобряли их меры против евреев. Из нацистской кампании против евреев они сделали только один вывод: евреям нельзя возвращать их довоенные гражданские и экономические права; эмансипация была ошибкой. Многим другим европейцам – тем, кто не был антисемитами, – нацистский геноцид евреев казался маловажным, побочным эффектом войны.

Евреи, пережившие войну, перестали удивляться антисемитизму нацистов – что можно было ожидать от гитлеровцев? Но послевоенный антисемитизм их соотечественников повергал евреев в шок; он был неожиданным и необъяснимым рационально. Реакция на эту вспышку ненависти к евреям была двойкой.

Из Польши, Венгрии, Румынии – стран, где до войны было сильное сионистское движение, – тысячи евреев ринулись в Страну Израиль. Их история – это история нелегальной репатриации и новой жизни в Государстве Израиль. Те, кто не мог уехать в Страну Израиль (как евреи СССР) или не хотел уезжать, постепенно приходили к выводу, что им следует «не высываться», «держаться низкий профиль». Сотни евреев во

Франции, Нидерландах, Бельгии, Чехословакии меняли еврейские имена и фамилии на звучащие «нейтрально». Тысячи евреев Польши, переживших оккупацию по «арийским» документам, решили не восстанавливать своей еврейской идентичности и продолжать жить как поляки; то же самое имело место во Франции, Бельгии. В Италии после войны около 5 тыс. евреев не восстановили своего членства в еврейской общине, т. е. перестали быть евреями; лишь одна тысяча выехала в Израиль в 1948–1950 годах.

«Главный вопрос, разделяющий сегодня еврейскую общину, – это не Палестина, а трагический вопрос – надо ли оставаться евреем», – писал в конце 1944 года представитель Керен Кайемет во Франции. Сороковые годы поставили под вопрос само существование евреев в Европе. Понадобилось три десятилетия, чтобы европейцы осознали уникальность Холокоста, а евреи поняли, что они могут жить на континенте как евреи.

^[1] A. Grossmann. *Jews, Germans, and Allies: Close Encounters in Occupied Germany*. Princeton, 2007.

^[2] D. Hondius. *Return: Holocaust Survivors and Dutch Antisemitism*. Westport CT, 2003.

^[3] R. Poznanski. *French Apprehensions, Jewish Expectations: From a Social Imaginary to a Political Practice* // D. Bankier (ed.). *The Jews Are Coming Back: The Return of the Jews to Their Countries of Origin after WWII*. New York; Jerusalem: Yad Vashem, 2005. P. 47.

АВТОРЫ-ЕВРЕИ И ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В ПАРИЖСКОЙ «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССИИ»

Éáíí èä Þ í èäáðä

Í íñýùááòñý í àí ýò è ò áéü ááèñéíáí ò è èááðä-áóèéí èñò à, áéáééí ó è èä

è èçäò áéý Þéíáá Óááðñéíá (1912-1993), ááíóí í áé áó ááí ááò í ðä í á ýò ó ðááí ò á

Среди периодических изданий русского зарубежья межвоенного времени журнал «Иллюстрированная Россия» (1924–1939) по праву считался самым привлекательным и наиболее распространенным.

Своим общепризнанным успехом этот еженедельный литературно-иллюстрированный журнал был обязан прежде всего его основателю, бывшему петербургскому журналисту еврейского происхождения Мирону Петровичу Миронову (1893–1935). Ко времени выхода первого номера «Иллюстрированной России» (в середине мая 1924 года) он был уже достаточно опытным газетным работником: в годы первой мировой войны сотрудничал в столичных «Биржевых ведомостях» и в «Днях», а в 1918–1919 годах редактировал киевскую газету «Наш путь». И все же только вера в свою звезду, подкрепленная первоклассной журнально-редакторской школой, пройденной у таких мастеров своего дела, как В. Дорошевич, М. Горелов и А. Руманов, позволила ему решиться на столь отважный шаг, как открытие собственного журнала в условиях эмиграции. Даже сам Аркадий Вениаминович Руманов – бывший до революции, доверенным лицом крупнейшего издателя России И.Д. Сытина, а в те годы тоже парижанин – с недоумением наблюдал за своим бывшим коллегой и соплеменником. «С каким скептицизмом мы смотрели на первые шаги, на огромную затрату энергии, сил, денег», – вспоминал он спустя три года. И тогда же вынужден был признать: «Вера М.П. Миронова в свое дело победила!»

М.П. Миронов.

С самого начала Миронов избрал для своего журнала внепартийный курс. Вопреки политикам, утверждавшим, что переживаемый момент требует дифференциации эмигрантских масс, разделения на левых и правых, то есть на монархистов и республиканцев, редактор «Иллюстрированной России» видел перед собой лишь один, общий для всех водораздел: большевизм. Разобщенные партийными программами, эмигранты были едины в главном – «в протесте против режима угнетения Нации», о чем

лучше всего свидетельствовал их исход из России советом. «Служить нуждам всей эмиграции, освещая ее жизнь и быт, откликаясь, по возможности полнее, на ее радости и скорби» – таков был девиз Миронова и его редакции.

Большой удачей журнала было и то, что его с первых же шагов поддержали такие крупные писатели-эмигранты, как М. Алданов, К. Бальмонт, И. Бунин, Дон Аминадо, А. Куприн, Н. Тэффи, С. Черный, С. Юшкевич, и др. Их новые произведения украшали первые страницы «Иллюстрированной России», они же входили в круг ближайших друзей журнала и старались помогать Миронову и словом, и делом.

Редакция отдавала себе отчет в невозможности блюсти «культурную чистоту» еженедельника, и об его всеядности (оправданной запросами обывателей, от которых зависели не только тираж, но и жизнеспособность издания) говорят ироничные стихи Саши Черного:

Ñëïáí î á Î íáâî èíâ:áñ

Âñ á æóðí àëá âî í áéääò á

Ááóá èíáí ã ááðáëáá,

Øëÿí éó î íáí óþ äëÿ ò àò è,

Óã èíáí óþ í íáéëó

Á áááñò è ááááóáò ù èè ò ðí á éðí áè,

È í áó: í óþ ñò ðáí è: éó -

«Èáé âî ðà ù è ááþ ò áðí áè»...

Î áú ááò áëú - ÿò í ñëá!

×óò ù çáú è - è ñáçó í á éí è

Î í èçáàò áëÿ í íñáè ò:

Ýò í áâí í á éí ò í áí èáéáé!

.....

Î í çàò î áæáí áááëíí èé

Ðÿáí ñí í áí é è ááðáëááí,

Î á áááñò áñ óá ù ááò

È áðáëí í ò áí ðí úí áéþáíí:

Óí áðÿöáí ùáí çáí í éí é èè ðí,

Òí ècùñéàí í íb í òíçíé -

À í ã òí à à yì è ã ã í ò ñ è í ì

Ècè ðàñò à ò áí è í áí è ñ òíçíé...

Í ã ò ù ðàñò à ò! À í ã ò ù í á í à ò á é

Á í òí ã è à ã è ã ù é í à ì í à ç è ñ -

À à è òí ç ò ã ã í à ò y à ò

Í ñ í á í é ò è ð à ã è í ù é á à ç è ñ

В апреле 1927 года, в приветствии к выходу 100-го номера «Иллюстрированной России», В.А. Маклаков – один из лидеров кадетов, бывший посол России во Франции – писал: «Сотый номер журнала и все растущее число подписчиков показывают, что журнал удовлетворяет какой-то несомненной потребности. Труднее сформулировать, в чем она заключается: удовлетворяется ли она беспартийностью органа, отсутствием политической свары, любовным отношением ко всем проявлениям русской культуры или просто иллюстрациями, которые заменяют нам жизнь, – я решить не берусь...»^[1] Думается, что успех журнала был обеспечен не каким-то отдельным из перечисленных Маклаковым качеств, а именно всей их совокупностью.

Еще одно из приветствий, полученных в дни юбилея, принадлежит журналисту А.А. Яблоновскому: «“Иллюстрированная Россия” выросла из горчичного зерна... Посадил зерно М.П. Миронов, – честь ему и слава, что на чужой земле он вырастил хорошее русское дело»^[2].

В середине 1931 года из-за тяжелой неизлечимой болезни ног Миронов вынужден был покинуть свое любимое детище. Только после ампутации ноги, незадолго до смерти, он вернулся к издательской деятельности, начав выпуск новой еженедельной литературной газеты «Семь дней в иллюстрациях» (Париж, 1934–1936). Похоронен Миронов на кладбище Пантен 27 января 1935 года.

Александр Куприн, сменивший Миронова на редакторском посту, в связи с вынужденным уходом «дорогого собрата, милого Мирона Петровича», писал: «Найти другого такого редактора для “Иллюстрированной России” совершенно немислимо... Вот почему с понятным смущением, с невольным волнением, с чувством большой ответственности я принимаю из рук Мирона Петровича тот редакторский компас, по которому мой энергичный и умелый предшественник в течение многих лет вел верной и твердой рукой корабль своего журнала с гордым вымпелом “Иллюстрированной России”»^[3]. Добавим, что в статье Андрея Седых «Русские евреи в эмигрантской литературе» Миронов назван в числе представителей русско-еврейской интеллигенции, которая внесла весомый вклад в развитие книжно-журнального дела русского зарубежья.

Куприну довелось возглавлять журнал лишь в течение года, так как 62-летнему писателю уже не под силу была напряженная редакционная работа – у него резко ухудшилось состояние здоровья и, главное, – зрение.

Начиная с июля 1932 года и до конца существования журнала (т. е. до середины 1939 года) редакцией и издательством «Иллюстрированной России» заведовал Б.А.

Гордон, бывший владелец газеты «Приазовский край». В конце 1935 года именно Гордону довелось отметить выход 500-го номера журнала и сотой книжки литературных приложений.

Ида Рубинштейн на обложке 49-го номера журнала «Иллюстрированная Россия». 1928 год.

Среди авторов «Иллюстрированной России» было немало евреев – писателей и журналистов. И на протяжении всего 15-летнего существования журнала в нем постоянно освещалась жизнь русско-еврейской диаспоры во всех наиболее ярких и значимых ее проявлениях. Приведем некоторые примеры. Так, в рубрике «Театральная хроника» приводится забавный эпизод из интервью с «божественной Идой» (Рубинштейн) после триумфального турне балерины по Италии. На вопрос, хотела ли она встретиться с Муссолини, Ида ответила: «О нет, он слишком занят! У него пятьдесят свиданий в день. А я не привыкла быть пятьдесят первой...»^[4]

А вот любопытное сообщение из раздела хроники: известные музыканты Яша Хейфец и Леопольд Годовский уезжают в Иерусалим на закладку консерватории рядом с Еврейским университетом на горе Скопус. Сюжеты, связанные с Палестиной, время от времени возникали на страницах «Иллюстрированной России». Таков, например, фотосюжет 1927 года, посвященный землетрясению на Святой земле: на снимке изображены беженцы из Иерусалима, собравшиеся на Оливковой горе. Печально известному еврейскому погрому в Палестине в 1929 году посвящены два фоторепортажа – «Вокруг палестинских событий» и «Эпилог палестинских событий». Промелькнуло сообщение о Палестинской выставке в Лондоне. На снимке профессор Иерусалимского университета Элиэзер Сукеник, демонстрирующий ковер с воспроизведением мозаичного пола древней синагоги.

В июле 1926 года в рекламном разделе еженедельника было помещено объявление о гастролях Московского театра «Габима», в репертуаре которого было несколько замечательных спектаклей: «Диббук», «Вечный жид», «Голем», «Сон Якова» и «Потоп». А через год в журнале можно было прочесть заметку об открытии в Париже Еврейского художественного кабаре. В ней, в частности, объяснялось, что это кабаре организуется по типу знаменитой «Летучей мыши» Н. Балиева и является первой попыткой создания еврейской интимной сцены в Западной Европе. В программе намечался целый ряд инсценировок из еврейской жизни, для которых специально

написана музыка и привлечены лучшие артистические силы. Периодически в Париже устраивались и «еврейские балы». Объявления о них также помещались в «Иллюстрированной России».

Значительное место в публикациях журнала занимали материалы исторического и мемуарного характера. Среди них – серия очерков А. Яблоновского по истории Великой французской революции; воспоминания А. Деренталя о казни Гапона в Озерках; В. Бурцева – о встречах с Азефом; записки бывшего начальника Московской сыскной полиции А.Ф. Кошко «Воспоминания русского Шерлока Хольмса» и аналогичные записки его парижского коллеги Горона «Воспоминания французского Шерлока Хольмса».

Большой культурной акцией «Иллюстрированной России», способствовавшей ее популярности, стало издание литературного приложения. Следуя традициям старых русских журналов, и в первую очередь знаменитой «Нивы» Адольфа Маркса, редакция с 1929 года приступила к выпуску «Библиотеки лучших русских и иностранных писателей» (по 24 книги в год). В «Библиотеку» вошли избранные сочинения И. Бунина, З. Гиппиус, А. Куприна, Д. Мережковского, Н. Тэффи и др.

ЧТО БУДЕТЪ СЪ ПАРИЖЕМЪ...

Рис. МАД-а для «Изв. Росс.»

За отсутствием шоферовъ исчезнутъ таксы, улицы опустѣютъ.

За отсутствиемъ клиентовъ закроются тысячи отелей.

Не будетъ ресторановъ и люди узнаютъ вкусъ голода.

Захватить автомобильная промышленность изъ за отсутствія рабочихъ.

Все это будетъ, конечно, тогда, когда падутъ большевики и русские эмигранты смогутъ вернуться на родину.

Одна из страниц художника MAD'а в «Иллюстрированной России» на тему:

«Что будет с Парижем... если падут большевики и русские эмигранты вернутся на родину».

Немало места выделялось для рекламы издательств, книжных магазинов, переплетных и, конечно же, рецензиям, публиковавшимся в рубрике «Книжная полка». Рядом с аннотацией на книгу М.М. Винавера «Недавнее», в которой автор дает «проникновенно-субъективные и исторически объективные характеристики судебных общественных деятелей предреволюционной России», в этой рубрике была опубликована очень теплая рецензия А.И. Куприна на воспоминания видного российского адвоката М.Л. Гольдштейна «Статьи и речи», выпущенные парижским издательством «Родник». Куприн подчеркнул блеск талантливой адвокатской речи и особый благородный дух книги.

Крупный формат журнала (типа советского «Огонька») был рассчитан на публикацию большого числа изобразительных материалов, а потому все публикации обильно иллюстрировались фотографиями или рисунками. Кроме того, отдельные страницы отводились под специальные фоторепортажи из различных мест русского зарубежья, а также из Советской России. Особые сложности возникали с фотографиями из России, которые «приходилось выискивать всеми путями – подчас трудными и нелегальными». Перечислим для примера ряд советских фотосюжетов: «Забастовки в Москве», «Советские беспризорные», «Октябрины в Советской России», «Чем торгуют в Совдепии (толкучий рынок в Вятке)»...

Как известно, в каждом уважающем себя журнале есть отдел юмора и сатиры. С 1 мая 1925 года такой раздел под названием «Бумеранг» появился и в «Иллюстрированной России» с подзаголовком: «Независимый двухнедельник сатиры и юмора под ред. проф. Фаддея Симеоновича Смяткина». Для знакомства с «именитым» редактором – одним из потомков Козьмы Пруткова – в «Бумеранге» воспроизводится его рисованный портрет и публикуются несколько афоризмов. Вот два из них: «Самое редкое в эмиграции явление: ветеринар, не именующий себя профессором»; «Нетанцующий эмигрант подобен ихтиозавру». (Последний афоризм намекает на всеобщее увлечение танцами и обилие балов в эмигрантских кругах.)

Из надписей на стенах мавзолея Ленина:

Ах, Володя, Володя! Ты один с мозгами был, да и тех при жизни лишился.

Товарищ по партии

Гордись, Ильич... Строили Россию тыщу лет, а ты ее в три года на фу-фу пустил!

Старый лудильщик Звонарев

Постоянным автором журнала от его первого до последнего дня был художник MAD (под этим псевдонимом выступал бывший одесский карикатурист М.А. Дризо). Разнообразные сюжеты, придумываемые им, были на редкость изобретательны как в темах, так и в подписях к ним. Например, «История русской революции в возгласах». Вот как выстроен их ряд: «Долой!», «Браво!», «Вперед!», «Ура!», «Караул!», «Увы!» Или «Советский строй у собак». Весьма выразительно в собачьем обличье показаны основные типы совпартработников, оппозиционера, чекиста, нэпмана, спеца, беженца и др. Популярность MAD'а была необычайной для эмигранта – он сотрудничал в 12

эмигрантских и в 17 французских газетах и журналах. О его признании в литературно-художественных кругах русской диаспоры может свидетельствовать письмо И.А. Бунина от 29 апреля 1929 года в редакцию «Иллюстрированной России», где он, в частности, писал: «...уже давно-давно хочется Вам сказать: какой Вы замечательный талант, какой блеск и какая беспощадная умница, и как я рад, что Вы есть у нас...»⁵

Журнал не ограничивался критикой советской действительности. Со второй половины 1928 года в еженедельнике стали печататься литературные сочинения ряда советских авторов, в чьих произведениях события недавнего прошлого, а также быт и нравы в Советском Союзе выглядели наиболее правдиво и убедительно. В первую очередь это отрывки из романа М. Булгакова «Дни Турбиных» и повести И. Ильфа и Е. Петрова «Светлая личность», рассказы В. Ардова, М. Зощенко, Б. Лавренева, Б. Левина, Н. Погодина, К. Тренева и др. Удачным дополнением к этим сочинениям служили многочисленные рисунки и карикатуры, извлеченные сотрудниками редакции из разного рода советских сатирических журналов. Среди авторов-графиков можно встретить Ю. Ганфа, Б. Ефимова, Кукрыниксов, М. Черемных, В. Лебедева, А. Радакова, К. Ротова и др.

Весьма красноречивы названия актуальных фотосюжетов: «Начало конца (накануне ареста оппозиции)» и «Вчерашние вожди – враги народа». На первом снимке Рыков, Радек, Троцкий и Раковский, на втором – Рыков и Бухарин под конвоем. Последнее фото, ввиду сенсационности, вынесено на обложку 12-го номера журнала за 1938 год.

Конечно, безусловный интерес у читателей вызывали материалы и фотографии, связанные с судьбами эмигрантов, так или иначе завлеченных в сети ГПУ или ставших их жертвами. Сенсационными были, например, разоблачающие материалы В.Л. Бурцева об операции «Трест», о Борисе Савинкове или о методах вербовки сотрудниками ЧК секретных осведомителей. Особое впечатление произвели на русское зарубежье две беспрецедентные акции ГПУ в Париже: похищение в 1930 году председателя «Русского общевойскового союза» генерала А.П. Кутепова и в 1937 году – его преемника, генерал-лейтенанта Е.К. Миллера. Причем в последней акции приняли участие завербованные ГПУ певица Н. Плевицкая и ее муж генерал Скоблин.

Говоря о роли русско-еврейских литераторов в авторском коллективе журнала, подчеркнем, что еврейская тема отнюдь не носила доминирующего характера в этом вполне нейтральном русскоязычном издании и возникала лишь по мере естественного интереса к ней со стороны как читателей, так и самой редакции «Иллюстрированной России», старавшейся следовать, прежде всего, вкусам интеллигентной части своих подписчиков. Здесь, помимо самого М.П. Миронова, следует назвать Сашу Черного (А.М. Гликберга), Семена Юшкевича, Марка Алданова (Ландау), Дона Аминадо (А.П. Шполянского), Андрея Седых (Я.М. Цвибака). Особенно тесно сотрудничал с редакцией Саша Черный. В течение первых трех лет он вел в журнале постоянную рубрику «Страничка для детей», где помещал свои оригинальные рассказы и сказки в стихах и прозе: «Девочка и попугай», «Леший на елке», «Вещи, которые сами ходили» и др.

Семен Юшкевич опубликовал в еженедельнике несколько своих рассказов, а также ироническое самоинтервью «Как живет и работает Семен Юшкевич». Марк Алданов впервые напечатал непубликовавшуюся главу из трилогии «Мыслитель» – «Суворов в Брюнне». Дон Аминадо периодически помещал свои сатирические стихи и поэмы, где наряду с Сашей Черным и Lolo (Л.Г. Мунштейном), остроумно изображал многие трагикомические стороны жизни русского зарубежья и Советской России. Время

от времени Андрей Седых вносил оживление в устоявшийся ритм журнальных материалов. До сих пор с большим интересом читается его необычайно живая и злободневная рубрика «Наши анкеты».

Демьян Бедный. Иллюстрация из советской «Красной Нивы», воспроизведенная в «Иллюстрированной России».

Из ответов на его вопрос: «Когда мы вернемся в Россию?» – наиболее пророчески верным оказалось мнение М.Л. Гольдштейна: «Не знаю, когда и кто вернется в Россию. Думаю, большинство останется на и во французской земле. Несомненно одно: та Россия, которую мы хотели бы увидеть, к нам не вернется раньше, чем через два-три поколения...»

О роли М.Л. Гольдштейна в судьбе журнала следует сказать отдельно. С 21 мая 1926 года материальное обеспечение выпуска еженедельника перешло к специально образованному акционерному обществу, в правление которого вошли проф. барон Б.Э. Нольде (товарищ председателя), М.П. Миронов (директор-распорядитель и гл. редактор), приват-доцент Л.Г. Барац (коммерческий директор) и присяжный поверенный И.В. Дуссан (секретарь). Председателем общества был избран М.Л. Гольдштейн.

Моисей Леонтьевич пользовался заслуженным уважением в литературных кругах русского зарубежья. Мы уже говорили о высокой оценке его воспоминаний Куприным. Добавим цитату из «Дружеского послания» К. Бальмонта:

...Αἰεὶ καὶ οὐδέποτε, ἰὸν αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ

Νῆπιον ἐστὶν αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ,

καὶ οὐδέποτε, - ἐστὶν αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ

Αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ,

καὶ οὐδέποτε αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ,

Ἰδέτε ἐστὶν αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ καὶ οὐδέποτε αἰεὶ.

Немало литературных страниц еженедельника занимала тема ностальгии. Особый резонанс получила новелла С. Юшкевича «Домик сумасшедшего». В

незамысловатом по форме рассказе Юшкевич знакомит нас с двумя земляками из украинского города Николаева, встретившихся случайно на Монмартре в Париже и зашедших в кабачок поболтать за чашкой кофе. Бывший николаевский башмачный торговец Шмиерер, ставший неожиданно парижским антикваром, восклицает:

...Что такое человеческая голова? Домик сумасшедшего, просто домик сумасшедшего, между нами говоря... Сумасшедший в домике бунтует. Где синагога башмачников? Дай ему синагогу башмачников! Здесь тоже есть синагога, но ничего подобного, не тот вкус! В Николаеве я был казначеем, а здесь кто я?.. Вот эту кошку на стойке не обменяют здесь на сотню Шмиереров. В Николаеве же я, кажется, был хозяином всего города.

...Ну вот, например, я умер. Где я буду лежать? Там, в Николаеве, была уже такая почтенная компания: отец, мать, дед, бабушка, родственники, покойный доктор Нахумович и вообще свои люди, понимаете вы меня, а тут с кем я буду лежать? Кто придет ко мне в этом диком городе, у кого тут есть время на кладбище ходить?.. Понимаете вы меня, за кусочек моей улицы я вам отдам весь этот Монмартр, весь Париж.

К сожалению, нам неизвестны тиражи «Иллюстрированной России» в разные годы, но, судя по расширяющейся из года в год географии распространения еженедельника, они были весьма значительны. Так, в начале 30-х годов журнал можно было приобрести в русскоязычных книжных магазинах и библиотеках, а также у частных агентов в Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Дании, Египте, Китае, Латвии, Персии, Румынии и Чехословакии, на Дальнем Востоке.

Завершая рассказ об одном из самых популярных журналов русского зарубежья, хочется еще раз подчеркнуть универсальный диапазон интересов «Иллюстрированной России», позволивший ей стать своего рода зеркалом эмигрантской жизни 20–30-х годов, своеобразной иллюстрированной энциклопедией жизни русской диаспоры. При этом не следует забывать о плодотворном вкладе в это издание русско-еврейской интеллигенции, способствовавшей не только сохранению, но и развитию подлинной российской культуры.

^[1] Иллюстрированная Россия. 1927. № 15 (100). С. 4.

^[2] Там же. С. 3.

^[3] Там же. 1931. № 30. С. 1.

^[4] Там же. 1926. № 19. С. 22.

ОЛИМПИЙСКОЕ СПОКОЙСТВИЕ

Ἐπί τῃ Διάσει οἰανέε

«Наука и нравственность» – статьи с такими постно-правильными названиями были в ходу при советской власти. Мол, где наука – там уж и нравственность, а как же... «Гений и злодейство» – все знают.

Недавно мне представился любопытный случай экспериментально проверить – так ли это. Выражаясь более строго: как обстоит дело у ученых высшего класса с такими понятиями, как конформизм/нонконформизм, чувство личного (и профессионального) достоинства, порядочность, политическая ответственность и т. д.

30 января 1933 года президент Германии назначил Гитлера рейхсканцлером.

К этому счастливому моменту немецкая наука по праву считалась сильнейшей в мире – например, в Германии было 18 нобелевских лауреатов, больше, чем в любой другой стране. И каких! Эйнштейн, Планк, Гейзенберг – не хватает превосходных степеней, чтобы описать вклад каждого из этих безусловных гениев в умственную историю человечества. Сейчас в мире нет ни единого ученого, хотя бы отдаленно сравнимого с ними.

Как положено, лучшие ученые Германии входили в Прусскую академию наук в Берлине. В начале 1933 года 124 члена (действительных, почетных, члена-корреспондента) Академии жили и работали в Германии.

«Возрождение германского духа» для них началось с того, что 28 марта из членов Академии был как «предатель» исключен Эйнштейн! Он тогда находился в США.

К сожалению, я не знаю подробностей этого заседания. Но несколько вещей очевидны. Во-первых, все, конечно, знали, что Эйнштейн – создатель современной физики. Во-вторых, среди членов Академии (все они были избраны до прихода Гитлера к власти) было ничтожно мало членов нацистской партии. В-третьих, надо сказать, что едва ли немецкие ученые боялись физических репрессий, если бы они отказались выполнить требование «фюрера». Тем не менее, очевидно, большинство проголосовало за исключение Эйнштейна.

Немецкие ученые вели себя по-разному. Академик Бибербак величал Эйнштейна «иностранным шарлатаном», нобелевский лауреат Ленард создавал «арийскую физику» в противоположность «дегенеративной еврейской физике». (В 1945–1946 годах те же академики исключили из своей среды уже Ленарда и Бибербака.) Макс Планк – академик-секретарь отделения физико-математических наук Академии – пытался убедить Гитлера в безумии преследования еврейских ученых. Великий математик Гильберт сказал нацистскому министру, что с изгнанием ученых евреев немецкая математика «больше не существует». Нобелевский лауреат М. фон Лауэ публично сравнивал преследования Эйнштейна с гонениями инквизиции на Галилея и говорил, что публичное сожжение книг – «позор Германии». Причем Лауэ не отправили в концлагерь, даже с работы не сняли. Но и сам он при этом не уехал из Германии, не вышел из состава опозоренной Академии.

Впрочем, о чем я!

Из состава прусской Академии не вышел в знак протеста ни один ученый-немец. Гораздо интереснее, что из состава Академии не вышел в знак протеста ни один ученый-еврей, в том числе те, кто эмигрировал из Германии, – все они смиренно дожидались, когда их исключат. Из состава Академии не вышел ни один иностранный член – хотя все они отлично знали, что творят в Германии с их коллегами, знали и об общей политике Третьего рейха. А ведь среди иностранных членов Прусской академии были такие ученые, как Нильс Бор (кстати, сам полуеврей), Д.Д. Томсон и другие, известные помимо прочего как высоко порядочные люди (среди них и великий гуманист А. Швейцер). Не вышли они из Академии даже после «Хрустальной ночи» и исключения всех ученых-евреев. Кстати, тогда в знак протеста из Академии вышел лишь один иностранный член-корреспондент – А.Ф. Иоффе. И хотя это, конечно, был искренний жест, но, боюсь, он был, как минимум, «согласован» с ЦК ВКП (б), помимо которого, понятно, ни одно политическое движение гражданина СССР в 1938 году было невозможно.

Кстати, об СССР.

Ни процессы 1937 года, ни пакт с Гитлером, ни захват Прибалтики, ни – уже после войны – антисемитская кампания, включая «дело врачей», ни вообще ВСЯ политика Сталина не помешали тем же Эйнштейну, Бору, Ферми, Дираку и другим оставаться иностранными членами АН СССР! Не вышел в знак протеста НИКТО. Больше того. После безумной «сессии ВАСХНИЛ» 1948 года, на которой была предана анафеме генетика, из состава АН СССР вышел иностранный член, знаменитый генетик Г. Меллер, объявленный на этой сессии «шарлатаном», «лжеученым». И опять – НИ ОДИН из коллег не последовал его примеру...

В чем секрет этого академического спокойствия? Кто знает?

ОГНЕННАЯ ОПЛЕУХА

Ī ʿōāēē Āḡāēēē

Продолжение диалога, начатого в книге «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем».

– Похоже, неизвестно ни одного случая, когда ангелы, вступая в контакт с людьми, действовали бы по собственной инициативе?

– Об одном прецеденте могу упомянуть. Йехезкель рассказывает об ангеле, бросающем горящие угли на Иерусалим.

– Ангел? У меня в памяти осталось, что речь идет о человеке. Если только мы говорим об одном и том же эпизоде.

– Ангелы бестелесны, не имеют формы, но предстают перед человеком, трансформировавшись, – чтобы их можно было воспринять нашими органами чувств. В терминах каббалы в таких случаях говорят о «сосудах» или об облачении в «одеяния». Это с одной стороны. С другой стороны, пророки, описывающие свой мистический опыт, и Йехезкель в частности, вынуждены решать проблему перевода нематериального на язык материального, совершенно не приспособленного для описаний такого рода, поэтому их отчет не следует понимать слишком буквально: это не более чем аналогия, не более чем ассоциативный образ.

В эпизоде, о котором мы говорим, действительно появляется некто, названный человеком в льняной одежде, но из контекста все-таки с очевидностью следует, что это не человеческое существо. Действие разворачивается в мистическом пространстве у престола Всевышнего, среди херувимов^[1].

Пребывание человека в такой ситуации затруднительно.

– Да, но Йехезкель ее видит, ее описывает, следовательно, в каком-то смысле в ней присутствует.

– Присутствует. Короткое время. Как существо из иного мира. А человек в льняной одежде определенно местный. И он субъект действия, в то время как Йехезкель – созерцатель. Горящие угли должны быть брошены на город из того мира в наш как бы с небес: сверху вниз. Комментаторы сходятся на том, что это был ангел. И даже имя называют: Гавриэль.

– И какую же инициативу он проявил? Ему было сказано: возьми и брось – он взял и бросил.

– Пожалел Иерусалим, хотя и не мог не выполнить поручения. Так он, прежде чем бросить угли, попридержал их в руках, чтобы они хотя бы малость поостыли и действие их было не столь сокрушительно.

– Я этого совершенно не помню.

– Это не в Библии – это в Талмуде.

– И чем дело кончилось?

– Иерусалиму это не помогло, но Гавриэль заработал за своеволие огненную оплеуху^[2].

– Я всегда знал, что инициатива наказуема, но не предполагал, что это распространяется и на ангелов. Но все-таки сочувствие здесь налицо – вы же сами говорите: пожалел город.

– Гавриэль – ангел особенный, в его функции входит контроль, а для контроля необходимо определенное понимание, он его и продемонстрировал. Этим Гавриэль кардинально отличается от прочих ангелов, но здесь он вышел за границы своих полномочий, за что и пострадал. В любом случае этот эпизод исключителен.

– Инициатива ангела была весьма умеренной, кроме того, он проявил милосердие. В сущности, за милосердие пострадал.

– Вот представьте себе, человек идет в банк, просит ссуду. Действующие инструкции этого не позволяют. Человек просит: у него тяжелые обстоятельства, деньги остро необходимы, ну, скажем, на лечение жены. Он говорит: поймите, отказ нас погубит. Вникнет банковский клерк в его обстоятельства? Даст ему ссуду? Он может быть сколь угодно милосердным, но ведь деньги принадлежат не ему, он к ним только приставлен. Дав ссуду, он нарушит инструкцию. А нарушит инструкцию – получит оплеуху.

– В прошлый раз, когда мы говорили об ангелах, вы привели комментарий, из которого следует, что у ангелов нет постоянного имени, что имя их меняется в зависимости от функции, которую они в данный момент выполняют, что по существу это имя функции. А тут вы определенно говорите: Гавриэль. Известно еще несколько зарезервированных имен: Михаэль, например.

– Тут нет никакого противоречия. Духовные миры уж никак не менее разнообразны, чем тот мир, в котором мы живем. Есть разные классы ангелов. Есть ангелы с постоянными функциями, имеющие постоянные имена, есть ангелы, выполняющие последовательно разные функции – у них нет фиксированного имени. Есть ангелы, созданные в начале времен (к ним относится и Гавриэль), есть такие, которые создаются непрерывно и во множестве.

– Как это понимать?

– Каждый наш поступок, слово, мысль, переживание порождают духовное существо, которое начинает вести самостоятельную, независимую от нас жизнь, вступает во взаимодействие с другими духовными существами, с самим человеком.

– Так за всю жизнь много чего понаделано, я уж не говорю про наговорено и мысленно напредставлено – мысль и воображение, они ведь границ не знают, летают, где хотят, контролю поддаются слабо, а порой так и вовсе не поддаются. Иной раз такое в голову придет.

– Ну так все это не исчезает бесследно. После смерти человека окружают порожденные им ангелы.

– Порожденные злобой – все равно ангелы?

– Ангелы зла. Что вас смущает? На самом деле они окружают человека и при жизни, но если при жизни он может не замечать всю эту компанию и направленного на него действия, то после смерти ощущает их в полной мере – и восхищаясь, и ужасаясь. Одни поднимают его вверх, другие опускают вниз. Возникает ситуация ада, но только ада, создаваемого самим человеком на протяжении всей его жизни. Каждый проходит через свой ад, со своей длительностью, характером и интенсивностью страданий. Пока не освободится от зла, которое сам впустил в мир.

[\[1\]](#) См.: Йехезкель, 9:11, 10:2.

[\[2\]](#) См.: Йома, 77а.

КОРОЛЬ И НАХЛЕБНИКИ

Ἰ ἀδέαι Ἐἰδαέεῖα

Лето. Станция Радищево. Электричка уносится с воем в будущее. Будущее без меня, как на полотнах Георгия Нисского. Мне же – сначала подмосковным леском до дачи Марлена Кораллова, затем – кругами его майкудукского прошлого... А там глядишь, и снова «новые времена», новая страна, в которой до сих пор нет общенационального мемориала жертвам государственного террора.

Медовый, пряный запах, затопляющий многоочитую подмосковную веранду, доводит до дверей импровизированного кабинета моего будущего собеседника.

Хозяин встречает радушно. Тем не менее долго топчемся на пороге беседы: Кораллову предстоит путешествие в стылое прошлое.

ГУЛАГ, ГУЛАГ!..

Он еще не уверен в том, что из-за меня это путешествие стоит предпринять.

Я знаю, что не обо всем можно говорить и уж тем более писать. Но знание мое впрямь никогда не шло. Другое дело Марлен Кораллов. Оно и понятно – выучка лагерная. Я то и дело включаю-выключаю диктофон. И не потому, что Марлен Михайлович просит это делать: сам чувствую, о чем можно и о чем «лучше не надо».

«Лучше не надо» сегодня и – возможно, завтра тоже. Потому что взгляд из сегодня не то что мунковский крик из вчера.

ГУЛАГ и еврейский вопрос. И снова буксуем: «Так про это же горы написано!» Горы Марлена Михайловича меня не убеждают. Мне нужен его рассказ. Рассказ очевидца.

Кораллов вспоминает... Молодежь, старики...

Кстати, о стариках. Узнав о том, что рассказ о Короле зафиксирован письменно и проходит по ведомству «старых рукописей», начинаю новую атаку на автора. Марлен Михайлович сдается, находит и передает мне «старую рукопись», с единственной просьбой – подчеркнуть во вступлении, что отрывок дан в дополнение к его дачному интервью в рубрике «4x4». Что я и делаю.

Àóáí àñéé Ì àí ááíá

Возвращаясь с каменного карьера, бригада доволокла ноги. Когда те, кто мог и чем мог, ублажили себя казенной баландой и куском посылочной жратвы, наступила минута хлеба духовного.

– Что нового в зоне?

Интересный случай... Очередной этап еще имел в запасе карантинное время: закон отпускал десяток «проверочных» дней. Но разве Зотов вытерпит наше безделье? Настырный начальник производственной части не зря жует черный хлеб с белым маслом. Умеет придумать каждому особое сверхзадание. Однако некий фраер из нового этапа уперся. И опять москвич. С гордой фамилией Король. Зотову доложили. Он зашелся от гнева. «Сюда его, ко мне! Нарядчик, бегом!» Привели.

– Мне здесь королей не нужно. Я вам, нахлебникам, покажу, как объедать советскую власть! Нарядчик! К вечеру доложишь, сколько он наработает, король хренов...

Старый хрен, однако, не сник, не дрогнул.

– Я на твою власть столько наработал, что вся твоя контора не выпердит.

Повернулся и вышел. Зотов онемел. Что за король?

В тот вечер москвича в кандей не отвели. Прохлаждался в бараке. Назавтра и еще через день, когда бригада возвращалась в зону, я спрашивал:

– Посадили?

Зотов, начальник режима и другие пока терпели! Нерядовой случай. Заглянул я в этапный барак. Произошло случайное, на ходу, знакомство. Без лишних слов.

Теперь обошелся бы тоже без лишних слов.

Не берусь подсчитывать, сколько встреч-разговоров состоялось с Королем в Майкудуке. Михаил Давыдович пробыл у нас недолго. Зачисленный в инвалидную бригаду, он вместе с нею отправлен был в Спасский специнвалидный лагерь.

Вряд ли когда-нибудь подсчитаю, сколько раз повидался в Москве. Встречи по торжественным случаям, когда тосты исключают беседу, можно не принимать во внимание. Главная встреча состоялась через сорок лет после смерти Михаила Давыдовича – в 1999-м. Типография Россельхозакадемии отпечатала книгу «Одиссея разведчика. Польша – США – Китай – ГУЛАГ».

Заголовок книги подсказан издателем, который желал, но не сумел выпустить «Одиссею». И ему и другим издателям подложил тяжелого свинтуса дефолт 1998 года. Заголовок явно рассчитан на интерес к литературе детективной, шпионской. Но ставка на ширпотреб не помогла: тираж в пятьсот экземпляров раскупался медленно. Книжные магазины решительно отвергали книги в мягких переплетах. Привлекали твердые, на которых стоят имена громкие, желательные – скандальные. Королей не надо...

А мне надо.

Кланяюсь в ноги дочери Короля, Майе Михайловне, год за годом одолевавшей неожиданные, без счета преграды. Спасибо родичам ее, друзьям, каждому, кто помогал.

Известный психиатр, автор серьезных публикаций по своей медицинской линии, Майя Михайловна безупречно исполняла долг перед отцом – при жизни его и после кончины. Сражалась за него с топтавшим ээка правосудием. Месяц за месяцем тащилась за сто верст из Москвы выстаивать в очереди и сдавать на почту посылки. Отправлять из Москвы? Запрещено. Нельзя оскорблять столицу. Пусть верит, что нет у нас лагерей.

С той поры, как «Одиссея» у меня дома, на книжной полке, мне не грозит разлука с Королем. «Одиссея» – не Библия. Ее незачем открывать ежедневно. Но мне важно знать и чувствовать: мы рядом.

В «Одиссее» собраны документы, письма, дневниковые наброски, комментарии, воспоминания, семейные фотографии. В нее включены и мои странички. Трудно сказать, что в книге самое важное. Начну с анкеты автора, родословной. Позволю себе вековой разбег.

Киев. 1910 год.

Екатерина Великая не спрашивала предков Короля: «Хотите жить в моей империи, под моей властью или оставаться подданными Польши? Тогда резать ее на куски не буду. Суворову прикажу Варшаву не брать».

При Александре I семилетнего прапрадеда Короля украли «хапуны», отправили в аракчеевское поселение. Некий остроумец дал ему там гордую фамилию – Король. И в придачу – четвертак. Солдатский срок. Кантонист срок отслужил. В награду получил десять десятин щедрой земли. «Навечно». Кантонист, однако же, продал их и в местечке под Киевом построил кузню. Народив кучу детей, прожил больше ста лет.

Окраина Киева под названием Шулявка славилась бандюгами и ворьем. В ней провел счастливое детство Мишка Король. Не знаю, откуда взялись в семье и как укоренились духовные запросы: очевидно, были сильны. На последние деньги отец отправился хоронить Льва Толстого.

С 1912-го Михаил Король – солдат пехотного Гренадерского полка. Москва, казарма в Хамовниках. Конец срока уже приблизился, но грохнул 1914-й. Окопы. Тяжкое ранение. Георгиевский кавалер. Спасительница медсестра. 1917-й.

Георгиевский кавалер. 1916 год.

Антисемитизм на Украине зверский. Но Октябрь должен с ним покончить. Красная Армия, работа в военной прессе, знакомство с Яном Берзиным. Доверие... В двадцатых заброшен в Польшу создавать «Красное подполье». Арест. Побег.

В тридцатых снова военная пресса. «Красная Звезда», киношник, редактировавший сценарий «Чапаева», в кругу друзей – вдова Фурманова. С 1934 года вновь кадровый разведчик. Обучали манерам, языкам, танцам. Не уверен, что хорошо. Однажды за океаном постоялец дорогого отеля вызывает горничную. Просит носки заштопать.

Горничная в трансе:

- Ручная работа стоит дорого!
- Что же делать?
- Выкинуть старые, надеть новые...

Раз богатый шпион не сгорел через неделю, значит, на всех широтах его выручали смекалка, талант, обаяние. Без них горел бы в Нью-Йорке, Бельгии, Канаде, Китае, дважды не встречался бы в Японии с Рихардом Зорге...

Прогорать Король начал в родной России. Расстреляли Яна Берзина. Сталину понадобился Ежов, чтобы свести под корень военную, инженерную, партийную гвардию. Первоклассную, овладевшую мастерством военную разведку. Арест Короля санкционировал Кобулов, входивший в ближний круг Лаврентия Берии. Расстрелян был Кобулов вслед за шефом.

М. Король в Лефортовской тюрьме. 1944 год.

Перешагну через пропасть, через эпоху.

Дело Короля Москва нашла теперь возможность пересмотреть. Из Главной военной прокуратуры дочь получила документ, сообщавший, что отец ее подлежит освобождению. Судимость с него снята. Верховный суд СССР подтвердил реабилитацию. Дальше в лес... Партколлегия при МК КПСС восстановила Короля в партии. Главное управление кадров Минобороны восстановило в звании бригадного комиссара. Оправданный получил персональную пенсию... Чего же боле?

А вот прокурор Северо-Казахстанской области решил добить Короля. Не исполнил решения Москвы. Игнорировал постановления Генеральной прокуратуры.

Привожу строки из заявления в Генпрокуратуру, под которым стоит непостижимая дата: 9 сентября 1959 года.

«Целью Жигалова было умертвить меня. Он боялся, что если я выйду на волю, то разоблачу его, и поэтому старался меня уничтожить... На его совести много подлых убийств.

Прошу вызвать меня для дачи показаний».

Освобождение затянулось до конца пятидесятых. Догадок по поводу единоборства прокурора, безусловно враждебного курсу Москвы, и дожившего до оправдания ээка слишком много. Но навязывать комментарий не хочу. Распутывая клубок «королевской» жизни в пятидесятых, попытаюсь развязать несколько узелков на нитке национальной.

В конце «Одиссеи», в небольшой главке «Народ-изгнанник», собраны наброски, обобщающие пережитое с детства, увиденное в разных частях света, передуманное на закате.

«...Если мы взывали к классовой ненависти, то Гитлер – к национальной и расовой. Успех имел не меньший, чем мы... Ненависть, вышедшая из зависти, очень прочна... “Верь, настанет пора и погибнет Ваал и вернется на землю любовь”. Бедный Надсон! – замечает Михаил Король. – Искатель любви ошибся. Никогда любовь не царствовала». (Горький вывод датирован ноябрем 1958 года.)

...Малый народ вынужден подчиняться большому. Еврей обязан быть русским, французом, немцем, но быть им до конца не в силах. Русский второго сорта.

Еврей-революционеры были равны русским, так как делали русскую революцию. Самое невыносимое – это отношение революции к евреям. Не контрреволюция, а именно революция нас отвергла. Потребовала отказа от нашей особенности. Если социализм совмещается с антисемитизмом, то выхода нет. Последняя карта бита. Земной шар не родина для евреев. Во все эпохи, при всех режимах еврей – чужак.

М. Король с супругой и старшей дочерью Брушей. Польша, 1921 год.

Попытка Израиля тоже висит на ниточке.

Невозможно спрятаться, раствориться среди других народов. В потомках маранов в Испании до сих пор видят выходцев из евреев. В лучшие времена евреев жалели и защищали как слабых, но чаще грабили, убивали. И делал это народ, а не только правители.

Осенне-зимний, отчаявшийся Король представляет себе, как на улицах Москвы появляются люди с плакатами: «Бей жидов, спасай социализм!»

«Какой тяжелый итог!»

Когда мы сделали свою историческую ошибку? Откуда она – наша исключительность? Нам не дают умереть, не дают жить...

В отклике на смерть Эйнштейна Король ведет речь о Левитане и Антокольском, о Спинозе и Марксе, Эренбурге и Еврейском антифашистском – ЕАКе. Почему, говоря о Павлове и Сеченове, непременно подчеркивают, что это великие русские ученые, тогда как Эйнштейн оказывается вненациональным?

Так к чему же в итоге пришел Михаил Давыдович? Бывшего солдата Гренадерского полка, Георгиевского кавалера, офицера-гэрэушника в последователи графа Толстого никак не зачислишь. Склонности подставлять левую щеку, когда бьют по правой – или наоборот, – Король до последних дней не испытывал. Так же как жажды мести. Библейскому правилу «око за око» не следовал. Заявление о прокуроре Жигалове написано потому, что уступать преступному произволу и беззаконию, на взгляд Михаила

Давыдовича, означало тоже совершать преступление, поощрять беззаконие. Заявление продиктовано чувством собственного достоинства. Его писал Король, а не раб.

Духовным стержнем или духовной драмой, а верней, и стержнем и драмой стала под занавес проблема национальности. Не философско-историческая вообще, а конкретно – проблема еврейства.

Каждый день преподносил доказательства, что в ненависти национальной ищут убежища бедняки, доведенные до голодухи, богачи, прорвавшиеся к власти, – желтые, черные, белые. Виноват чужак. Виноват слабак. Всегда и всюду повинен еврей, имевший наглость не поддаться Древнему Египту, средневековой Испании, а ближе к XIX веку – просвещенным державам, обновленным континентам. Вроде бы готовый на них работать, умеющий приспособиться, еврей сохранял свою обособленность. В чем же дело?

Рожденный в России предвоенной, предреволюционной, кризисной, Михаил Король проникся верой, что выход из тупика возможен только на магистрали интернациональной. Разведчик, реальный политик, не склонный к мечтаньям утопическим, Король, видимо, отгонял от себя надежды, что еврейство отыщет выход из тупика, забившись на пятачок Сиона.

М. Король. Китай, 1937 год.

Повторю: в главе «Народ-изгнанник» замечено, что попытка Израиля висит на ниточке. Королю не дано было избавиться от сомнений: «Сможет ли Израиль удержаться»? Предсмертные заметки в «Одиссее» убеждают, что Короля целиком поглощало желание понимать. Не мстить, не добиться реванша, благополучия, карьерного роста. Главное – понимать.

Повторю: он исключал возможность ассимиляции. Да, позволено быть самыми католическими из католиков, и все равно – суждено остаться евреями. Если бы ассимиляция была выходом, ее бы следовало приветствовать. Но даже перелет на другую планету – никакой выход. Там повторится ситуация, возникшая на Земле. Мы на Земле – «без прописки». Без собственного надела и дома. В гостях. Лишь на правах допущенных.

В отличие от множества возвращенцев ГУЛАГа, Михаил Король честно, трезво, горько самокритичен. Он способен благословить арест – за принесенное им

очищение. Он замечает, что очки, которые когда-то напялил на себя, были чисто политическими. Темными. Что в людях видел лишь воплощение идей, исполнителей воли эпохи: лошадям надевают шоры, чтобы глядели вперед, а не по бокам. Вспоминает реплику профессора Хиггинса из «Пигмалиона» Бернарда Шоу:

– Разве мы знаем, что делаем? Если бы понимали, разве бы это делали?

Вот и приехал «не туда, куда хотел». Я в долговой тюрьме, как банкрот. Выдал векселя и прогорел. «Тюрьма заслужена».

Ящик документов, черновиков Майя Михайловна сдала в архив «Мемориала». Большую подборку – в фонд Солженицына. Делать выписки из наследия можно до весны. Ограничусь еще немногими строками.

Михаил Король пишет, что внуки его – Саша и Сережа могут быть коммунистами, буддистами, православными, католиками. «Я буду их любить и уважать. Выбирать свой путь – дело их совести. Но если они скажут, что дед их был турком или молдаванином, чтобы скрыть свое еврейское лицо, я не буду считать их своими внуками».

Майя Король. 1943 год.

Завещанием Михаила Давыдовича можно назвать письмо с просьбой отослать после смерти. В ЦК КПСС. Дата наброска исторически знаменательна – 7 ноября 1959 года. Начинается строками: «Колумб искал Индию, а нашел Америку. Наши Колумбы, создавшие лагеря...» Через абзац идут строки из вступления Данте к «Божественной комедии»: «Я увожу к отверженным селеньям, я увожу туда, где вечный стон, я увожу к погибшим поколениям...»

В наброске речь идет и о вкладе в лагерную систему, сделанном Ягодой, Ежовым, Берией. Последний разбил страну на зоны: «подконвойную, расконвойную, бесконвойную...»

Вовсе не каждая строка в наброске воспринимается как откровение. Но есть строки, подтвержденные полностью, пророческие – о двоедушии, неправде... «Никакое государство не может существовать на таких основаниях. Оно распадается».

Скончался Михаил Король 1 декабря 1959 года.

ЛИЛИЯ КАРАСЬ-ЧИЧИБАБИНА: ЗОЛОТАЯ И ГОРЬКАЯ ГРУСТЬ МЕЧТАТЕЛЯ

Λιλιὰ Καρὰς-Τσιτσιβαβίνα

Борис Чичибабин – русский поэт, в чьем творчестве никогда не смолкала еврейская тема. В двадцать три он впервые написал: «Я б хотел быть сыном матери-еврейки», а спустя три десятилетия пришел к трагическому обобщению: «Кто в наши дни мечтатель и философ, тот иудей». В середине 60-х вошедший в конфликт с «позорным веком», Чичибабин был близок к самоубийству. Кризис помогла преодолеть любовь к женщине по имени Лиля Карась. С тех пор Борис и Лиля не разлучались...

Лиля Карась-Чичибабина и Борис Чичибабин. 1968 год.

– Лиля Семеновна, вы – главный адресат любовной лирики Бориса Чичибабина и в то же время его самоотверженный друг, единомышленник. Откуда брались силы для этого служения? Хотелось бы начать с истоков, образов вашего детства.

– Я родилась в Харькове 1 января 1938 года, так что самые ранние из воспоминаний связаны с эвакуацией. Мы уезжали в одном из последних эшелонов, поезд бомбили. В дороге мама упала с высокой полки, а я заболела скарлатиной. Наконец добрались до поселка Чекист в Томской области, где нас поселили в бывшей казарме. И вот яркое воспоминание: бабушка, мамин отец, молится, накрывшись простыней (ничего

более подходящего в доме нет). Он был набожным, книжным человеком: молился утром и вечером, читал Тору и привез в Сибирь несколько потрясающе красивых книг на идише в кожаном переплете. Мама, младшая дочь, старалась ради него соблюдать все праздники, сама пекла мацу... В эвакуацию поехали не все члены нашей большой семьи. Тетя Соня с мужем остались в Днепрпетровске – было трудно поверить, что немцы, культурная европейская нация, способны на такие зверства, – и погибли, как все евреи.

– Каким вам запомнился отец?

– Мой отец, Семен Иосифович, работал бухгалтером в Отделе трудовых колоний. Работа была тяжелой и безрадостной. Возвращаясь, он часто говорил маме: «гонофы» – воры. Он был по-настоящему честным человеком. Бухгалтером отец стал после революции, когда лишился семейного дела – бумажной фабрики в Кременчуге. Думаю, фабрику национализировали. Вижу его высоким, грустным, немного светлевшим, когда я читала стихи. Как он мог быть бухгалтером, да еще в то время – не знаю. Я всю жизнь в цифрах как в лесу: даже «профсоюзные» не могла посчитать. Два было у меня слабых места: марксизм-ленинизм и это... Папа умер в 1952 году, мы жили уже в самом Томске. Мне было четырнадцать, а сестре Ане – восемнадцать. Ночью бушевала гроза, молнии освещали папино лицо – так ярко и страшно! Тогда все закончилось: детство, защищенность – я и белила сама, и стирала в корыте, и печку топил. Мама стала работать и ездила, бедненькая, через весь город. После смерти папы вся поседела.

– «Земля Сибири приняла в себя / Всю грусть и жалость пасынка-еврея, / Телесный прах сугробинками грея / И о душе метелицей трубя...» – скажет об этом Чичибабин. И дальше – о том, как вы потянулись в Харьков. А ведь до возвращения было еще далеко.

– Действительно далеко. Хотя память и вдохновение избирательны... В юности во мне сформировались две жизни: в одной я жила стихами – даже когда играла в волейбол или куда-то ехала, в голове вертелись свои и чужие строки. В другой – от застенчивости, от того, что я заикалась и робела говорить о своем, – была учеба в инженерном вузе (у Чичибабина: «Заканчивала инженерный вуз, / ходила в горы, занималась спортом, / а жизнь писала новое на стертом / и подарила сердцу пенье муз...») и сокурсники, в основном далекие от моих интересов. Хотя жизнь приносила людей, которых вспоминаю с большой нежностью. Это и дочь наших соседей Белла Чульская, учившаяся в Москве и привозившая мне книги и репродукции, и Ира Рерих, дочь репрессированного, действительно имевшая отношение к прославленному роду Рерихов, – девушка поразительной душевной тонкости и культуры...

– Я знаю, что этот вуз – Электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта – вы выбрали случайно. Но случайности судьбоносны...

– Выбор подсказал Томск с его необычным ландшафтом. Вдоль очень долгой центральной улицы – проспекта Ленина – строем стоят институты: Медицинский, Политехнический, Университет... Я поступала в Политехнический на модную специальность «геологические методы разведки». Сдала экзамены, а в списках себя не нашла – и когда, взволнованная, прибежала к проректору по учебной части, догадалась, что причина в моей национальности. Тогда я в первый раз открыла огромную дубовую дверь, обитую дерматином, – и в первый раз хлопнула такой дверью. А потом растерянно пошла вдоль по проспекту и увидела возле Электромеханического плакат: «Студентам ежегодно обеспечивается проезд во все концы СССР». Я очень любила путешествия – так

и выбрала специальность. И ездила потом на выставку Дрезденской галереи в Москву, стояла всю ночь в очереди у Пушкинского музея...

– Что вы ощутили, придя работать в один из многих и многих проектных институтов?

– Я и в годы учебы с тоской смотрела на паровозы, а когда пришла в Томгипротранс и увидела, как люди сидят за столом и весь день что-то пишут, вообще заплакала. Ждала, что будет что-то живое, может быть, какие-то опыты. Оказалось – только чертежи... Радовалась, когда из Москвы прислали архитекторов Гошу Гекало и Тоню Сухорукову. Они привезли томики Цветаевой и Пастернака – это было потрясение.

– Чем вас – девушку, писавшую стихи, – покорила Цветаева?

– Узнав ее, я уже не жила как раньше. Поразительно: так открыто, ясно говорить вслух о внутреннем мире, о чувствах, обо всем, чего обычно стесняешься (мы ведь были советскими девушками, воспитанными в какой-то условной гордости, – стыдились показать свои чувства)! Стала больше писать, читала стихи запоем: Фета, символистов, все, что можно было достать. И окончательно поняла, что это главное. Примерно в то же время произошла забавная история: ко мне на улице подошла цыганка и предложила погадать. Я спросила: «Буду ли я поэтом?» «Как это?» – не поняла она. «Ну, таким человеком, который пишет стихи». Она долго смотрела мне в руку, потом покачала головой: «Нет, не будешь. Но что-то такое в твоей жизни есть, совсем рядом»... А в 1962 году, когда Ира Рерих с мамой решили возвращаться в Днепрпетровск, я засобиралась с ними. И первая из семьи вернулась в Харьков.

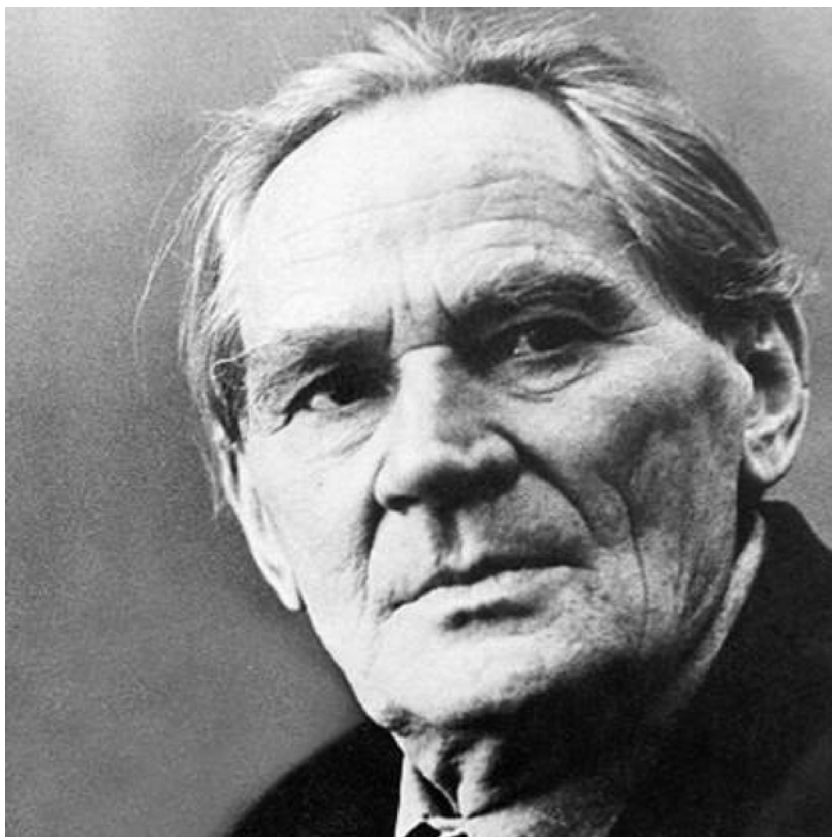
– Итак, Харьков. Город Бориса Чичибабина. Вы уже «в воздухе одном», хотя еще не знакомы. Какими были эти годы для Бориса Алексеевича?

– В конце 50-х – начале 60-х Чичибабин был уже много пережившим человеком: вернувшимся из лагеря, испытывавшим неприютность, отчуждение, любовные драмы... Студентом филфака Харьковского университета он был арестован в 1946 году за смелые стихи и осужден на пять лет. Из лагеря Чичибабин привез вольнонаемную женщину, у которой был подручным, – хотел помочь ей уехать с Севера и вылечиться от эпилепсии. Это один из его донкихотских поступков, Борис радовался, когда Клава (так ее звали) устроила свою жизнь и вышла замуж... В Харькове Чичибабин встретился с Марленой Рахлиной, поэтессой, своей юношеской любовью. Отношения не возобновились, но дружба между ними длилась всю жизнь... В январе 1953 года на праздновании тридцатилетия Бориса (а нужно учесть, что отчим, давший ему паспортную фамилию Полушин, был военным) кто-то произнес тост за Сталина. Тогда Чичибабин встал из-за стола и сказал: «Ненавижу. Не буду пить». Гости затихли...

– Это были годы мучительных противоречий, когда Чичибабин «за чашей бед вкусил и чашу срама», стремясь примириться с советской властью, вернуться к коммунистическим идеалам. Узники ГУЛАГа часто оставались убежденными коммунистами. К счастью, Чичибабин быстро пришел к окончательному прозрению...

– Да, хотя после освобождения Борис был вынужден работать бухгалтером, а с 1966 года и до самой пенсии – товароведом в трамвайном управлении, в 1960-х вышли четыре книги его стихов. Они изуродованы цензурой – и впоследствии Чичибабин писал и распространял стихи, не рассчитывая на публикацию. Так было до выхода перестроечного

«Колокола». В 1964 году ему неожиданно «выделили» литературную студию в ДК связи. До сих пор недоумеваю, как это могло произойти: ведь Борис не был даже членом Союза писателей, хотя заявление подал. Студия просуществовала два года, но это были прекрасные два года, памятные для многих харьковчан.

Борис Чичибабин.

– Как вы появились в студии Чичибабина?

– В Харькове я со второй попытки устроилась работать в Гипрозаводтранс (в первый проектный институт меня не взяли – когда дошло до национальности, еще одна высокая дверь передо мной закрылась). Из командировок привозила много стихов: едешь в поезде и пишешь в тетрадку. Эту тетрадку ребята, работавшие со мной, отнесли Чичибабину. А я уже слышала его в 1963-м на вечере в Центральной лектории: от его чтения мороз шел по коже. И вот появилась в студии: с чувством неловкости поднималась по лестнице мимо гогочущих Саши Верника, Юры Милославского, умных, резковатых мальчиков...

– Возможно, их поведение выражало протест против той реальности, где даже смеяться в голос было нельзя.

– Поначалу и Чичибабину с этой оравой нелегко было справляться. Но общался он с ними только на равных... Кажется, в тот день Милославский читал стихотворение «Гадай на картах, бабушка моя...». И Чичибабин говорил в числе прочих о моих стихах – к счастью, меня не называя, я ведь невероятно смущалась. Но было в наших с ним характерах что-то общее: когда на работе довелось заступиться за сотрудника, не смутилась...

– А как произошла та особенная встреча, которую Чичибабин считал спасительной?

– Я посетила студию несколько раз, а через пару лет узнала, что ее закрыли. Было остро жаль Чичибабина... Как-то я шла по улице Скрыпника в гости к моей подруге, режиссеру Заре Довжанской. Это была осень 1967 года, октябрь. Иду – и натыкаюсь прямо на Бориса Алексеевича. Он меня вспомнил. «А, Лиля Карась, – говорит. – Пишете стихи?» Осень была будто ахматовская – «небывалая осень». И он предложил: «Давайте, я вам стихи почитаю». Сели на скамеечку. Стал читать, а после говорит: «Можно, я вас вечером встречу?» Я была в то время связана с другим человеком, мы планировали быть вместе. И тут Борис Алексеевич встречает меня вечером с сеткой, полной мандаринов. Пошел провожать домой. Потом стал водить в гости к друзьям.

– Легко ли вы сходились?

– Очень, очень трудно. Я его называла на «вы», Борис Алексеевич. Он стремительно вошел в жизнь – и прежде всего было громадное сострадание... Жена Чичибабина, Матильда Федоровна, лежала в то время в больнице. Но они уже не могли существовать вместе, в отношениях был полный разлад. А у нас – очень сложное соединение. Только вот стихи, воля, как я тогда написала, «бессмертных слов, соединивших нас». Понимание пришло через стихи: такой поэт, так страдает, нужно во что бы то ни стало ему помочь. Постепенно Чичибабин стал спокойней лицом, просветлел. Он глубоко переживал новое чувство, писал, что оно навсегда (хоть и раньше писал, что навсегда, – поэты ведь так живут). Очень полюбил мою маму: хотел быть «сыном матери-еврейки» и стал им.

– Любил ли он делиться новыми стихами?

– Обычно он писал на ходу, а дома записывал начисто и читал мне вслух, потом давал читать глазами. Ему нужно было услышать мое мнение – но это не значит, что он с ним соглашался. Иногда потихоньку что-то изменит, а я понимаю: прислушался.

– Надежда Яковлевна Мандельштам писала: «Сейчас может показаться странным, что два больших поэта (Мандельштам и Ахматова. – С. Б.) нуждались в поддержке женщины, которую они сами научили с голоса воспринимать стихи. <...> В извечном и страшном человеческом одиночестве, которое для поэта увеличивается в тысячи раз, необходим хоть один слушатель, чей внутренний слух настроен на постижение его мысли и слова». Таким слушателем для Чичибабина несомненно были вы.

– Борис действительно нуждался в моем соучастии. Но соучастие не значит сотворчество. Когда-то наш большой друг Григорий Померанц писал: «Лилия, вы должны строже относиться к стихам Бориса. Мы с Зиной очень часто друг друга поправляем». Но у нас повелось иначе, и отношение мое к нему было более робким, ученическим. Чичибабин, при всей своей человеческой скромности, поэт публичный, площадной: ему хотелось идти в люди, читать, спорить о главном. Тихого домашнего мира ему бы не хватило. Вот стихотворение «На лыжах» – прекрасное! – это мы один лишь раз вывезли его на лыжах. А сколько стихов выросло из встреч, путешествий! У него внутри костерок всегда был сложен, стоило только спичку поднести. Шла большая внутренняя работа, но работа своя.

– Кто был друзьями ваших первых лет?

– Филолог и поэт Марк Богославский, Марлена Рахлина, актриса Александра Лесникова, художник и музыкант Леша Пугачев. А Боря Ладензон появился в его жизни через меня. И это была такая дружба! Ладензоны знали стихи Чичибабина, слышали его чтение на площади Поэзии. Сам Боря – энциклопедически образованный человек, гидравлик высочайшего класса. Чичибабин ему шутя говорил: «Изобрети закон – и мы все разбогатеем». У них была общая страсть к польским детективам: Ладензон читал по-польски и с удовольствием Чичибабину пересказывал. Ладензон первым записал Бориса на магнитофон, у него мы слушали Галича, с которым впоследствии Чичибабин очень подружился...

– В то время он был еще окружен друзьями и не страдал из-за провинциальности харьковской жизни?

– Борис никогда не стремился жить в Москве: боялся ее агрессии – и того, что будет втянут в какие-то сиюминутные баталии. Когда его вышибли из седла, точнее, когда он сам слез с этого седла и был – в 1973 году – исключен из Союза писателей, друзья ему восполняли все. Но вскоре стала понятна мера нашего и его одиночества. Друзья жили другим – борьбой за права человека, украинской проблематикой. Мы тоже в чем-то участвовали, дружили с харьковскими диссидентами, знали московских. Но по большому счету Чичибабин всегда интересовался только стихами. Они для него были всем... Оставалась переписка – с Померанцами, Леонидом Пинским, писателями Александром Шаровым и Феликсом Кривиным. Дома мы по-прежнему говорили о книгах, смотрели фильмы и плакали в одних и тех же местах, но угнетала серость жизни – ведь в воздухе был такой могучий застой! И конечно, мне приходилось после работы заниматься бытом: Борис любил уют, борщ с «колесиками» (кружками жира в тарелке), фаршированную рыбу. Всегда, шутя, спрашивал у мамы: «Раиса Зиновьевна, когда наша Пасха?»

– А как же ваши стихи? Вы продолжали писать?

– Чичибабин очень переживал, что я стала мало писать, – он любил мои стихи. А у меня было чувство, что из стихов ушла тайна и «я больше мир не вижу тайным зреньем». Ведь сначала я примерно так писала:

Í àò í àì ý ò è, í àò à ç ä ÿ ä ä ó à ï à ù,
Ñ ï ñ à ù ò à è ð à ñ ñ ò à à è á í ù à à è à è í -
Í ò è ð ù ò ù ï à ð è ï ì è ð è í ñ à í à í à è,
Í ñ à í à í à è í ò í à ï ï ñ è ù ù í à ç à ð í è à

Были у меня и «галлинские тонкие кресты», и «тополиным крестам молюсь» – строчки, которые Борис взял себе и сделал их лучше. А потом:

Í ñ ò à è à ñ ï à è ç í ù ã ñ ç ÿ ù à ÿ è ç è ï ì ï ï,
Ñ ï ì í à í è è ï ï ð à à à à ò à è ù ù ù à ñ ù,
À à à à è à à ï à à ï í è à è ð ò à à ï í í è ñ è ï ì í è
Í ù ç í è ï ò è ì ï ñ à è ï ñ ò ù ï í à è ç í ù.

– Все концентрировалось в Чичибабине? Помните, и Надежда Яковлевна Мандельштам была когда-то начинающей художницей...

– Это естественно: большее дарование поглощает меньшее. Мне было жаль, но немного.

Борис Чичибабин и Евгений Евтушенко. Харьков, 1989 год.

– Что самое трудное в роли жены поэта? Тяжело ощущать на себе печать его привязанности?

– Это точные слова, именно печать привязанности. Чичибабин всегда во мне нуждался – трогательно, но так настойчиво! Он готов был ждать меня отовсюду. А потом, он ведь был не очень разговорчив. И все разговоры по телефону, а впоследствии и переговоры с издательствами должна была вести я – так же, как и он, не имея к этому дара. Помню, как-то у Ладензонов на кухоньке был теплый разговор – вкусно, уютно, как всегда графинчик с водкой. И Боря спрашивает: «Борис Алексеевич, вы хороший семьянин?» Меня это почему-то очень рассмешило. Я не пыталась даже прилагать к нему эту категорию, хотя понимала, что, наверное, хороший. А он смутился: «Ну что же ты смеешься!» Борис был словно отрешен от быта, хотя и не чурался его. Но поскольку я, как и он, любила поэзию, то считала это главным – старалась ему помочь. Мой образ в сонетах? Я ведь понимаю, что я самый обыкновенный человек. Может быть, в его жизни чуть больше чувствующий, чем другие, чуть больше любивший стихи. А он, поэт, идеализировал и возвышал.

– Можно ли сказать, что он вообще идеализировал людей?

– Если он видел в человеке Б-жью искру, любовь к стихам – он влюблялся в него, выделял, дорожил. Бывали разочарования, когда он понимал, что в этой душе не все

так глубоко и хорошо, как ему бы хотелось (как он сам говорил, «жалую и боюсь людей»). Но, будучи вне литературной среды, Борис ценил однажды найденных собеседников. Ему были дороги даже мальчишки-студенты, приходившие к нам в разные годы.

– **К нему ведь вот так, мальчиком, приезжал Алексей Цветков?**

– Да, Цветков любил Чичибабина – и однажды приехал в Харьков. Это, было, наверное, в 1974 или 1975 году. Весь день длился разговор о поэзии. Алексей, кажется, был тогда во власти Пастернака, но Чичибабину очень понравился. Остались теплые отношения, и когда годы спустя мы разминулись в Мюнхене, Цветков переживал. Но затем вышло неловкое недоразумение – о нем нужно сказать, чтобы было ясно, как Чичибабин относился к эмиграции (это потом он понял и «отпустил» тех, кто уезжал в Израиль; но Германия, Америка были для него совершенно необъяснимы). После несостоявшейся встречи в Мюнхене Цветков прислал ему рукопись будущей книги. А Борис написал в ответ резкое письмо – он бывал иногда резок... В письме говорил, что творческие искания человека, оторвавшегося от родины, для него как читателя перестают быть интересными (на дворе начало 90-х, Борис и от Бродского ждал, что тот вернется). Цветков ответил словами Сенеки: «Пусть мы проедем из конца в конец любые земли – нигде в мире мы не найдем чужой нам страны: отовсюду одинаково можно поднять глаза к небу»... Думаю, дело еще и в ином, предельно сложном, языке современной поэзии. Сегодня Борис, наверное, понимал бы, что это хорошо, но вряд ли чувствовал бы своим: он хотел, чтобы от стихов, на первый взгляд незамысловатых, шла дрожь по телу.

– **А как вы с Борисом Алексеевичем побывали в Израиле?**

– В 1992 году израильские друзья и ученики Бориса узнали, что к ним едет делегация деятелей украинской культуры. И настояли, чтобы в ее состав включили Чичибабина. Мы поехали вместе, а рядом были Дмитро Павличко, Лариса Скорик, Богдан Ступка... Саша Верник водил нас по Иерусалиму, устроил поездку на Мертвое море, в крепость Масада. Прошли большие вечера поэзии в Иерусалиме и Тель-Авиве – там у Бориса сорвались слова об оставленной родине. Но потом он проникся Израилем и писал, что только эта страна защитит евреев, если весь мир их уже не защитил. То есть, если уезжать, то уж сюда... Чичибабин привез из поездки три стихотворения: «Земля Израиль», «Когда мы были в Яд ва-Шеме» и «Не горюй, не радуйся...». А вторая поездка, осенью 1994 года, состоялась буквально за два месяца до кончины. Это было прощание с Израилем и прощание с друзьями. Чичибабин выступал в израильском Союзе писателей, читал стихи – и зал подсказывал. Когда Черновил и Драч сравнили Украину с Израилем, он горячо заговорил об украинском антисемитизме (в те годы его немало было в наших газетах). Борис не выносил национализм и больно переживал процессы, происходившие на территории СССР. Улетая из Израйля, Чичибабин помахал ребятам – уже безнадежно, отстраненно. Думаю, Б-гу было угодно, чтобы он простился с друзьями... За несколько месяцев до этого, в феврале 1994 года, Чичибабин впервые был при смерти, задышался и, казалось, вот-вот уйдет. В ту страшную субботу я, открыв форточку, молила: «Еврейский Б-г, помоги Борису!» Он прожил еще почти год...

ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ

*Ауë ау ýì íëíæá - íá òàèàý á æàèíñòü
íá íá àðà: íí èíæá íàøà èðíàü ïí àøàèàüü*

*Çààò ðàèàè òü ïëààíé, óæèíæé ááüþ,
ïëàí íé è èðíàààíé çàì èààè àíàþ.*

*«Ñèàáò çàí ðàò è ò á, í ò í è ì è ò á è ð í à è þ», -
ñè à ç à í í ì ð è ò è ò á í è à ì á í à ì è è ð í à è þ.*

*Í ò è ó: è è ì ñ ì ñ à ÿ í ò ð í à í à è í à
Í ì ì ò è è ì ñ ì è à ÿ à ò ò í à Ñ è í à*

*Í à ð à è è ñ ì è í ð í è, í à è à ò à è è è ð í ù, -
ì ó è è à ò ò í, è í è ù í à è à ç í è à à ì í à ð ì ù.*

*Í à ñ ò í à è è ð í ò è è ù à, ì í è í à í è è è þ ò ù è,
è è ò í ç à à ð í: à è ç í è í ò í è à è þ ò í è?*

*Ç à ñ ò à è è è à à ð ñ à ì à è à í í þ ò ð ñ ò è í è
è ì è ñ à ð í à Á ó à - ò à ò È ì ì ò í ù ð ñ ñ è í è.*

*Í è: à à, ÷ ò í í à ò ó í à à ì è à à ì è í è ì á í à -
à ñ ò ð í à í è ì ÿ ò ó ò á è ò í ç à ñ ì à í è ì à ù è.*

*È í à à ò à è è è à à ù í à ì ì à ñ ò à è
è ì ì ì à è à
× à ì è è í à ñ ÿ è í ò à è í ì ñ è í à: í à ÿ í à ð à..*

*Í à ð í à è ñ ì ÿ ð ñ ð, í à ç í à è ñ ì ÿ Á í ð ñ è í è,
í à à ì à è ñ ì ÿ ñ à ð ñ ò ù þ ç í è í ò í è è à ð ñ è í è,*

*í à í í: ó è à è à ì à à à ò, ñ: à ñ ò ù à ì í à ó ÿ í í ù è,
í à à ì è à è ÿ í à à è ÷ à ñ ò ù þ à à ç ù ì ÿ í í è*

*à ð ñ ñ è à ò ð ÿ ñ è í ù, à í à à è ò è è à ð à è è, -
ÿ á ò í ò à è à ù ò ù ñ ì í ì ì ì à ò à ð è - à à ð à è è è.*

Á í ð è ñ × è: è à à à è í, 1946

ЛАГЕРНАЯ ПЫЛЬ

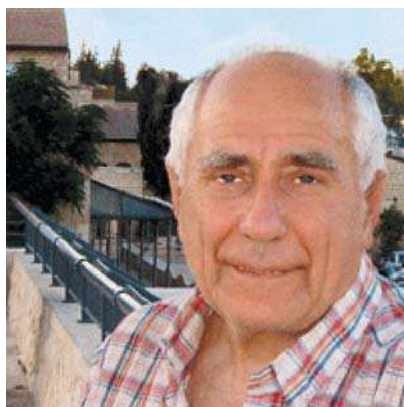
На четыре вопроса отвечают: Иосиф Бегун, Игорь Губерман, Борис Жутовский, Марлен Кораллов

Àááááò Áóáí àíéé Ì àí áááá

В «Новой газете» вышла статья о пресс-конференции М.С. Горбачева, посвященной проблеме реабилитации жертв политических репрессий. «Основным поводом для пресс-конференции, – пишет Олег Хлебников, – стало письмо общественности, призывающее государство открыть все архивы, связанные с репрессиями, и помочь в увековечивании памяти их жертв». Автор завершает статью оптимистично: «Неужели миллионные жертвы были все-таки не напрасны, если именно они способны наконец объединить в общем благородном деле общество и государство?» Вопрос не в том, надолго ли сойдутся благодаря миллионам жертв общество и государство – категории неразрывные, как время и пространство, – вопрос в том, насколько нравственен акт единения благодаря миллионам жертв?! Почему мы вернулись к этой проблеме, «общественной и государственной», именно сейчас? Только лишь потому, что Михаил Сергеевич хочет довести начатое дело до конца? Но бывает ли у благородных дел конец? Не будет ли Мемориально-музейный комплекс в лучшем случае напоминать некий сговор между живыми и мертвыми? Живыми, со всеми их слишком человеческими недостатками, и мертвыми, в силу физических и метафизических причин от недостатков избавленными. Впрочем, как бы там ни было, «пыль лагерная» нас, кровиночку свою, простит, а вот мы – в очередной раз отделившаяся от государства интернациональная общественность, еврейская в том числе – как будем себя прощать, каяться? Бывают моменты, когда следует молчать, избегая патетики и банальностей, например, в музее Катастрофы «Яд ва-Шем». Наш случай – по-видимому, сначала научиться молиться так, чтобы слова молитвы перестали быть языком общества и государства, а превратились бы в сердечный пульс, восходящий к небу. Как думают еврей-сидельцы, и не только сидельцы? Потому что в этом интервью я нарушил канон, решив поговорить о Льве Разгоне с Борисом Жутовским, одним из ближайших его друзей последних сорока пяти лет жизни.

ОТНОШЕНИЕ К «УЗНИКАМ СИОНА» БЫЛО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ

Иосиф Бегун, литератор, издатель, общественный деятель

– Что вы испытывали, когда, будучи на зоне, увидели самого себя вместе с Сахаровым, Боннэр, Щаранским, Солженицыным в фильме «Заговор против Страны Советов»? Как относились к вам, «вербовщику вражеской агентуры и распространителю антисоветской литературы», после этого фильма солагерники? Так же, как замполит, согнавший всех эзков на просмотр совкового шедевра? Вообще, как относились эки к «узникам Сиона»?

– Был, естественно, очень взволнован, не сразу мог понять, где и когда я «сыграл эту роль». Не сразу вспомнил, что было это во Владимирской тюрьме, после суда, который приговорил меня к семи годам лагеря строгого режима с последующей ссылкой. Криминал? Подрыв советской власти (ни больше ни меньше!) под видом «борьбы за права евреев» и антисоветская агитация и пропаганда, которая выражалась в требованиях на доступ евреев к своей культуре, распространение книг о евреях и их стране, преподавание иврита. Снимали тот эпизод скрытой камерой, и, до того как я увидел себя на лагерном телеэкране, я ничего об этом не знал. Как одного из героев фильма эки приняли меня очень хорошо. Лагерь-то был политический, сидели здесь и другие персонажи того же фильма. И уголовники, надо сказать, в большинстве своем уважали диссидентов, то есть тех, кто отстаивал человеческие права, которые как раз в зоне попирались особенно нагло и открыто. И к евреям, не только к таким «политическим», отношение тоже было хорошее. Что касается отношения к «узникам Сиона» со стороны лагерников, оно в целом было положительным. Чего нельзя сказать о бывших полицах (эти тоже были «политическими» в советских лагерях). В зонах было много нацменов и подчас было настоящее братство народов, которого отнюдь не существовало «на свободе». «Националистов», то есть тех, кто сидел за выступления в защиту прав своего народа, лагерники уважали. Ну а начальство как раз наоборот таких не любило. Особенно тех, о ком много «шумели» западные голоса, – к ним относились и еврейские диссиденты. Нашего брата лишали многого, что было положено эку, – свиданий, переписки, передач... Зато «компенсировали» это увеличением времени карцеров.

– Памятники ГУЛАГа – Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, канал Москва–Волга, Волго-Донской канал, крупнейшие гидроэлектростанции страны... Вам не кажется, что те, кто строил, и те, кто охранял, помимо всего прочего, построили и страну СССР, и нашу новую, ей наследовавшую, тоже, отсюда и те принципы, от которых Россия не может избавиться до сих пор? Как изжить это прошлое – быть может, покаянием? Но возможно ли оно, массовое покаяние?

– О покаянии за ГУЛАГ и иные мерзости советской власти в России говорят давно. Но кто говорит? Это уже нынешние диссиденты. Их мало, они слабы, их голоса не слышны. Зато всюду звучат голоса тех, кто ностальгирует по «великому вождю» всех времен и народов, по великой империи, которую боялся весь мир.

– Многие из тех евреев, кто сидел с тридцатых по пятидесятые прошлого века, а среди них были личности, отчаянные даровитые люди, не чувствовали себя евреями, или так: в первую очередь они все-таки были эки Страны Советов и только потом – «евреи по национальности». Вы же в «Матросской тишине» рассказывали сокамерникам о Торе, оставались евреем до, во время и после отбывания срока лишения свободы. Что помогало вам сохранить в себе еврея? Не тот ли детский вопрос, однажды заданный матери: «Мама, зачем я еврей?!»

– Тот вопрос был задан с отчаяния. Тогда, в свои шесть лет, в антисемитском обществе сверстников нашего двора, я горевал, что не такой, как все, «хуже» их всех... Со временем это прошло. На это потребовалось еще лет пятнадцать, понимание, что и взрослый ты не такой, «как все»... Потребовалось «дело врачей», разговоры о том, что евреев будут выселять из Москвы. Сыграло свою роль в моем еврейском самосознании «открытие» и того факта, что в стране, где ты родился, вырос, стал полезным членом общества, ты, как еврей, лишен возможности узнать, что это такое, «откуда есть пошел твой народ». Правда, в той ситуации всеобщего конформизма и полного отсутствия еврейского общения (а в Москве жило полмиллиона евреев!) это все загонялось куда-то в подсознание. Позитивное ощущение своего еврейства резко увеличилось после Шестидневной войны 1967 года и последующей встречи (счастливый случай!) с совсем малочисленными отказниками тех времен.

– Чего больше было в тех, кто вершил над вами суд: подлости, низости или глупости? Можно в какой-то степени оправдать этих людей, сказав, что время было такое – подлое, низкое, глупое?

– Наверное, все это вместе. Хотя дураками (в плане общего развития) они вряд ли были, в КГБ был особый отбор. У всех следователей были дипломы о высшем образовании. Оправдать, в смысле простить, можно только тогда, когда совершивший зло сам раскаивается в этом.

Я БЛАГОДАРЕН СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Игорь Губерман, прозаик, поэт

– Солженицын пишет: «У евреев национальный контакт между вольными начальниками и зэками невозможно упустить из виду. <...> Кто знает великолепную еврейскую взаимовыручку (еще так обостренную массовой гибелью евреев при Гитлере), тот поймет, что не мог вольный начальник еврей равнодушно смотреть, как у него в лагере барахтаются в голоде и умирают еврей-зэки, – и не помочь». Вы согласны с Солженицыным, что еврей «вольные» найдут способ, как поддержать своих за «колючкой»? Вы сами могли рассчитывать в заключении на помощь «вольных» и не вольных евреев?

– То, что написал Солженицын, я читал и у других авторов. Слышал в устных рассказах. Я сидел в лагере, где эта тема была начисто снята: я был в лагере единственным евреем. Никаких вольных, вольнонаемных евреев я не встречал, поэтому ответить на ваш вопрос затрудняюсь. У меня об этом только читательские сведения. Хотя в лагере были приятели блатные, азербайджанцы, чеченец один, несколько русских. Но это были чистые воры, уголовники.

– Психолог Бруно Беттельгейм, сидевший в двух фашистских лагерях, сделал открытие: тоталитаризм имеет определенную психологическую привлекательность – жить при диктаторском режиме проще, чем существовать в условиях демократической страны. Не потому ли у нас этические нормы часто напоминают лагерные?

– Мне вообще кажется, что вся жизнь в Советском Союзе была жизнью лагерной. Мы жили в лагере мира, социализма и труда. Но какой это был мир, социализм и труд, все прекрасно знают. И конечно, под сильной рукой, под опекой жить было хорошо и спокойно. И все знали точно, что можно делать, а чего нельзя. Шаг в сторону или прыжок вверх считались побегом. Так что с Бруно Беттельгеймом я согласен. Но почему вы не обратитесь к Виктору Франклу, который тоже прошел через концлагерь и написал несколько книг, в том числе и замечательную книгу «Человек в поисках смысла»?

– Спасибо за наводку. Я слышал о нем. Но пока иду по следам Беттельгейма, судьба которого схожа и с судьбой Франкла. Правда ли, что хронические недоедание и недосыпание, из-за которых заключенные только и думают о еде и сне, влияет на разрушение личности, приводит к буйному цветению такого еще библейского порока, как добровольное доносительство, стукачество, хотя оно никак не вознаграждается, не создает лучших условий и часто опасно для жизни? И еще: весь лагерный опыт вошел в вашу книгу или было что-то такое, с чем вам не хотелось ни с кем делиться? Вы часто вспоминаете зону или стараетесь не вспоминать?

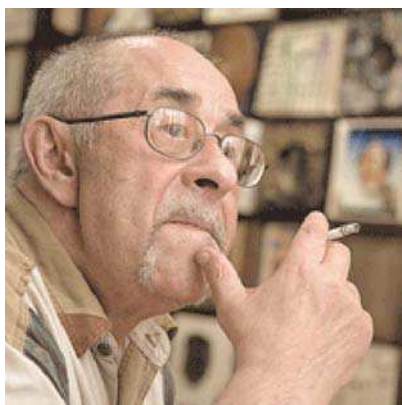
– Все зависит от самой личности, ее способности к сопротивлению. А стукач и доносчик – понятия разные, и не стоит их смешивать. Не сотни тысяч, а миллионы доносов советских граждан сыпались в СССР. Время от времени в той или иной форме власти даже печатно просили своих граждан перестать этим заниматься, потому как все это бессмысленно. Такого рода подлость – естественное достояние лагерной жизни. И лагерной за решеткой, и лагерной как бы на свободе. И порок этот как раз продукт того самого тоталитарного строя, о котором мы говорили выше. Теперь что касается второй части вопроса. Все, о чем я хотел сказать, я сказал в «Прогулках вокруг барака». Да, я очень часто вспоминаю. В разговорах, на пьянках и вообще... Это был замечательный опыт. И я благодарен советской власти за этот подарок.

– В своих воспоминаниях вы упоминаете, что писали в лагере не только четверостишия, но и прозу. А читали ли вы ее своим сокамерникам? Интересовались ли они тем, что пишете вы по ночам? И еще: не знаю, как покажется вам, но мне показалось, что лагерная проза Сергея Довлатова, служившего в войсках охраны, имеет сходство с вашей – прозой сидельца. Чем вы объясняете это сходство?

– Что вы, Б-г с вами!.. Как я мог читать своим сокамерникам то, что было страшной тайной? Ведь могли отобрать не только карандаш и бумагу, могли принять меры... Ко времени, когда меня посадили, у меня уже вышли две книжки под моим именем и два «негритянских» романа. В лагере я начал писать исключительно о лагере. Книга эта называется «Прогулки вокруг барака». Мне казалось, что мои ощущения надо запечатлеть на бумаге, поделиться опытом. Быть может, до некоторой степени это было и условием сохранения личности. В тюрьме я написал книгу стихов «Тюремный дневник». Мои «Прогулки вокруг барака» и довлатовская «Зона» действительно имеют много общего. И Сергей Довлатов, и я описываем лагерь, существовавшие в относительно легкие времена. Эти лагеря не были смертельными, гибельными, как лагеря, в которых сидели наши отцы и деды. Я сидел в лагерях, в которых с голоду никто не умирал и работой никого не убивали. Оба мы писали о том, что на зоне в особой цене и почете человек самостоятельный, тот, кто остается самим собой.

ПОКАЯНИЕ – ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННАЯ

Борис Жутовский, художник

– Недавно мои симпатии ко Льву Эммануиловичу Разгону поколебались: раньше не обращал внимания, а теперь задумался – ведь Лев Эммануилович был зятем самого Глеба Бокия! Одного из основателей СЛОНА, о котором, к примеру, Дмитрий Лихачев писал: «...этот живой человек, в честь кого был назван пароход, – людоед – главный в той тройке ОГПУ, которая приговаривала людей к срокам и расстрелам...» Я, конечно, понимаю, что Бокий – одно, а его зять – другое. Но... Лев Разгон рассказывал вам что-нибудь о своем тесте?

– В «Непридуманном» у Льва Разгона есть рассказ о нем. Вспоминая этот Левин рассказ и связывая его с вашим вопросом, думаю, не много ли всего навесили на Глеба Бокия. Все эти «расстрельные тройки», «пьяные оргии на даче», о которых не раз приходилось слышать, – настоящая «деза». Не зря мы с Левой ходили морду бить тому товарищу, что оболгал и Бокия, и его дочь Оксану, жену Льва Эммануиловича, в «Булгаковской энциклопедии». Бокий вообще не пил, причем даже за столом у товарища Сталина. Историк и писатель Натан Яковлевич Эйдельман, когда затевались споры, связанные с историей, теребя пуговицу рубашки на толстом пузе и пыхтя как паровоз,

говорил: «Ребята, вы не можете понять, что каждое время имеет свою систему взаимоотношений и свою систему ценностей». Нельзя утверждать, что отношения Михаила Ромма и «вождя народов» в точности повторяли отношения Пушкина с императором Николаем I. Должен вам сказать, что у Левы в друзьях были и Яков Джугашвили, и сын Свердлова, ставший позднее одним из самых отвратительных следователей. После возвращения из лагеря Лева перестал с ним общаться и даже здороваться. Все гораздо сложнее, чем вам кажется. С мерками «плохой-хороший» эпоху не раскусить. Лева был вполне себе советским человеком. И хотя Лева и поражал меня безмерным и алчным любопытством, уверен, – и в уверенности своей непоколебим, – всей правды о тесте он не знал и не мог знать. Во-первых, одна из главных особенностей той власти – засекреченность всего и вся, во-вторых, Бокий, по рассказам не только Левы, но и всех его знавших, был человеком немногословным и крайне нелюдимым. Ходил в драном плаще с потертым кожаным портфелем. Не любил и не участвовал ни в каких партийных пьянках и застольях. Был из семьи ученых-разночинцев. Дочери Бокия Оксане шел двадцать первый год, когда ее арестовали. Она была диабетичка и погибла на пересылке Выгвоздино. Последовательность, с которой сажали, была такова: сначала Глеб Бокий, потом забрали его жену, потом Леву, потом Оксану, вслед за Оксаной – ее сестру... Всей правды нам с вами не добыть, а вот с симпатиями своими разберитесь, потому как Лев Разгон был человеком редкостной красоты, обаяния и нравственности.

– В одном из писем Лев Эммануилович писал: «Я подумал о том, что употребил уйму времени и сил, чтобы рассказать о страшных годах моей жизни. Но ведь в ней были и веселые, хорошие дни! И почему я не написал о лучших годах моей жизни, когда я работал в “Детгизе”, дружил с Гайдаром, Паустовским, Фраерманом, Лоскутовым, Юрой Германом и Сёликом Меттером... И хорошо знал Олейникова, Хармса». О легких годах своей жизни рассказывал ли вам Лев Эммануилович?

– Нет. То есть я знал, конечно, что он дружил, например, с Израилем Моисеевичем Меттером. Ну и я тоже с ним дружил. Правда, уже на излете жизни этого человека. Не просто замечательного человека, но еще и человека поступка. Вдумайтесь: всего двое – Израиль Моисеевич и Лидия Корнеевна Чуковская – встали и вышли из зала на собрании Союза ленинградских писателей, на котором после всех постановлений прилюдно зачитывали анафему Ахматовой и Зощенко. Меттер и Чуковская рисковали всем – жизнью, биографией. Конечно, он рассказывал о Юре Германе, Эммануиле Казакевиче, Данииле Данине... С последним я тоже дружил. Когда Дане исполнилось восемьдесят пять лет, Лидия Борисовна Либединская накрыла стол на восемь кувертов. Старики с удовольствием вспоминали «веселые, хорошие дни». И судя по тем воспоминаниям, дней этих было у них немало. Хорошо, что я попросил Володю Мишукова, фотографа и моего приятеля, снять «для истории» это застолье. Фильм хранится в моих архивах. У Даниила Данина в его «Бремени стыда» есть такая фраза: «В свободное от смерти время на войне жили, а умирали в свободное от жизни время». Я думаю, эта формула Данина применима к жизни и судьбе его друга – Льва Разгона. Лев Эммануилович любил жизнь, он просто «чавкал» жизнью, в которой были и «веселые, хорошие дни», и годы лагерей.

– Не могли бы вы рассказать о той фантастической истории, с которой связана публикация книги «Позавчера и сегодня»? Очень важной для Разгона, в которой он не только вспоминает о своих еврейских корнях, но, как мне кажется, в отличие от других текстов, чувствует себя евреем.

– Не помню, чтобы Лева заводил разговоры на еврейскую тему, о еврействе как таковом. Хотя был евреем и семья была еврейской. Не думаю, что «еврейский вопрос», «еврейские темы» глубоко трогали его. Он никогда не рассказывал мне о каком-то еврейском братстве в лагерях. Чувствовал ли себя Лева евреем в этой книге больше, чем в других? Не знаю, трудно сказать. Возможно, у вас создалось такое впечатление, потому что он там вспоминает свое еврейское детство, жизнь в местечке... Судьба этой книги действительно удивительна. Когда Лева стал известным писателем, у него начали брать интервью, снимать про него фильмы, приглашать на радио и телевидение. Он в какой-то из телебесед обмолвился об исчезнувшей бухгалтерской книге, в которой писал воспоминания. Когда ему впаяли второй срок, он уже хорошо знал, что ему предстоит, и на вопрос следователя, кто он по профессии, ответил: нормировщик. «Как нормировщик?! – удивился следователь. – Вы же литератор!» – «Литератором я был десять лет назад, а последние десять лет я работал нормировщиком». И вот освободилось место нормировщика, и позвали Леву. Нормировщик – фигура в лагере более или менее автономная. У нормировщика своя коморка. Свой режим дня. Ночью «выводит пайку», утром сдает на кухню и ложится спать. К тому времени Леву не надо было учить, как гнать «туфту». А приписками занимались все, иначе было не выжить. Брат Левы, уже «оттянувший» свой срок, послал ему в посылке толстую бухгалтерскую книгу. Лева потом его ругал: лучше бы послал лишние две банки консервов. Посылки-то шли точно по весу. Причем посылать можно было только со сто первого километра. И тогда Лева решил, что напишет для дочери Наташи, сосланной в Башкирию, – за то, что принесла в школу «Москва 1937» Лиона Фейхтвангера, – историю своей семьи, чтобы девочка знала, кто она, каких корней. (Разгонов практически не осталось: фашисты перевели, в лагерях да в топках, товарищ Сталин сделал свое дело.) Написав книгу, Лева отослал ее жене Рике, которая в ту пору уже вышла из лагеря и была направлена в Казахстан на «вечное поселение». «Перетырить» книгу было бы легко: просили деревенских, те переотправляли дальше. Наташку к тому времени уже выпустили. Она приехала в Москву, потому что, когда ее забрали, забыли выписать из комнаты на Ордынке. Выслана была, как школьница, без срока. Бюрократия работала идеально – приехала туда, где была прописана. Рика переслала книгу Наташе, понимая прекрасно: если устроят шмон, получит новый срок. Когда Лева вернулся из лагерей и спросил у дочери, где эта книга, Наташка ответила, что дала кому-то почитать и книгу «заиграли». Прошло почти тридцать лет, и вот раздается телефонный звонок: «Лев Эммануилович? Вот мы с вами не знакомы, но так получилось, что в нашем доме хранится какая-то амбарная книга, которая очень похожа на ту, о которой вы говорили по телевизору. Приезжайте посмотрите». И Лева приехал. Эта была книга «Позавчера и сегодня».

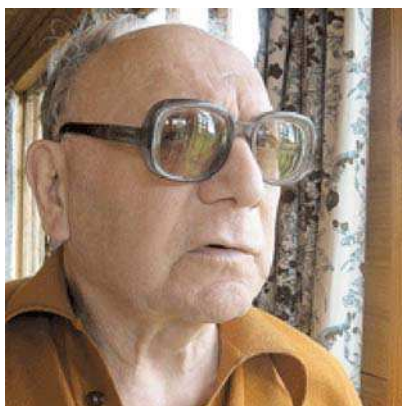
– Как относился Лев Разгон к тому, что в нашей стране нет памятника жертвам сталинского террора, и как бы отнесся к тому, если бы таковой появился? Как вы считаете, необходим такой памятник, должно быть место, куда бы мы могли прийти и поклониться тем, кто лежит неведомо где в коллективных могилах?

– Надо сказать, Лева потому и выжил на свете, что был человеком удивительно легким. В нем не было того горького недоумения, которое не покидало многих зэков. И это притом, что Лева знал, кто и как его предавал... Лева и к Солженицыну относился с почтением, как к человеку, который сделал важное дело, хотя со многими постулатами «Архипелага» был категорически не согласен. Система выводов, необходимая Солженицыну в силу конструкции его произведения, казалась Леве натянутой, потому что разнообразие подлости не давало возможности систематизации и выводов из этого бесконечного дерьма. Я сказал «он был человеком легким», но это не означает глупым. Генетика и появившийся за семнадцать лет лагерей способ выживать сделали его таким человеком. Несмотря на свой возраст, он был активным членом «Мемориала», делал все,

чтобы увековечить память сталинского политезэка. Я думаю, он бы порадовался, если бы такой памятник был, но не стал бы горько недоумевать, если бы его не было. Как-то в девяностых годах я попал на Чукотку. Оказался на берегу Северного Ледовитого океана, в ста километрах от Певека. И вот стою перед воротами одного из сталинских лагерей. Оглядываюсь, вокруг – черепа... А на порушенных воротах висит бронзовая доска. Подумал тогда, как здорово, что нашелся человек и установил в этом Б-гом забытом месте мемориальную доску. Прошло несколько лет, Музей Сахарова пригласил меня сделать выставку. Потом звонят: «Извините, попали в глупое положение, в это же время должна проходить выставка скульптора из Перми. Может, нам удастся перенести сроки». Я согласился и, поскольку в то время вел «Артпанораму» на канале «Культура», сказал, что приеду посмотреть его выставку, сделаю материал. Приезжаю, оказывается, пермский скульптор – тот самый человек, что установил мемориальную доску на берегу океана. Сам сидел в том лагере. Так вот у него был гениальный памятник жертвам сталинских репрессий. Несколько ручных пил – три или пять, не помню уже, – под самый потолок. Страшный памятник. Вспоминая сейчас эти пилы, понимаешь, что в основе того, о чем мы с вами говорим, лежит биоповедение вида животного под названием человек. Цивилизация, культура пытается каким-то образом сдерживать биоинстинкты, направить в цивилизованную сторону. Борьба с помощью власти с биоповедением вещь крайне неблагоприятная, но власть должна это делать, это ее задача. Покаяние – задача государственная. Преподавание в школах, книги, памятники... Общество должно знать, что об этом думать требуется.

ОСТАЮСЬ НА СТОРОНЕ ШАЛАМОВА

Марлен Кораллов, публицист, эссеист

– При Горбачеве, в годы перестройки и гласности, широко развернулся процесс реабилитации жертв политических репрессий, начатый еще Хрущевым. В 1991 году все остановилось. Остаются нереабилитированными тысячи и тысячи безвинно пострадавших. Смешиваю общественно-политический вопрос с личным: в годы «оттепели» отец мой подал запрос в соответствующие органы, пришла отписка, что дед мой, Афанасий Ефимович Милькин, «выбыл по литере “В”» («высшей мере социальной защиты»), и все, проехали... В годы горбачевские отец отказался подавать заявление, мотивируя это тем, что, во-первых, и без того все ясно, а во-вторых, от кого реабилитация будет исходить, от тех же органов?! Не является ли реабилитационный процесс очередным тысяча первым нашим и наших предков унижением?

– Процесс реабилитации необходим и важен. Это процесс, который проходил и проходит трудные стадии. Реабилитация не завершена до сих пор. И это несмотря на то,

что со времен Большого террора прошло шестьдесят лет. Международный фонд «Демократия», созданный академиком Александром Яковлевым, издал три тома, специально посвященных реабилитации. Причем это еще не завершённое издание: готовится четвертый. В книгах собрано колоссальное количество документов, показывающих в действии механизм реабилитации. Ясно, что Верховный суд, административные органы, прокуратура не могли реабилитировать «в срок» миллионы и миллионы безвинно пострадавших. Когда было принято решение о ликвидации ГУЛАГа, в лагерь начали приезжать комиссии. Само собой разумеется, что вникать в тонкости дела времени у членов комиссий не было: это была массовая реабилитация. Через годы появился приказ, согласно которому родственники могли ознакомиться с делами. Я читал дело отца, матери и свое. Именно из документов своего дела я, к примеру, узнал о том, что Иван Теодорович Тевосян, министр металлургии, заместитель Косыгина, и Завенягин Авраамий Павлович (известно, кто выстроил Норильск) – студенческие друзья моего отца, орджоникидзевские мальчишки – звонили в прокуратуру, и, видимо, их звонков было достаточно, чтобы я вылетел на самолете из Кенгира раньше других. В 1955 году. Так легла карта – я ранний, другие освобождались позже. Реабилитация давала кое-какие льготы. С ее помощью бывший политзек мог решить такой сложный вопрос, как квартирный. Нельзя забывать и того, что многие возвращались уже пенсионерами, им надо было на что-то жить. Даже проездной билет был немалым подспорьем. Я знаю только одного человека, который проявил дворянскую гордость, вспылал и отверг подачку, – это писатель Олег Волков. На его боевом счету двадцать семь лет, из них половина в тюрьмах и лагерях, другая – в ссылках. У Волкова скопилось пять реабилитаций. Так вот, когда с ним хотели «расплатиться» – а вы, наверное, знаете, что освободившимся выдавали двухмесячную зарплату, – Олег Васильевич отказался от денег. (Это я вам с его слов говорю.) В отличие от Олега Волкова, я свою «двухмесячную», стиснув зубы, взял, не отказался – вернулся из Кенгира в кирзовых сапогах и в бушлате, – взял деньги за расстрелянного отца, за мать, которая семнадцать лет в тюрьмах и ссылках отбыла. А вот еще вам довесок. Звонят мне как-то осенью, сообщают, что надо ехать на Разгуляй. Некий спонсор (спасибо ему) прислал кур. Я могу забрать две курицы. Спрашиваю милейшую соседку Элеонору Юрьевну: «Ну хорошо, за расстрелянного отца – одну курицу, за мать, допустим, вторую, а я получил четвертак – где третья курица?!» У Элеоноры Юрьевны юморочка хватило, она протянула с укоризненной интонацией: «Ну-у, Марлен Михайлович!..» Пренебрегать формальной стороной дела нельзя: все государства стоят на формальностях. В слове «реабилитация» есть масса оттенков: нравственный, практический, политический, гражданский...

– Совершен великий грех. Нынешняя Россия – держава посткоммунистическая – не покаялась. Можно ли считать реабилитацию актом покаяния? Непокаявшаяся страна может вновь шагнуть в бездну? Должен ли быть установлен памятник жертвам «красного террора»? Почему этого не происходит?

– Массовое покаяние, как и реабилитация, – крупнейшее социальное явление, к которому нельзя подходить легкомысленно. Германия проголосовала за Гитлера, законно возглавившего правительство. Пребывание Гитлера у власти, как и всей его клики, длилось вплоть до 1945 года. Двенадцать лет. Разгром. Руины. Страна была поставлена перед необходимостью осознания всего происшедшего. Идея покаяния после бомбардировок Берлина, Дрездена не могла не проникнуть в сознание всей нации. Февральская и Октябрьская революции назревали долгие десятилетия. Идея революции – не только русская идея. Европа прошла вековой путь восстаний, потрясений, начиная с Великой французской революции. Что значит – покаяние? Покаяние предполагает, прежде всего, процесс осмысления, переживания пройденного пути. Это не короткий период в жизни страны. Он охватывает жизнь поколений, ведет к крупным, порой трагическим

последствиям. Покаяться? А кто и перед кем будет каяться, если в грехопадении участвовала страна? К примеру, молодой паренек, которого берут в армию, зачислят в войска НКВД. В душе он службу свою проклинает, но обязан подчиняться властным структурам. Служба эта не результат его добровольного решения. Он включен в структуру. И он должен каяться за то, что вне этой структуры не мог существовать, что его использовали, употребили? Но хочу напомнить: помимо безвольных исполнителей были еще идейные. Была вера бескорыстная. Служение на благо Родины. Посмотрите на Кремлевскую стену, в которой, по мнению некоторых, замурованы одни преступники. Посмотрите на даты рождения и смерти. Разберитесь, кто вкалывал за совесть, строил новую страну. А кто работал уже не за так. Не с той совестью и не с тем надрывом. Наверное, среди первых тоже были мошенники, трезво понимавшие происходящее и не испытывавшие ни малейших угрызений совести. Вот они за свой цинизм должны каяться. Но циники не каются, а если каются, то лгут. У Юрия Щекочихина есть книга «Рабы ГБ». О стукачах. О тех, кого силой, угрозами принуждали к сотрудничеству. Они соглашались, давали подписку, а потом спали и видели, как бы им освободиться от петли на шее. И, бывало, освобождались, случалось, работали спустя рукава. Вот такой человек перед кем должен каяться? И кто перед ним должен каяться? Ведь в этих органах тоже работали люди разные. Одни приходили к выводу достаточно циничному, трезвому, другие – такие, например, как Михаил Король или Рихард Зорге – работали на идею. То есть я хочу сказать, что идея покаяния, абсолютно оправданная и абсолютно необходимая для любой страны, в наших конкретных условиях обретает чрезвычайно сложный характер. Потому что палач и жертва у нас сплошь и рядом в одном лице. Памятник Неизвестному эзку не менее важен, чем Неизвестному солдату. Где он будет стоять – вопрос второй. Памятники необходимы, но они могут восприниматься по-разному. Одно дело ощущения там, в лагерях, во всех тех переплетах, через которые пришлось пройти. Тогда статуи волновали в третью очередь. Иное дело – через тридцать лет, когда наступила пора горбачевской перестройки и сверху объявленная революция дала возможность пересмотреть, оценить пережитую трагедию. Заметьте, через тридцать лет! Счастье великое поклониться жертвам. Но с восемьдесят пятого года до две тысячи нашего прошло еще четверть века. Позволю себе бестактность, расскажу старенький анекдот. Вокзальчик. Подходит поезд. Во время стоянки, как вы знаете, туалеты запираются. Выскочил человек на перрон – приспичило. Бегаёт по перрону, ищет нужник. Нашел. Дернул дверь – занято. Ждет. Не выдержал, дернул второй раз: «Товарищ!» Но у товарища своя нужда-забота. Бедняга снова дергает: «Товарищ!» Наконец получает ответ: «Сейчас-сейчас...» Поздно. «Эх, товарищ, товарищ!..» Сейчас, когда наш «профсоюз» ушел, когда я вижу, что нет моего поколения, я остро чувствую – поздновато собрались. Если действительно собрались. Тем не менее за сборами слежу внимательно. Дело важное для наследников, для далеких потомков. Есть и другая причина для грусти-печали. Слишком много тех, кто раньше рвался в партию, райкомы, горкомы, делал карьеру, а теперь бьет себя в отважную демократическую грудь. Теперь выступают, как великие борцы за правду, объясняют, какой был добряк Иосиф Виссарионович. Я немного подустал от их объяснений. Есть у Ларошфуко любимая моя максима: «Люди отличаются друг от друга больше темпераментом, чем идеями». Да, я за памятники. За максимальное осмысление той трагедии, которую пережила страна. Но я к этому отношусь по-взрослому.

– Вы согласны с Солженицыным, который дает ясно понять, что виновниками ГУЛАГа, жестокими руководителями были евреи? Александр Исаевич упоминает Бермана, Фирина, Френкеля, Когана, Раппопорта, особо выделяя среди них Френкеля. Насколько прав Солженицын?

– Как бы мы ни рассматривали еврейский вопрос, в свете ли историческом, политическом, религиозном, во всех аспектах, мы вынуждены признать, что

освобожденные из векового гетто евреи, униженные и оскорбленные, допустим, с той поры как Россия в лице Екатерины II приняла их в свое лоно, в годы революционные оказались на высоких должностях. Перед революцией в России было около пяти миллионов евреев. Но Россия делала много, чтобы лишиться еврейства, избавиться от него. Препятствий для эмиграции в ту пору не чинила. И евреи покидали Россию. Погромы тоже подталкивали к эмиграции. Однако избавиться от еврейства полностью Россия не успела. Свершились Февраль, Октябрь, объявившие равноправие. Новому государству, изгонявшему классово чуждую бюрократию, интеллигенцию, понадобился новый управленческий аппарат. Евреи, обнадеженные свободой и равноправием, пошли в науку, искусство и в ЧК-НКВД, конечно, тоже... Если исходить из первого двадцатилетия Страны Советов, то можно говорить о большом количестве евреев, занимавших высокие должностные посты. Можно делать вывод: «Видите, кто виноват во всех прегрешениях!» Но люди, поверившие в свое равноправие, освобождались (я сейчас упраздняю всякие оттенки) и от своего еврейства. Творили свои прегрешения вместе со всеми. Иудейского в них становилось все меньше и меньше. Процесс, в который они были вовлечены, оказался разъевреиванием евреев. И если бы он шел без срывов, ассимиляция справлялась бы с русским еврейством гораздо умнее, чем погромы, преследования. Даже гуманнее. Пошла вторая двадцатка лет. Клейменных пятым пунктом попросили выйти вон из МИДа, КГБ, МВД... Нередко в ущерб Державе. Изгоняли из сфер высоких, загоняли пониже в соцподвалы, настойчиво приглашали в ГУЛАГ. Но не командовать. Входя под конвоем в истоптанную предками колею, иные в меру сил объевреивались. Потянулись к нацкорням. Кстати, мысль о том, что зэки – это нация, есть у Солженицына. Проверяя себя, насколько я русский и насколько еврей, догадываюсь, что прежде всего я – зэк. Гулаговская мораль побеждает всюду: я тебя не трону, но как только ты поднимешь на меня руку или даже голос, ты дашь мне право тебя пришибить. До того, как ты меня пришибешь. К сожалению, примитивная эта мораль работает в планетарном масштабе. Я остаюсь на стороне Шаламова в его отношении к уголовному миру. Хоть мы и зэки разных поколений. Я отношусь к эпохе, когда «политики» начали бить. Структура уголовного мира существует по Марксу. Там нет национального вопроса. По той причине, что есть эксплуататоры и эксплуатируемые. Классовый принцип в уголовном мире раньше был важнее, чем национальный. Теперь многое переменилось.

– Не знаю, слышали ли вы о фильме Михаила Ткачука, развенчивающего «российскую» трактовку событий норильского восстания 1953 года. В России, по мнению Ткачука, считают, что ведущая роль в этих событиях принадлежала русским заключенным. Однако, собрав достаточное количество информации, он пришел к выводу, что семьдесят процентов участников восстания – украинцы, члены ОУН-УПА.

– Я фильм не видел, ничего о нем не слышал. Должен сказать, что норильчане благоволят к исследователям истории Норильска. Опирались ли Михаил Ткачук на вышедшие книги воспоминаний – не знаю. Судя по трактовке фильма, не уверен. У меня случались друзья среди «бандеровцев». Восставшие норильчане признавали, что инициаторами этого восстания были «этапы», прошедшие из Казахстана, из Майкадука, в котором я сидел. Некоторых из восставших я знал. Я знал, что количественно-основной контингент норильского восстания (не могу говорить о процентном соотношении) действительно состоял из западных украинцев, но это никак не означает, что они были – всегда были – во главе восставших. «Бандеровцы» и другие украинские националисты отличались от многих заключенных тем, что были людьми с боевым опытом. Наличие организационного начала у них ощущалось и в лагерях. Но национальная спайка была и у казахов, и у чеченцев, и у ингушей. В наиболее крупных восстаниях – в Воркуте,

Норильске, Кенгире – особое значение обретал национальный принцип. Но это не было восстание украинцев против России. Это было восстание против режима.

Распрощавшись с «культом личности», мы так и не распрощались с культом смерти. Мы дышим душами наших предков. Подлинное покаяние не имеет четких временных границ, не связано оно и с конкретным местом, но почему-то хочется верить, что увековечивание памяти жертв сталинского террора позволит нам не только покаяться, но еще и осознать, кем мы были до покаяния. Тогда, быть может, выйдем за пределы зла и лжи, которые имеют четкие временные границы и конкретные места.

ПУТЬ К ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМУ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ЖЕЛУДОК

Î àðé Áòèì îá

Павильон «Керчь» во внутреннем двореке Центрального дома художников был набит под завязку. Стулья – впритык, меж рядами не пройти, в боковых проходах и перед «сценой» теснятся фотографы, у входа в павильон – внушительная толпа зрителей, которым не посчастливилось попасть внутрь. 12 июня, на второй день Московского международного книжного фестиваля, проект «Эшколь» замутил здесь литературно-кулинарное шоу «Съешь Шолом-Алейхема».

Не волнуйтесь, к поеданию собрания сочинений классика еврейской литературы, как можно бы заключить из названия, этот хепенинг не имел отношения. Все проще. «Эшколь», знакомящий нас с различными аспектами еврейской культуры, пригласил израильского повара Рона Гершуни, ныне работающего в Москве в ресторанах «Шафран» и «Стейкс», изготовить на глазах изумленной публики несколько блюд, упомянутых в романе «Тевье-молочник».

Рон Гершуни выглядит колоритно, как и должен смотреться шеф-повар, наделенный, помимо профессиональных достоинств, еще и способностями шоумена от кулинарии. Приоткрыв рот и высунув от усердия язык, он раскладывал и смешивал ингредиенты, делился собственными профессиональными наработками и отвечал на раздающиеся из зала «провокационные» вопросы: «почему вы стали поваром?», «кошерны ли принесенные продукты?», «что вы готовите любимой женщине?». Было весело. Пока Рон священнодействовал, поэт и журналист Юлия Идлис работала «диск-жокеем», то бишь обеспечивала звукоряд: говорила о еврейской кухне как составной части национальной культуры и читала с экрана ноутбука цитаты из прозы Шолом-Алейхема, содержащие описания еды.

Проект «Эшколь» не впервые устраивает подобное. Ранее с участием того же шеф-повара с успехом прошли «Съешь Бабеля» и «Съешь Шалева». И вот настала очередь основоположника новой идишской литературы Шолома Нахумовича Рабиновича,

писавшего под псевдонимом Шолом-Алейхем. В «Тевье-молочнике» среди других традиционных для ашкеназим блюд упомянуты кугель, форшмак и блинчес. Гершуни не предлагал, как сказали бы музыканты, «аутентичное исполнение»; для того, чтобы приготовить, как в штетлах второй половины XIX века, во двореке ЦДХ пришлось бы сложить печь и топить ее дровами или углем. Гершуни кугель запекал в микроволновке, составляющие для форшмака перемешивал в блендере, а фарш на заранее испеченные блинчики выкладывал с помощью купленного в супермаркете «кондитерского мешка». Сковорода, на которой свернутые блинчес поджаривались, стояла на электроплитке. Поневоле напрашивается аналогия с клезмерской музыкой, исполняемой на электроинструментах.

Выбранные блюда действительно типичны для ашкеназской кухни, на формировании и характерных особенностях которой сказалось то, что это кухня бедноты. Традиционная еврейская семья была многодетной, рождение детей считалось делом, угодным Б-гу, таких понятий, как «предохранение» и «планирование семьи», в местечке не знали. Хозяйке приходилось исхитряться, чтобы накормить всех. Отсюда – использование для увеличения объема хлеба и овощей в мясных и рыбных блюдах, применение перца, лука и чеснока как ингредиентов, вызывающих аппетит, и обогащение вкуса блюд фруктами. Все это есть в рецептах Рона Гершуни, представляющих собой современные вариации классических фруктового кугеля, форшмака и блинчес.

«Тевье-молочник». А. Каплан.

В советское время изданного по-русски Шолом-Алейхема читали только евреи. И то не все, а интересующиеся своими корнями, желающие, так сказать, прикинуть к истокам. Вместе с тем, многие еврей-интеллектуалы испытывали противоречивые чувства к этому разрешенному советской властью еврейскому классическому писателю. Им нарисован быт прозябающего и униженного народа, обобщенный герой Шолом-Алейхема – «человек воздуха». Такое прошлое хочется забыть, как дурной сон, а не любоваться и умиляться

им. Это отношение к наследию Шолом-Алейхема ярко выразил Юрий Карабчиевский в своем романе «Жизнь Александра Зильбера», написанном в позднесоветские времена и изданном в начале перестройки. А сейчас, когда по-русски изданы и Зингер, и израильские авторы, когда Шолом-Алейхем – не единственный, его, боюсь, читают еще меньше, чем прежде. Проекту «Эшколь» удалось придумать attractive форму подачи этого и других прозаиков, что, будем надеяться, увеличит число их читателей.

Наблюдение за приготовлением еды вызывает аппетит. Все, предложенное Роном Гершуни, было «сметено» зрителями шоу в рекордные сроки. И тот, кто, возможно, не прочел ни одной страницы Шолом-Алейхема, смог, благодаря блюдам ашкеназской кухни, приобщиться к еврейству на уровне вкусовых рецепторов, перенестись в прошлое и испытать ощущения, какие испытывали его предки и современники замечательного писателя.

Война была у каждого народа своя

С подачи «приватизировавших» Великую Победу современных сталинистов и примкнувших к ним российских нацистов-антизападников в коллаборационизме обвиняются именно те народы, которые стали жертвами «раздела» со стороны Сталина, – балтийские три страны и Молдова, – а также те, которые потеряли свою государственность ранее и поддерживали Германию по принципу «враг моего врага – мой друг»: Хорватия, Словения, Ирландия, крымские татары и пр. К сожалению, такой односторонний подход находит иногда отражение и на страницах вашего журнала, а также других еврейских изданий.

По существу, вторая мировая война (и первая, кстати, тоже) была сплетением многих разных войн, для каждого народа своей. И каждый народ имеет право со своей точки зрения, с точки зрения своей войны, а не переплетенных тогда с нею других войн других народов, решать, кто был поработителем, а кто освободителем, делить участников войны на «белых» и «черных», решать, какой из тоталитаризмов и империализмов был для них «меньшим злом». Если для евреев Гитлер – творец Катастрофы, а Сталин и СССР воспринимаются как спасители от Гитлера, то почему многие евреи не могут понять, что для других народов – прибалтов, крымских татар, чеченцев – могло быть все как раз наоборот?! И не следует свою, еврейскую, оценку навязывать всем остальным. Не следует упрощать, определяя как коллаборантов и «нацистских пособников» всех тех, кто оказался во второй мировой по одну сторону с Германией, потому что многие из них воевали не «за» нацистский тоталитаризм, а «против» другого тоталитаризма и империализма – советско-российского. Еще хуже откровенно подпевать тем, кто сознательно «сатанизирует» всех воевавших против сталинского режима, «сатанизирует» всех противников сталинского СССР с целью обеления, исторической реабилитации и даже возвеличивания Сталина и сталинизма, отрицая его злодеяния. Кроме того, это еще раз ранит тех людей и те народы, которые стали жертвами репрессий и уже столько лет безуспешно надеются на «Нюрнберг-2» для этого режима. Такой подход, я скажу, ничем не отличается от действий тех, кто приходит на праздник 9 мая с портретом Сталина. А по-настоящему, ради справедливости и ради памяти миллионов невинно убиенных, следовало бы за появление в общественном месте с портретом Сталина привлекать к такой же ответственности, как и за портрет Гитлера...

Почему у нас в Украине среди противников восстановления справедливости по отношению к ветеранам УПА ветераны-евреи – на втором месте (на первом – ветераны НКВД и особых отделов)? Для украинцев вторая мировая означала гражданскую войну: одни воевали в Красной Армии против Гитлера и за советскую Украину, другие – в УПА и дивизии «Галичина» против Сталина и за независимость. И разобраться в украинской оценке войны должны сами украинцы между собой. Просьба другим не вмешиваться!

È. Àèòàð

Àíàíðíàòðíàñè

Вы читали? *Михаил Эдельштейн. Розанов, Флоренский и христианские младенцы // 2008, № 4*

Реакция. О Флоренском и Розанове – очень грустно. А порадовало то, что автор статьи не призывает к хуле, но тоже как бы весьма сожалеет. Мои представления об этих философах не то чтобы совсем уж справочные, но как у всякого обильно читавшего

некогда «технаря». Я бы, может, и не поверил, но цитаты убеждают. Когда читаешь статью, понимаешь, что мимо революции России было не пройти. А еще понимаешь, что антисемитизм начинается со спокойного семейного осуждения евреев. Как же все основательно запуталось, и, главное, как давно все запуталось!

À. Áì èò ðèáá

Ì ìíèáá

Вы читали? *Беседу ведет Афанасий Мамедов. [Мой первый Бабелон](#) // 2008, №*

7

Реакция. Давно, еще с советских времен, мне не приходилось писать в газеты, но здесь хочется вспомнить старый лозунг, который памятен людям моего возраста: «Не проходите мимо!»

Когда-то так привечали нарушителей общественного порядка, уснащая стенды соответствующими осуждающими карикатурами. А тут – живой, веселый и даже отчасти хулиганский Бабель.

Живой он не только на фотографии, сама история которой – уже готовый бабелевский сюжет. У вас, господа, даже профессура видит живого Бабеля, а для писателей Маркиша и Эппеля – он и герой, и проблема, и вызов их собственной литературе.

Кстати, была у вас рецензия на книгу писем Бабеля, которую в Одессе я ни у кого не видел. Неужели даже московский четырехтомный Бабель все еще не полный? Меня волнует и легенда о пропавшем романе Бабеля, которую обсуждают профессора, – есть ли тут надежда? Так хотелось бы верить, что когда-то Бабель станет полным.

Ÿ. Áàèèîáèèèé,

Ì ááííá

Вы читали? *Борис Жутовский. [Две «стекляшки» в руках истории](#) // 2008, № 7*

Реакция. Навести по матовому стеклу, вставить матовое стекло, убрать кассету... Откуда такой опыт у никогда ранее не снимавшей девушки?! Скорее всего, из рассказанной нам истории за давностью лет выпали какие-то фрагменты. Или Роман Кармен оказался гениальным фотографом и рассчитал не только выдержку: «Произнеси двадцать один, двадцать два, двадцать три...» – он и свет ей двухсторонний спроектировал.

В любом случае рассказ Жутовского живой и очень интересный.

Ë. Èÿòîáèèèèé,

Ì íáííèáèèèèèè

ДЕНЬ И НОЧЬ ДОКТОРА ПЕВЗНЕРА

Bêlâ O'ânô'ad

«Двадцать шестое мая Русальный день: где русалки пробегут, там травы густы, где полежат – всходят цветы, где выжмут косы – там грибы в осень. Доктор, вы встречали сегодня русалок?»

Терапевт Певзнер, крепкого сложения брюнет, чем-то похожий на ворона в белой докторской шапочке, хмыкнул и передвинул мышку на графу «Ответить».

«Да, только что видел одну в очереди за новыми купальниками», – быстро отстучал он по клавиатуре лэптопа и кликнул указательным пальцем ENTER.

В электронных недрах компьютера что-то слегка зажужжало, и ответ стремительно унесся по бесконечным проводам, проволочкам и нитям всемирной паутины. Доктор откинулся на спинку кресла и сладко потянулся крепким, хорошо задрапированным телом.

До конца дежурства оставалось три часа. Потом бассейн, сауна, сорок минут на тренажерах и домой. Ужин, жена, широкая постель с хрустальным бра в изголовье, от которого по стенам разбегаются цветные пятнышки мягкого света. Жена опять заведет разговор о ребенке... Что ж, возможно, пришла пора подумать и об этом. Хотя нет. Еще год, полтора. Пусть раскрутится его новая практика, и вот тогда...

Певзнер выпрямился и посмотрел на экран. Ого, ответ уже пришел.

«Когда я была русалкой, купальники не были у нас в моде. А какой фасон теперь носят русалки? Для хвоста отдельный купальник?»

Он снова хмыкнул и написал:

«Да нет, хвост наружу».

Закончив с отличием медицинский, Вадим Певзнер несколько лет проработал в больнице и быстро понял, что из этого роя не выйдет ничего хорошего. Денег едва хватало на одежду и минимальное обеспечение жизнедеятельности. Обо всем другом оставалось только мечтать. Но не деньги главное, нет, не деньги. Ему хотелось чего-то большего, чем поденщина на кровавом больничном конвейере.

И он снова пошел учиться. Новая специальность звучала куда более привлекательно, чем старая: сексопатолог.

«В наш сумасшедший век, – думал Певзнер, – когда все заботятся только о себе и своих удовольствиях, у врача с таким профилем не будет отбоя от клиентов».

Учился Певзнер по вечерам, а для привлечения клиентуры начал заблаговременную рекламную кампанию. Открыв блог на бесплатном сервере Mail.ru, он честно выложил всю информацию о себе. Ксерокс диплома, справку про специализацию

на сексопатолога, благодарственные письма от больных. Все подлинное, настоящее, без обманок.

«Честность – лучшая реклама», – считал Певзнер.

Правда, с фотографиями он чуть-чуть схитрил. Нет, это были его всамделишные фотки, только слегка приукрашенные умелой рукой. За них пришлось выложить хорошие бабки профессиональному фотографу, но работу тот выполнил на все сто: облик врача внушал абсолютное доверие. Этаким мудрый, теплый, но вместе с тем молодой и энергичный человек. Так и хочется поведать ему о своих проблемах и спросить совета.

«В качестве начальной акции, – значилось на первой странице блога, – доктор Певзнер консультирует бесплатно».

Тут уж и дураку становилось понятным: доктор гребет столько зелени, что может позволить себе быть щедрым.

Письма посыпались моментально. Правда, поначалу писали ищущие развлечения абоненты. Понять, кто скрывается в сети под именами и фотографиями, невозможно, поэтому Певзнер отвечал всем.

«Доктор, у вас такие умные и чуткие глаза, давайте дружить», – писала одна скупающая дама.

«В каждой шутке есть доля шутки», – отвечал Певзнер.

«Именно на такой мудрый ответ я и надеялась! Спасибо вам за то, что вы имеете чувство юмора и такта», – откликнулась дама и спрыгивала с контакта.

Приходили и наглые дурачки, писавшие похабщину и матерщину. Супротив них доктор запуская спецпрогу, определял IP-adress нахала и навсегда закрывал доступ.

Первые две недели на блог заглядывали только такого рода посетители, но Певзнер не терял терпения, и вскоре начались более серьезные заходы:

«Доктор, простите, что забераю ваше время!!!! Просто хочется рассказать наболевшее, конечно есть подруги, но – это не то!!

Вас я не знаю – это проще. В своей жизни я сделала самую большую глупость. Я считала себя сильной женщиной, но наверно переоценила свои возможности. Мне надоело терпеть, что мой муж не только не как за каменной стеной, но даже на плохую изгородь не похож и я ушла от него. Взяла только детей, даже вещи не взяла, хотя сама все заработала. Вот пишу, а на душе до сих пор тяжело вспоминать. Может, надо терпеть было? Дети меня поддерживают, говорят ты мама у нас сильная. А какая я сильная, по ночам в подушку плачу!

Как теперь жить? Сама не знаю? Извините, писала – плакала. Зачем вам говорю, сама не знаю, честно!!»

И Певзнер отвечал, утешая и советуя. Конечно, дальше чем «спасибо, спасибо вам, доктор» дело не шло, но он и не рассчитывал на нечто большее.

Когда количество посещений перевалило за сотню в день и отвечать на все вопросы он уже не мог, пришлось заняться фильтрацией. Певзнер заготовил несколько стандартных ответов, подходивших к типичным ситуациям и рассылал их, почти не вчитываясь в суть задаваемых вопросов. Но жителям Москвы и Московской области, то есть потенциальным клиентам, он уделял особое внимание. До корочки сексолога его отделили полгода, к тому времени он планировал повесить на блоге адрес и телефоны своего кабинета и приступить к частной практике.

На вопросы Певзнер отвечал во время дежурства в больнице, то есть за те же деньги. Некоторые письма его забавляли, и он развлекался, отвечая легко и не задумываясь.

Лэптоп мигнул, показав, что на блог пришло новое сообщение:

«Ладно, забудем русалок. Мне в детстве нравилось парить вдоль улиц на уровне второго этажа, зато сейчас я летаю в основном в звездном небе».

Он быстро набрал:

«Так вы не русалка, а ведьма», – и нажал ENTER.

За окном нудно колыхался дождь. Крупные капли, словно большие слизняки, ползли по стеклу, оставляя за собой влажные следы. Что за погода – уже конец мая, а солнечных дней практически не было.

Певзнер подошел вплотную к низкому подоконнику и уперся лбом в холодное стекло. В старом медицинском учебнике он прочитал, что таким способом сто лет назад предлагали снимать головную боль. Певзнер усмехнулся.

«Как далеко ушла медицина всего за сто лет! Трудно даже представить, чем могли помочь больному врачи без рентгена, томографа, ультразвука и прочей современной техники. А лекарства... Если разобраться, в распоряжении врачей прошлого века были в основном слова утешения».

Он отлепил лоб и посмотрел на оставшееся мутное пятно.

«Как ни странно, но в нынешнем, напичканном электроникой и химией медицинском мире больше всего недостает именно этих слов, самого простого, доступного и дешевого средства врачевания. Именно за этим ко мне и приходят люди».

– Слова, слова, слова, – прошептал Певзнер. Он уже начал потихоньку принимать клиентов, честно предупреждая, что еще не закончил специализацию, но это, похоже, их не интересовало. Они хотели побыстрее услышать от него слова, да, всего только слова, и готовы были платить за них очень немалую цену.

Его бизнес-план оказался удачным: выручка за пять-шесть сеансов сексопатолога с лихвой перекрывала месячную зарплату больничного терапевта.

В дверь постучали.

– Вадим Ёсич, можно?

Он вернулся к столу, опустил окно блога на нижнюю панель и ответил:

– Да-да, войдите.

Зоя, сестра его отделения, чуть приоткрыла дверь и ловко протиснула полное тело в образовавшуюся щель. Высокая блондинка в обтягивающем халатике. Две верхние пуговицы, как всегда, в его, Вадима, присутствии, расстегнуты.

Он внутренне улыбнулся. Как всегда... Он специально проследил – когда его нет рядом, халат глухо законопачен до самого верха. Зюечка явно строит ему куры. Простая девушка из Московской области, Петушки или Люберцы, он и не помнит точно, хоть она и называла, хочет закрепиться в большом городе. Смешно-с!

В принципе, он не против, хоть Зюечка не совсем в его вкусе. Ему больше импонируют худощавые брюнетки, темные и волнующие, как лунная ночь. Белесые прямые пряди и пышно клубящаяся плоть нравятся меньше, хотя не оставляют равнодушным, нет, не оставляют.

Но на работе он не хочет никаких отношений. Это ведь только поначалу они томно вздыхают и готовы на все. А потом начинаются обиды, упреки, претензии, перешептывания с подружками, а там, глядишь и жалобы, слезы. В общем, тайное быстро становится явным. К чему эти проблемы?

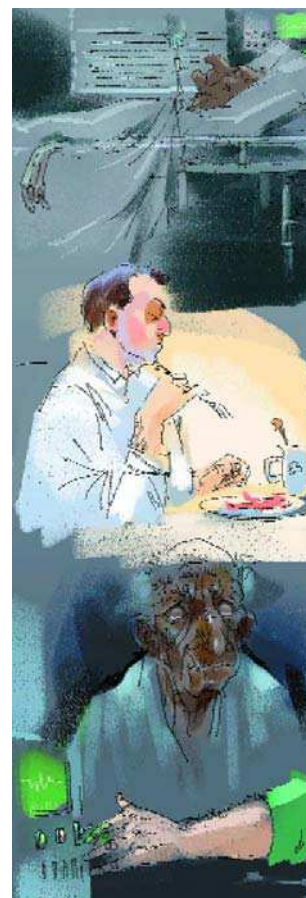
О верности жене Вадим даже не думал. Да и что такое верность? Старое, стертое слово. Рассуждать нужно научно или, по меньшей мере, практично. Если ему удобно не изменять жене, он этого не станет делать. Не из-за каких-то непонятно кем придуманных принципов, а по конкретной причине обязанностей человеческого общежития. Ты мне, я тебе. Звучит банально и пошло, но тут-то и кроется самая глубокая истина. Если жена хочет удержать его только для себя, она должна постараться создать условия, при которых хлопоты по завязыванию знакомства и прочая куртуазная возня, предваряющая «то самое», станут для него обременительными, не стоящими конечного удовольствия.

– Да, Зоя, что случилось? – он постарался придать своему голосу строгость, сухость и вместе с ними некую проникновенность, подчеркивающую их общность, рабочую близость людей, тянущих одну упряжку.

– Больной из спецпалаты. Что-то он мне не нравится. Может, посмотрите?

– Да, конечно. Только принеси, пожалуйста, его карточку.

– Конечно, конечно, доктор, – Зоя выпорхнула из кабинета.

Сложись удобные условия, он бы, прямо скажем, был не против. Есть что-то обволакивающее в ее улыбке, блеске ровных зубов. Когда он полностью перейдет на частную практику, можно будет позвонить, назначить встречу. Надо попросить у нее номер сотового... Хотя, когда он уйдет из больницы, Зочка, скорее всего, утратит к нему интерес.

«А этот Бергман, больной из спецпалаты... Она просто ищет повод с ним заговорить... Чем уже можно помочь бедолаге...»

– Вот, Вадим Ёсич, – Зоя, склонившись, положила на стол папочку Бергмана. Склонилась она больше, чем нужно, так что ворот халата, не сдерживаемый двумя пуговицами, отвис, демонстрируя то, чем Зочка хотела привлечь его внимание и благосклонность. Но доктор Певзнер немедленно перевел взгляд на дело больного.

– Побудь пока там, я приду через пару минут.

– Хорошо, Вадим Ёсич.

«А духи у нее чересчур приторные. Слишком крепко она поливает ими свои прелести. Да и для работы такого рода запах не подходит, ему место в театре или в ресторане. Хотя Зочка наверняка побрызгалась ими прямо за дверью, специально для меня».

Он поднял глаза и посмотрел в окно. В парке, окружавшем больницу, стояла немислимая тишина. Блестящие лужи на черных асфальтовых дорожках отражали низкое серое небо, покрытое густой пеленой клочковатых облаков. Бледность и чистота заполняли парк.

«Да, Бергман. Что с ним, посмотрим еще раз. Прогрессирующая водянка головного мозга, многолетняя кома, не контактирует со средой, возвращающееся воспаление мочевых путей, вода в легких...»

Он отложил папочку.

«Б-же мой, чего они хотят от этого человека? Зачем тащат его по дороге мучений? Если бы сын или дочь, кто платит эти бешеные деньги, знали, что ощущает их отец. Если он молчит, это вовсе не значит, будто все внутри атрофировалось. Трудно даже представить себе больший ужас: столько лет быть запертым в клетке собственного тела и страдать, не имея возможности заплакать, попросить мучителей о жалости!

Нет, – оборвал Певзнер свои мысли, – он давно ничего не чувствует. Плавает в слоистом тумане бессознательности».

Он снова открыл папочку и пробежал глазами последние записи.

«Ого, так беднягу уже подключили к реанимационной аппаратуре. К чему, зачем, для чего продлевать эту жизнь? Достаточно десятиминутного перебоя в подаче электричества, и Бергман перестанет мучиться. Самый простой и рациональный выход. Впрочем, спецпалата подключена к автономному генератору. Так что Бергману предстоит еще пара дней страданий. Но не больше».

Он еще раз просмотрел записи.

«Да, от силы два-три дня. И упокоится с миром».

Певзнер встал, с хрустом потянулся, радостно ощущая тугую крепость тренированных мышц, одернул халат и пошел в спецпалату.

– Он хрипеть чего-то начал, – доложила Зоя. – Похрипит-похрипит и затихнет. А на приборах все вроде нормально, чего ж ему хрипеть?

«Чего ж ему хрипеть! – повторил про себя Певзнер и усмехнулся. – В таком положении не хрипеть нужно, а выть, задыхаться, руки грызть от боли».

– Сейчас посмотрим, – деловито сказал он и стал просматривать один за другим показания приборов. Зюечка была права, судя по цифрам, ухудшения не наблюдалось.

Он взял сухую руку больного, пощупал пульс. Просто так, ведь ритм сердечной мышце задавала машина. Старик захрипел, едва заметно дергая головой, и смолк.

– Доктор, я вас оставлю на пару минут, хорошо? – спросила Зоя. – Совсем забыла, в пятой палате уколы надо делать.

– Иди, иди, – сухо отозвался Певзнер, отпуская руку.

Зоя вышла, откровенно вертя задом. Тонкая ткань халата рельефно очерчивала высокие, волнообразно передвигающиеся бедра.

Его вдруг охватила злость. И на эту дуру, так называемую сестру милосердия, не понимающую, как надо себя вести возле постели умирающего, и на добреньких, благороденьких его деток, за деньги продлевающих мучения несчастного старика, и на идиотские законы, заставляющие тащить на помочах уже отжившее тело.

«Да не будь всех этих приборов, – Певзнер обвел глазами палату, мигающие лампочки, экраны осциллографов, панели, усеянные тумблерами и кнопками, из-за чего палата походила на кабину авиалайнера, – Макс Бергман давно бы уже лежал на кладбище и спал спокойно, под шелест листьев и посвистывание ветерка в ограде могилы».

Певзнер встал, решительно пересек палату и быстрым движением опустил вниз тумблер одного из приборов. Лампочки замигали красным, жалобно запищал зуммер.

«Достаточно пяти минут, – подумал Певзнер. – После этого, даже если включить прибор, пойдут сбои, и через час бедолаги не станет. Человеколюбие и здравый смысл подсказывают мне поступить таким образом. Да, именно человеколюбие и здравый смысл».

Он отсчитал по секундомеру пять минут. Звук зуммера вздымался и опадал в заданной гармонии, паузы проваливались между тонкими всплесками, тяжелые, точно камушки. Певзнер добавил для верности еще минуту и включил прибор.

Старик лежал тихо, нос пожелтел, восковой белизны щеки ввалились.

«Он давно уже умер», – устало подумал Певзнер. Злость куда-то пропала, тяжесть заканчивающегося дежурства вдруг навалилась на плечи. Тупо заныла шея. Он встал и пошел к двери.

– Ты пригляди за Бергманом, – сказал он Зоечке, о чем-то болтавшей в коридоре с техработницей. Ее халат был застегнут на все пуговицы.

Старик скончался через сорок минут. Дрожащая, извилистая синусоида на экране осциллографа превратилась в прямую линию. Певзнер спокойно написал заключение, проследил, как забирали тело, прошелся по палатам, потом сдал дежурство и отправился домой.

Вечерний туман заполонил парк. Косматые полосы висели между деревьями, словно кто-то развесил сушиться рваные простыни. Черный мокрый асфальт дорожек в сумерках казался еще чернее, а желтый свет из окон больницы неожиданно затеплился домашним уютом.

«Вот в таком же тумане плавала душа Бергмана, – подумал доктор Певзнер, – пока я не выпустил ее на свободу. Впрочем, какая еще душа?»

Он усмехнулся и ускорил шаг. Туман при соприкосновении оказался влажной пустотой, чуть застывшей глаза.

– Рассуждать нужно научно, – прошептал Певзнер, – только научно. Нет никакой души, нет ни Б-га, ни черта. Мистика – вздор, досужие выдумки, сказки для дурачков. Пока живет в человеке сознание, живет и мир вокруг него. Для Бергмана все закончилось пять или шесть лет тому назад. Я исполнил свой долг, долг врача, понимающего, что происходит на самом деле. А остальное – острова.

Он отыскал на стоянке свой «kia rio», вытер дворниками запотевшее стекло, включил «Эхо Москвы» и через пять минут уже стоял в пробке на проспекте Мира. Конечно, добираться до дома было куда быстрее на метро и автобусе, но автомобиль – это статус, принадлежность к определенному классу. Не только в глазах окружающих, а в первую очередь – в собственных. Железная коробка на колесах придавала Певзнеру больше уверенности, чем с отличием законченный курс.

Сорокаминутную прогулку по тренажерам Певзнер проскочил на автопилоте. Шло туговато, словно на исходе сил, но он не стал придавать этому факту никакого значения. День лучше, день хуже. Когда хуже, недостаток тонуса компенсируется усилием воли. А воли у него хватает.

Радостное сознание хорошо исполненного долга неукротимо вплеталась во все упражнения, плыло рядом в бассейне, витало в хлопково клубящемся паре сауны. Даже в переливах звонка в дверь его квартиры тоже слышались победные, ликующие трели.

Когда Жанна была дома, Певзнер никогда не открывал дверь своим ключом. Мало ли... Из этой малости могло прорасти слишком много. Наученный неприятным случаем с одной из кандидаток на совместную жизнь, после которого, разумеется, ни о какой совместной жизни уже не могло быть и речи, он больше не рисковал появляться внезапно. Даже загодя предупредив о своем приходе по телефону, он всегда звонил, пользуясь ключом только в том случае, когда был твердо убежден, что в квартире никого нет.

Жанна, ловкая худощавая брюнетка, привычно чмокнула его в щеку и повела на кухню ужинать. Есть не хотелось – суточное дежурство и сауна отбили аппетит. Но Певзнер из вежливости поковырялся в тарелке, похвалил стряпню жены и перебрался в

спальню, под хрустальное бра в изголовье супружеской постели, от которого по стенам разбегались цветные пятнышки мягкого света.

Обычно суточная разлука заканчивалась бурным финалом, но когда Жанна, прикорнув рядом, отработанным движением положила руку на бедро мужа, Певзнер не отозвался. События минувшего дня все еще текли сквозь него, словно вода из-под тающего снега, собираясь под ложечкой, точно в грязной, заросшей травой и корнями яме. Лежа на боку, он вдруг почувствовал, как вода из-под ложечки, журча, клубясь и мурлыкая, пробивается в его будущее, омывая скрытые клады, подтачивая зарытые в укромных местах скелеты, чтобы где-то далеко, вырвавшись на поверхность, растечься в сияющие на солнце ручьи. Это ощущение было таким новым, неожиданным и увлекающим, что Певзнер даже не заметил призыва Жанниной руки и погрузился в сон.

Он проснулся очень быстро, может быть, спустя всего несколько минут, оттого что в комнате присутствует кто-то чужой. Свет уличного фонаря тускло освещал сидевшего в кресле человека. Певзнер рывком соскочил с кровати, готовый дать отпор забравшемуся воришке, но тут же замер.

Опершись руками на подлокотники, в кресле сидел старик Бергман. Выглядел он точно так же: желтый нос, ввалившиеся восковой бледности щеки, узкие полоски губ, седая щетина на плохо выбритом подбородке. Только глаза были открыты. Певзнер всмотрелся, и сердце ухнуло в глубокую яму, а дыхание сбилось.

Глаза старика представляли собой белые выпуклые полушария, словно глаза античных скульптур. Но они жили, двигались, следя за Певзнером, и это движение слепых глаз было неожиданным и ужасным.

От старика исходила физически ощущаемая волна ужаса, леденившая кровь. Он молчал, но в его молчании крылись упрек и угроза.

«Может, мне все снится», – в отчаянии подумал Певзнер и посмотрел на Жанну. Та спала, раскинувшись, сползшая ночнушка открывала голое плечо и рассыпавшиеся по плечу волосы. Видение было слишком реальным, чтобы допустить мысль о сне.

Старик закашлялся. Прежде Певзнер никогда не слышал его голоса, ведь в больницу Бергмана доставили в коматозном состоянии.

– Что же ты наделал, сынок? – проскрипел старик, и от его слов Певзнеру стало легче. Интонации были не угрожающими, а обращение «сынок» успокаивало.

– Мне оставалось мучиться еще три часа – и все, круг бы замкнулся. А теперь... – он надсадно закашлялся, и Певзнер испугался, что Жанна проснется. – Теперь мне все предстоит начинать сначала, – добавил старик и вдруг заплакал. Он рыдал не по-стариковски, а как плачут обиженные дети, навзрыд, захлебываясь слезами, и Певзнеру вдруг стало безумно жалко этого старика. Он не понимал, что означают его слова и в чем, собственно, таится упрек, но сострадание шевельнулось в его вернувшемся на место сердце.

– Чем я могу вам помочь? – спросил он участливым докторским тоном.

Старик перестал плакать, отер слезы и поднял на Певзнера античные глазницы.

– Мне уже не поможешь. Себе помогай.

И тут до Певзнера дошла вся невозможность ситуации. Откуда в его комнате взялся умерший больной, смерть которого он зафиксировал собственными руками? Как он проник сквозь железную дверь, запертую на два замка? И чем вообще он может говорить, ведь судя по истории болезни, его голосовые связки давно атрофировались? Певзнер решительно шагнул к креслу, чтобы задать старику эти вопросы и... проснулся.

В комнате стояла глубокая ночная тишина. Светящиеся цифры дигитальных часов показывали половину третьего. Жанна тихонько дышала под боком, сползшее одеяло открывало голое плечо и рассыпавшиеся по плечу волосы.

Стараясь не шуметь, Певзнер выбрался из постели и вышел на кухню. Включил свет, умылся. Спать не хотелось. Он сел на табурет, положил руку на стол, покрытый розовой клеенкой, с изображениями терракотовых кувшинов, пурпурных виноградных кистей и тарелок с итальянскими рецептами. Пальцы мелко дрожали.

«Что за ерунда, – сказал себе Певзнер. – Давай рассуждать научно. Сон – это мираж, отходы жизнедеятельности сознания, свободное перемещение электронов по коре головного мозга. К реальности никакого отношения не имеет. В списках живых не значится. Как Бергман. Но почему ты так убежден, что недавнее видение означает нечто большее, чем холостую работу сознания? Отчего холодеет сердце и дрожат руки?»

Певзнер замотал головой, резко поднялся с табуретки и пошел в кабинет. Включил компьютер, быстрыми толчками пальцев ввел юзернейм и пароль. Новое сообщение. Ах да, он же не ответил бывшей русалке, теперь летающей посреди звездного неба.

«Если я ведьма, то вы убийца», – гласило сообщение.

Певзнер невольно вздрогнул. Какое совпадение!

Русалка послала ему месагу, когда он собирался к Бергману. Но она же не могла знать... Конечно, не могла. Просто мир так велик, многосложен и многообразен, что в нем постоянно случаются всякие труднообъяснимые вещи. И не нужно строить на них теории и культивировать комплексы.

«Почему убийца?» – написал он в окошке «Ответить» и нажал Enter. На ответ рассчитывать не приходилось, вряд ли ведьмочка бодрствует в такое время. К его удивлению, сообщение вернулось почти мгновенно.

«Потому, что все врачи немного убийцы. Не спится, доктор? Дежурство или совесть замучила?»

– Вот дура! – рассердился Певзнер и погасил экран.

Несколько минут он расхаживал по комнате, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Потом открыл ящик письменного стола. Достал коробку из-под гаванских сигар и высыпал на стол прямо пахнущие фотографии. На ломких прямоугольниках старой фотобумаги с извилистым обреза сидели и стояли в

чопорных позах его родственники: седовласые старики в черных шляпах и дамы в платьях с фижмами, оборками, ленточками и прочей модной галантереей столетней давности. Когда-то мать называла имена, рассказывала забавные истории их жизней, но Певзнер никогда не ощущал трепета родства. Эти ветхозаветные старики и старухи не вызывали в нем никаких эмоций. Ему казалось странным и несправедливым, что в его жилах течет их кровь, а их гены определяют его дальнейшую судьбу. Он был человеком иного мира, иного сознания, иной культуры.

Бергман сейчас наверняка жалуется кому-нибудь из этих стариков, хотя бы вот тому, с карабасовской бородой, кустистыми бровями и гневными морщинами на высоком лбу. Посмотрите, мол, что учудил ваш потомок, и тот важно соглашается, сжимая пальцами набалдашник трости.

Певзнер подошел к зеркалу на стене и тревожно заглянул в его темную глубину.

«Вот так сходят с ума, да, именно так. Ну-ка, немедленно возьми себя в руки!»

Он вернулся на кухню, достал из холодильника бутылку пива, резко сорвал пробку и, поднеся бутылку ко рту, залпом выпил. Меньше всего ему хотелось снова увидеть Бергмана, поэтому спать нужно было крепко, без сновидений.

Потом он разбудил Жанну и через полчаса, устало обняв ее теплое тело, моментально заснул, словно провалившись в черную полынью. Бергман не появился.

Утром, протискивая «kia gio» через плотный поток автомобилей, Певзнер понял, что мир вокруг него стал немного иным. В нем появилась новая грань, иная ось вращения событий.

Увидев входящего в отделение Певзнера, Зочка залилась румянцем.

– Доктор, – залепетала она вместо приветствия, – доктор, я не знала, извините, доктор.

Пуговицы ее халата были застегнуты до самого верха.

– О чем не знала? – недоуменно спросил Певзнер.

– Вадим Иосифович? – подошла старшая сестра. – Главврач просил вас, как придете, сразу зайти к нему.

– Что случилось, что за спешка?

– Понятия не имею, – голос старшей сестры звучал холодно и отчужденно. Она, несомненно, знала причину вызова, и холодность, внезапно сменившая привычное дружеское расположение, насторожила Певзнера.

Разговора с главным он не боялся. Главврач напоминал ему пожилого пса, доживающего свой век на коврик перед камином. Старичок блаженно мигал, разглядывая пламя из-под опущенных век, урчал сонно и благодушно, постукивал хвостом по паркету, а иногда, словно вспоминая былую прыть, грозно шевелил лапами,

слегка оскаливая пожелтевшие клыки. Певзнер без труда находил с ним общий язык и был уверен, что сможет выпутаться из любой ситуации.

Главврач, против своего обыкновения, выглядел решительно.

– Вот что, Вадим Иосифович, – начал он, указывая рукой на стул. – Ситуация, в которую угодили вы и мы вместе с вами, весьма щекотлива. Я не прошу вас сразу отвечать на мои вопросы. Подумайте и вернитесь ко мне с полным и точным объяснением случившегося.

– Но в чем, собственно, дело? – в голосе Певзнера звучало вполне естественное удивление, но внутри все замерло от предчувствия беды.

– Видите ли, – главврач смотрел на него без гнева, а с сочувствием, с которым ветеринар оглядывает безнадежно больное животное, привезенное для усыпления, – родственники Бергмана, старика, умершего во время вашего дежурства, установили в палате компьютер, фиксирующий работу всех подключенных к больному приборам. Признаюсь честно, я об этом ничего не знал, а если бы знал, конечно же, не позволил бы. Но, – тут он многозначительно потер указательным пальцем правой руки большой палец, – кто-то из техников получил мзду и подсоединил компьютер. Так вот, сегодня утром они предъявили мне запись, из которой ясно следует, что смерть наступила вследствие отключения одного из приборов. Я опросил сестер и выяснил, что как раз в это время вы проводили осмотр больного. Я точно излагаю события?

Певзнер кивнул.

– Не знаю, что там произошло и не хочу знать. Я готов принять любую вашу версию, но прошу подыскать правильные слова и точные мысли. Идите, подумайте, припомните, как оно было, изложите все на бумаге и возвращайтесь ко мне минут через, – он сдвинул рукав рубашки и взглянул на часы, – пятьдесят, не позже.

Певзнер молча поднялся и вышел из кабинета главврача. Не зря приходил ночью старик с пустыми глазницами, ох не зря. В голове что-то щелкнуло, как щелкает затвор старого пленочного фотоаппарата, и вся его, Певзнера, жизнь вдруг предстала в совсем ином свете. Задышавшись от волнения, он спустился по лестнице и вышел в парк.

Там царил другой день, совершенно не похожий на тот, который Певзнер оставил десять минут назад. Сияющий воздух наполняли ароматы травы, свежих листьев, влажной после ночи земли. Мир ждал перемен, судьбу можно было исправить и переделать, стоило лишь захотеть, протянуть руку и крутануть ее вокруг другой оси.

«Все теперь будет по-другому, – не веря самому себе, подумал Певзнер. – Начиная с этой минуты все в моей жизни будет по-другому».

Негромкие голоса больных, отдохавших на скамейках, резали на дольки пышное тело дня, от взбитых сливок облаков, через синий, воздушный крем пространства до коричневой корки земли. Ловкие руки нянечек укладывали ломтики на подносы и развозили по палатам. Ветер носил между кустов лист газеты, белый, точно пустые глаза Бергмана, ерошил волосы больной, неподвижно застывшей у забора. Ее халатик был застегнут через пуговицу, а руки, нежно и страстно сжимавшие решетку, дрожали.

«Зойка, – со злостью подумал Певзнер, – вот кто настоящая ведьма!»

Газета взмыла, словно воздушный змей, и понеслась вверх, прямо в слепящее, недвижимое небо.

ЗАВИСТЬ, ИЛИ ИДИШ В АМЕРИКЕ

№11099 Ісёе

Эдельштейн, американец уже сорок лет, с жадностью читал книги писателей, как брюзгливо говорил он, «еврейского происхождения». Он считал их незрелыми, вредными, жалкими, невежественными, ничтожными, но прежде всего глупыми. Судя их, он выдвигал самое существенное для него обвинение – они были, по его словам, «Американер-геборен»^[1]. Возвращены в Америке, о погромах знают понаслышке, маме лошн^[2] им чужой, история – пустое место. К тому же многие из них все еще были молоды – черноволосые, черноглазые, с рыжими бородами. Некоторые – голубоглазые, как хедеринглах^[3] его юности. Он был уверен, что нисколько им не завидует, но не мог не читать. Про них писали рецензии, их хвалили, но хотя их считали евреями, они ничегошеньки не знали. Образовалась даже группа писателей-неевреев, их противников, и звучали знакомые до боли нападки: еврейская интеллектуальная номенклатура создает искаженное представление об американской словесности, придает несвойственную ей окраску, подминает под себя и т. д. Как Берлин и Вена в двадцатые. Эдельштейн был твердо уверен: «Юденрейн ист Культуррейн»^[4]. Уберите евреев, и что, так называемая западная цивилизация, станется с твоей словесной культурой?

Для Эдельштейна западная цивилизация была больным местом. Он никогда не бывал в Берлине, Вене, Париже, даже в Лондоне. Он побывал, правда, однажды, еще мальчиком, в Киеве. Его отца, меламеда^[5], пригласили туда частным учителем, и он взял сына с собой. В Киеве они жили в подвале большого дома, принадлежавшего богатым евреям Кирилловым. На самом деле они были Кацы, но за взятку получили русскую фамилию.

Каждое утро они с отцом поднимались по зеленой лестнице в кухню, где пили кофе с черствым хлебом, а потом шли в классную комнату, где растолковывали Хумаш^[6] Алексею Кириллову, маленькому румяному мальчику. Когда отец позволял себе вздремнуть, его натаскивал младший Эдельштейн. Что случилось с Алексеем Кирилловым? Эдельштейн, вдовец шестидесяти семи лет из Нью-Йорка, так называемый идишист, поэт, мог, уставившись на что угодно – на рекламный плакат в подземке, на крышку мусорного бака, на уличный фонарь, оживить в памяти лицо Алексея Кириллова, его пунцовые щеки, его идиш с украинским акцентом, полки механических игрушек из Германии – грузовички, краны, тачки, разноцветные маленькие авто с откидным верхом. Алексеем его называл только отец Эдельштейна, все остальные, в том числе Эдельштейн-младший, звали его Авремеле. Авремеле обладал способностью запоминать все слово в слово. Золотая голова. Теперь он гражданин Советского Союза. Или погиб, сгинул в овраге Бабьего Яра. Эдельштейн помнил каждый вожделенный винтик немецких игрушек. Весной они с отцом вернулись из Киева в Минск. Таяли замерзшие глыбы бурой земли. В вагоне воняло мочой, сквозь дырочки для шнурков в носки просачивалась грязь.

И язык был порушен, изничтожен. Язык – музей. О каком другом языке можно сказать, что он скоропостижно скончался, погиб безвозвратно за одно определенное десятилетие, в одном определенном месте? Где те, кто говорил на этрусском? Кто последний сочинял стихи линейным письмом В?^[7] Аттриция^[8], ассимиляция. Гибель от таинственных причин – не от газа. Последний из этрусков ходит-бродит среди нас внутри какого-нибудь сицилийца. Западная цивилизация, этот чан с дерьмом, все еще держится. Больной человек Европы с огромной башкой-глобусом гниет, но дома, в собственной

постели. Идиш – ничтожная малость, крохотный лучик света – о, этот священный лучик! – исчез, умер. Сгинул. Растворился во тьме.

Это была главная тема Эдельштейна. Лекциями об этом он зарабатывал на жизнь. Подбирал крохи. Синагоги, общинные центры, профсоюзы платили гроши за то, что он обсасывал кости умерших. Дым... Он ездил из городка в городок, из предместья в предместье, оплакивая по-английски кончину идиша. Порой пытался прочитать один-два своих стишка. При первых словах на идише размалеванные старые дамы из реформистских темплов начинали стыдливо хихикать – как на выступлении скабрезного телекомика. Мужчины из ортодоксов и консерваторов вмиг засыпали. Поэтому он перешел на анекдоты.

Перед войной устроили международную конференцию по эсперанто. Проходила она в Женеве. Знатоки эсперанто, доктора филологии, ученые мужи съехались со всего мира делать доклады о происхождении, синтаксисе и применении эсперанто. Кто говорил о социальной значимости международного языка, кто – о его красоте. Среди выступавших были люди всех национальностей. Все материалы подавались на эсперанто. Наконец конференция закончилась, и усталые мужи, вывалив дружной гурьбой в коридор, наконец заговорили между собой на своем международном языке: «Ну, вос махт а ид?»^[9]

Как-то после войны по узкой улочке Нижнего Ист-Сайда медленно двигался похоронный кортеж. Машины, выехав с парковки у храма в Бронксе, направились к кладбищу на Стейтен-Айленде. Их путь пролегал мимо редакции последней в городе ежедневной газеты на идише. В газете было два редактора, их обязанности распределялись так: один печатал экземпляры очередного номера, а второй смотрел в окно. И, увидев похоронную процессию, кричал напарнику: «Эй, Мотл, печатай на один меньше!»

Но и Эдельштейн, и его аудитория особого проку в этих анекдотах не видели. Старые шуточки. Не те и не про то. Им хотелось историй про свадьбы – про винтовые лестницы, про голубей, выпархивающих из клеток, про робких студентов-медиков, – а он им про похороны рассказывает. Говорить об идише было все равно что выступать с надгробной речью. Он был раввином, пережившим всю свою общину. Его язык был доступен лишь призракам.

Новые темплы Эдельштейна пугали. Он опасался использовать слово шул^[10] там, где скрижали были из поддельной бронзы, моторы вращали подвесные мобили в виде простертых рук, покачивались, позвякивая, как подвески люстры, огромные тетраграмматоны^[11] из прозрачного пластика, алтари, помосты, кафедры, скамьи, проходы, ящики из полированного дуба – для молитвенников на английском, со свежесочиненными молитвами. Все пахло сырой штукатуркой. Все было новое. Длинные столы ломились от яств – чего тут только не было: и залитые глазурью торты, и сугробы салата с яйцом, селедка, лососина, тунец, сиг, фаршированная рыба, озера сметаны, серебряные электрические кофейники, чаши с дольками лимона, пирамиды хлеба, тончайшие чашки немецкого фарфора, латунные подносы с твердыми сырами, золотистые бутылки, выстроенные рядами как кегли, искусные фигурки из масла, сказочные домики из кексов и сливочного сыра, стойки с напитками, официанты, крахмальные льняные салфетки, ковры, в которых ноги вязли как в меду. Он узнал, что свою архитектуру они называют «парящей». И как-то в Вестчестере, на стене светлого кирпича он прочитал строки из Писания, отлитые из 14-каратного золота: «И увидишь ты Меня сзади – но лицо Мое не будет увидено тобою»^[12]. Позже, тем же вечером, он выступал в Маунт-Верноне и по завершении лекции в мраморном вестибюле услышал, как девочка-подросток его

передразнивает. Это его потрясло: он и забыл про свой акцент. В поезде, уносившем его назад на Манхэттен, он задремал под перестук колес – подняв воротник пальто, уютно устроился, как в норке, и ему приснилось, что он в Киеве, с отцом. Из открытой двери классной комнаты он смотрел на пылающие щеки Алексея Кириллова восьми лет. «Авремеле, – позвал он, – Авремеле, ком цу мир, лебст ц’ гешторбен?»^[13] И услышал, как вопит по-английски: «Посмотри на мою задницу!» Отрыгнул и проснулся в горячечном ужасе. Его напугало, что он, быть может, сам того не подозревая, был всю жизнь скрытым педерастом.

Детей у него не было, только несколько дальних родственников (двоюродный брат – аптекарь в Уайт-Плейнс, свояк с химчисткой, обитавший где-то в негритянском районе Браунсвилла), поэтому он довольно часто околачивался в квартире Баумцвейга – с пыльными зеркалами и помутневшим хрусталем, где все обсыпалось и трескалось, как в заброшенной шахте. Людские жизни прошли здесь и закончились. Глядя на Баумцвейга и его жену, сероглазую, неповоротливую, с мясистым польским носом, он думал, что в этом возрасте – их и его – уже все равно, есть у тебя дети или нет. У Баумцвейга было двое сыновей: один, женатый, был профессором в Сан-Диего, другой, которому еще не исполнилось тридцати, жил в Станфорде и обожал свой автомобиль. У сына из Сан-Диего был сын. У него создалось впечатление, что Баумцвейг с женой изображали отъединенность от своих отпрысков исключительно из уважения к его бездетности. Фото внука, пухлогубого светловолосого малыша лет трех, было засунуто между двумя бокалами на верхней полке горки с посудой. Но потом стало ясно, что жизни своих детей они себе не представляют. Как дети не представляют себе их жизни. Родители не умели, а дети не давали себе труда объяснить. Поэтому они зашли в тупик немоты. В этой квартире Джош и Мики выросли, отвечая на идиш родителей по-английски. Немота. Мутация. Какое право имели эти мальчишки извергнуть из себя вскормивший их идиш в угоду западной цивилизации? Эдельштейн знал темы их докторских диссертаций: оба мальчика были с литературными наклонностями, один писал о сэре Гавейне и Зеленом рыцаре^[14], а другой – о романах Карсон Маккалерс^[15].

Апатичная жена Баумцвейга отличалась острым умом. Она сообщила Эдельштейну, что у него тоже есть ребенок, сын.

– Это ты, ты сам, – сказала она. – Ты помнишь себя мальчиком, этого-то мальчика ты и любишь, ему доверяешь, его оберегаешь, его воспитываешь в надежде, что из него вырастет настоящий мужчина. – Идиш у нее был богатый, только вот голос слишком пронзительный.

У Баумцвейга была хорошая работа, синекура, замаскированная пенсия – собственный кабинет, секретарша на неполный день, пишущая машинка с еврейскими буквами, с десяти до трех. В 1910 году один предприниматель-филантроп, занимавшийся производством слабительных средств, основал организацию под названием «Идиш-американский союз в помощь литературе и социальному прогрессу». Все знаменитости, входившие в него, уже умерли – по слухам, с месяц в него платил взносы даже известный поэт Егойош^[16], однако имелся фонд, обеспечивавший дальнейшую работу Союза, и деньги, которых хватало на то, чтобы два раза в год издавать альманах на идише. Его редактором и был Баумцвейг, однако от Союза ничего не осталось, только несколько порыжевших, потрескавшихся снимков, изображавших евреев в котелках. Жалованье ему платил внук производителя слабительного, политик-республиканец, член епископальной общины. Знаменитый продукт назывался «Тепленький» – в рекламе говорилось, что дети любят, когда его разводят в тепленьком какао. Полузабытый альманах носил название «Битерер Ям», «Горькое море», но подписчиков было столь мало, что жена Баумцвейга

называла его «Симпатические чернила». Баумцвейг там в изобилии печатал собственные стихи и немного – Эдельштейна. Баумцвейг писал в основном о смерти, а Эдельштейн – в основном о любви. Они оба были сентиментальны, но не по отношению друг к другу. Друг друга не любили, хоть и были близкими друзьями.

Иногда они читали вслух, среди пустых пыльных ваз, свои новые стихи, условившись наперед, что один другого критиковать не будет: их критиком была Пола. Разнося кофе в мутных стаканах, жена Баумцвейга говорила:

– Очень, очень мило. Но слишком печально. Господа, жизнь не так печальна.

После чего она неизменно целовала Эдельштейна в лоб, и от этого вялого поцелуя у него на бровях зачастую оставались крошки печенья: она была чуточку неряхой.

Дружба Эдельштейна с Баумцвейгом зиждилась на страшной тайне: фундаментом ее была обоюдная ненависть к человеку, которого они называли дер хазер. Свиньей его прозвали за исключительно белую, как вываренный окорок, кожу, а еще за то, что за последние десять лет он стал невероятно знаменит. Когда они не называли его свиньей, то называли шед – дьяволом. А еще прозвали его Янки Дудл. Его звали Янкл Островер, и он писал рассказы.

Ненавидели они его за ни с того ни с сего обрушившуюся на него славу, но никогда об этом не упоминали. Зато обсуждали его стиль: идиш у него был неряшлив, фразам недоставало изящества и плавности, разбивка на абзацы была бессмысленной и непрофессиональной. Или же возмущались его тематикой – всюду сквозила болезненная сексуальность, от всего несло паранойей, порнографией, извращением: мужчины обнимались с мужчинами, женщины ласкали женщин, описывались содомиты всех мастей, мальчишки совокуплялись с курами, мясники, чтобы лучше орудовать ножом, пили кровь. Все истории происходили в вымышленном польском местечке Цврдл, и в Америке не осталось практически ни одного интеллектуала от литературы, для которого «Цврдл» не стал бы обозначением непристойности. Про жену Островера говорили, что она высокородная полячка из «настоящего» Цврдла, дочь мелкого князька, которая не знает на идише ни слова и произведения супруга читает с грехом пополам по-английски, однако и Эдельштейн, и Баумцвейг за долгие годы встречались с ней не раз – то на одном собрании, то на другом – и считали, что привлекательности в ней не больше, чем в горшке с тухлой рыбой. На идише она говорила с мерзким булькающим выговором уроженки Галиции, словарный запас у нее был жиденький – правильнее было бы сказать, что на идише она не говорит, шутили они, и вдобавок выговор у нее был мяукающий, как у

торгующейся крестьянки. Она была приземистая, кряжистая – поперек себя шире, с отвисшей грудью и плоским задом. Островер, частью издеваясь, частью возвеличиваясь, произвел ее в княжны. Он заставлял ее приносить из их спальни хлыст, которым, как он утверждал, она, носясь в детстве по отцовским владениям, погоняла своего гнедого жеребца Ромео. Баумцвейг частенько говорил, что тем же хлыстом охаживали промеж ушей и переводчиков Островера – этих несчастных он парами менял из месяца в месяц и никак не мог найти тех, кто бы его удовлетворил.

Слава Островера заключалась именно в том, что он требовал перевода. Он хоть и писал на идише, но слава у него была всеамериканская, всенародная, международная. Его считали «современным». Островер освободился из плена идиша! Вырвался наружу – попал в реальный мир.

А начинал с чего? С того же, что и все, – вел колонки в ежедневных газетах на идише – юморист, дешевый, ловкий писака, кропал статейки, умел выдоить рассказик из будничной жизни. Он, как и все прочие, накопил пригоршню долларов, собрал свои рассказы в папку и заказал еврейскому издательству напечатать сотню экземпляров. Книга! Двадцать пять штук он раздал тем, кого считал родственниками, еще двадцать пять разослал врагам и соперникам, а остальные так и держал в коробках у себя под кроватью. Как и у всех прочих, у него литературными богами были Чехов и Толстой, Перец и Шолом-Алейхем. Как он оттуда добрался до «Нью-Йоркера», до «Плейбоя», до неслыханных гонораров за лекции, до приглашений в Йель и Массачусетский технологический, до Вассара^[17], до Среднего Запада, до Буэнос-Айреса, до собственного литературного агента, до издателя на Мэдисон-авеню?

– Он спит с правильными переводчиками, – сказала Пола. Эдельштейн тихо заржал. Он знал кое-кого из переводчиков Островера – старую деву, точнее, старую клячу в длинных платьях, полубезумного пьяницу лексикографа, студентов, искавших каждое слово в словаре.

Тридцать лет назад, прибыв прямиком из Польши через Тель-Авив, Островер завел интрижку с Миреле, женой Эдельштейна. Из Палестины он выехал во время арабских волнений 1939 года, не потому, что убоялся, а потому, что возмутился – эта страна отвернулась от идиша. Идиш ни в Тель-Авиве, ни в Иерусалиме не почитали. В Негеве он был бесполезен. В Б-годанном Государстве Израиль язык краткой и страшноватой эпохи между Ханааном и нынешним временем оказался ни к чему. В идише жило прошлое, и новые евреи его отвергали. Миреле нравилось слушать истории про то, как погано было в Израиле идишу и идишистам. В Израиле, слава Б-гу, ситуация была еще мрачнее, чем в Нью-Йорке. В конце концов имелись основания жить так, как они жили: в другом месте было только хуже. Миреле была трагической актрисой. Она несла себя согласно своим представлениям о том, как должна сидеть, вставать, есть и спать бесплодная женщина, постоянно рассказывала про свои шесть выкидышей и ставила Эдельштейну в вину малочисленность его сперматозоидов. Островер приезжал в дождь, шмякался на диван, рассказывал, с каким трудом он добрался от Бронкса до Вест-Сайда и приступал к осаде Миреле. Он водил ее ужинать в свое особое кафе, на водевили на Второй авеню и даже к себе домой, в квартиру около Кротон-парка, познакомить со своей княжной Пешей. Эдельштейн, к своему удивлению, не замечал в себе ни малейших признаков ревности, но счел своим долгом кинуть в Островера табуретку. У Островера были отменные зубы, собственные; табуретка сломала боковой резец, и Эдельштейн расстроился до слез. И тут же отвел Островера к ближайшему дантисту.

У обеих жен, Миреле и Пеши, начался чуть ли не роман: они назначали друг другу свидания, ходили вместе по кино и музеям, толкали друг друга в бок и хохотали с утра до ночи, у них были общие секреты, они носили в сумочках складные линейки и обсуждали некие радовавшие их замеры, даже забеременели в один месяц. У Пеши родилась третья дочка, у Миреле случился седьмой выкидыш. Эдельштейн был раздавлен горем, но ликовал.

– Это у меня мало сперматозоидов? – кипятился он. – Это все твоя утроба. Сначала мотор почини, а потом уж на масло пеняй.

Когда от дантиста пришел счет за коронку Островера, Эдельштейн переслал его Островеру. Такой несправедливости Островер не стерпел: он расстался с Миреле и запретил Пеше с ней встречаться.

О романе Миреле с Островером Эдельштейн написал следующие гневные строки:

Í î:òî òú çàááááòü î èàì ý æèçí è

è ñíí îáé è îèò, è äî:áðé?

Í ðàì àò áðü Áàà áúëà î áðá:áí à ñ äîäé

áü ò àèèèáàòü î èáááí óáá

Í à äîéíú æèçí è, í î òáá, æáñòíéáý,

í ðîééýò èá ñò ðàóí áé:

Óááá è î èíá áðáà í á áüí îñèòü

á ðáñéýéø áéíý óò ðí áá

Они были опубликованы в «Битерер Ям» весной того же года, вызвали всплеск сплетен, в том числе обсуждалось, уместно ли употреблять выражение «задуть пламя» в столь влажном контексте. (Баумцвейг, приверженец единообразия стиля, предлагал глагол «утопить».) Покойный Циммерман, самый непримиримый противник Эдельштейна, написал Баумцвейгу письмо (которое Баумцвейг зачитал Эдельштейну по телефону):

Так кто же по сути жесток – бесплодная женщина, которая обеспечивает покой в доме, где не устраивают кошачьих концертов дети, или чрезмерно плодовитый поэт, который вынашивает плоды своих грехов, а именно свои бездарные вирши? Вынашивать-то он их вынашивал, но кто может это вынести? На одном дыхании он переносится от вод к дереву. Он, как и его предки амфибии, раздут от самодовольства. Гершеле Жаб! Почему Б-г дал Гершеле Эдельштейну неверную жену? Чтобы покарать его за то, что он пишет чушь.

Приблизительно в то же время Островер написал рассказ про двух женщин, которые так любили друг друга, что хотели иметь друг от друга детей. У обеих были мужья: один – сильный и крепкий, а второй – импотент с иссохшим членом, полный

шлимазл^[18]. И женщины решили использовать для своих целей одного мужа: договорились, что любовь друг к другу направят на него, и через него каждая получит дитя их любви. Обе они обратились к крепкому мужчине, и обе понесли. Но жена иссохшего не выносила ребенка: он усох в ее утробе. «Ибо написано, – сделал вывод Островер, – рай – он только для тех, кто там уже побывал».

Глупейшая притча! Три десятилетия спустя – Миреле к этому времени уже умерла от рака матки, а легенды о королевском происхождении Пеша печатал журнал «Тайм» (фотография хлыста прилагалась) – эта никчемная мистификация, это извержение незнамо чего, включенное в «Полное собрание рассказов» Островера («Киммель энд Сигал», 1968), стало темой диссертаций по сравнительному литературоведению, словно Островер был Томасом Манном или даже Альбером Камю. А на самом деле Пеша с Миреле всего-то и ходили изредка вместе в кино, да и то когда это было! И все равно, Островер сумел вырваться из казематов ежедневных газет, освободился от «Битерер Ям» и более сомнительных изданий, он был свободен, и его имя вышло за пределы узкого мирка. А почему именно Островер? Почему не кто-то другой? Разве Островер талантливее Коморского? Придумывал сюжеты лучше Горовица? Почему за пределами их мирка выбрали именно Островера, а не какого-нибудь Эдельштейна или даже Баумцвейга? Какое оккультное таинство, какое колдовство, какое косое расположение планет влекло переводчиков падать ниц, спустив потертые портки, перед неприкрыто напыщенными фразами Островера? Кто открыл, что Островер «современен»? Его идиш, хоть и заводился сам от себя, хоть его и распирало, по-прежнему был идишем, маме лошн, обращаясь к Б-гу, он по-прежнему пицал свои малости по-свойски, толкая локтем в бок, идиш его по-прежнему составлялся из лохмотьев штетла^[19], из грудничкового алеф^[20], из малютки бейс^[21] – так почему же именно Островер? Почему только Островер? Островеру выпало быть единственным? Всех остальных скроет темнота, один Островер спасен? Островер – последний из уцелевших? Будто спрятался на чердаке, как та голландская девочка. И его, так сказать, дневник – единственное документальное свидетельство того, что было. Как Рингельблюму^[22] из Варшавы, Островеру суждено было стать единственным доказательством того, что был некогда такой язык, как идиш, была литература на идише. А остальные погибли? Погибли. Утонули. Угасли. Ушли под землю. Как и не было их.

Эдельштейн сочинил письмо издателям Островера.

«Киммель энд Сигал»

224 Мэдисон-авеню, Нью-Йорк

Уважаемый мистер Киммель и distinguished мистер Сигал!

Пишу вам в отношении некоего Я. Островера, чьи труды вашим издательством доведены до внимания публики. Будьте очень добры простить все неточности английского выражения. Нет сомнения, что по ходу его с вами дел вы получали от Я. Островера письма, письма на английском даже хуже этого. (У МЕНЯ НЕТ ПЕРЕВОДЧИКА!) Мы, иммигранты, неважно, как давно американизированные, внутри всегда остаемся новичками и никогда не достигаем гладкости письма, какую имеют носители языка. На миллион новичков-писателей один Набоков и один Косински¹²³. Я упомянул их, чтобы показать полноту знакомства с американской литературой во всех современных проявлениях. На вашем языке я читаю, так сказать, с волчьей жадностью. И считаю себя очень знающим критиком, особенно в отношении так называемых амер.-еврейских писателей. Если вы дадите мне возможность, я могу высказать многие мнения, которые имею насчет этих еврейско-амер. мальчиков и девочек, таких, как (не по алфавиту) Рот, Филип / Розен, Норма / Маламуд, Берни / Фридман, Б. Дж. / Пейли, Грейс / Беллоу, Сол / Мейлер, Норман¹²⁴. Прочитав у последнего несколько недавних трудов, в том числе политических, хотел бы напомнить ему, что Ф. Кафка, мир его праху, говорил немецкоговорящим и уже имевшим все удобства евреев Праги, Чехословакия: «Евреи Праги! Вы знаете идиш куда лучше, нежели предполагаете!»

Наверное, поскольку вы, несомненно, не читаете еврейскую прессу, вам об этом неизвестно. В настоящем месяце все мы испытали глубокое удивление. В этой грязной пропагандистской «Советии Геймланд», которую издают в России, чтобы доказать, будто пленники-евреи – не пленники, напечатано стихотворение! Двадцатилетней еврейской девушки из России! Идиш все же будет жить через нашу молодежь. Хотя я, как и прочие пессимисты, в этом сомневаюсь. Однако суть не в этом! Я спрашиваю вас, что значат эти персонажи для вас, которые люди тонкие, умные и с теплыми чувствами. Лесин, Рейзен, Егойош! Сам Г. Лейвик! Ицик Мангер, Хаим Граде, Аарон Цейтлин, Янкев Глатштейн, Элизер Гринберг! Молодовски и Корн, очень одаренные женщины! Довид Игнатов, Моррис Розенфельд, Мойше Надир, Мойше-Лейб Гальперн, Рувен Айзланд, Мани-Лейб, Зише Ландау! Я вас спрашиваю! Фруг, Перец, Винчевский, Бовиовер, Эдельштадт! И.И. Шварц, Йосеф Рольник!¹²⁵ Все это наши славные идишские поэты. И если я добавлю к ним наших прекрасных братьев-поэтов из России, которых погубил Сталин со своими оспинами, например Переца Маркиша, узнаете ли вы хоть какое имя? Нет! У НИХ НЕТ ПЕРЕВОДЧИКОВ!

Почтенные господа, вы издаете только одного идишского писателя, даже не поэта, всего лишь сочинителя рассказов. Со всей скромностью заявляю, вы создаете критически неверное представление. Будто мы не произвели ничего другого. Я вновь подразумеваю вашего партнера Я. Островера. Я не намереваюсь этим письмом лишать его возможных талантов, но РЕШИТЕЛЬНО хочу убедить вас, что другие тоже существуют, хотя никто и не дает себе труд замечать их. Я сам писатель и тоже выпустил четыре сборника поэзии: «Нешоме ун гуф», «Цинген ун фрайен», «А велт он винт», «А штунде мит шней». То есть: «Душа и тело», «Петь и радоваться», «Мир без ветра», «Час снега» – это мои глубоко прочувствованные названия.

Прошу вас сообщить мне, пожелаете ли вы снабдить меня переводчиком для этих весьма достойных образчиков скрытых от мира сочинений, или, по ивритскому выражению, «Захороненного света».

С глубоким уважением, ваш.

Ответ он получил на той же неделе.

Уважаемый мистер Эдельштейн!

Благодарим вас за ваше интересное и содержательное письмо. Мы сожалеем, что не можем обеспечить вас переводчиком. Вполне возможно, что качество ваших стихов действительно столь высоко, как вы утверждаете, однако дело обстоит так: переводу должна предшествовать репутация, а потом уже говорить о переводе.

Искренне ваши

Всё – ложь! Лжецы!

Уважаемый Киммель, уважаемый Сигал!

Слышали ли вы, безъязыкие евреи, об Острове до того, как везде и всюду увидели его переведенным? На идише его для вас не имелось! Для вас идиш не существует! Мгла внутри облака! Кто его видит? Кто его слышит? Мир глух к узнику! Вы подписались «Ваши». Вы – не мои, и я – не ваш!

Искренне.

И он всерьез занялся поисками переводчика. Не рассчитывая на успех, он написал старой деве-кляче.

Уважаемый Эдельштейн! [ответила она]

Скажу без лишних красот – некрасивая женщина должна и выразиться без красот – вы не знаете практического мира, мира реального. Да и зачем вам это? Вы – поэт, идеалист. Когда крупный журнал платит Острову 500 долларов, сколько я получаю? В лучшем случае 75 долларов. А если он решает месяц отдохнуть и не пишет, тогда что? Поскольку он – единственный, кого хотят печатать, то и переводить стоит только его. Предположим, я перевела одно из ваших чудесных любовных стихотворений. Купит ли его хоть кто-нибудь? Даже спрашивать глупо. Да если бы и купили, какой мне смысл батрачить за пять долларов? Вы не можете себе представить, что я терплю от Острова. Он усаживает меня в столовой, его жена приносит самовар с чаем – слыханное ли дело, такие претензии, – тоже садится и не спускает с меня глаз. Взгляд у нее ревнивый. Она разглядывает мои лодыжки, а они совсем неплохи. И мы приступаем к делу. Остров зачитывает вслух первую фразу так, как он ее написал, на идише. Я ее записываю по-английски. Тут все и начинается. Пеша читает то, что я написала, и говорит: «Это никуда не годится, вы не поняли идиому». Идиому! Много она понимает! Остров говорит: «Последнее слово мне поперек горла. Придумайте что-нибудь получше. Что-нибудь повывразительнее». Мы лезем в Толковый, в Синонимический словари, выкрикиваем разные слова, ищем, ищем. Острову ни один вариант не нравится. Возьмем, к примеру, слово «большой». Мы пробуем: огромный, обширный, гигантский, грандиозный, колоссальный, исполинский и т. д. и т. п., и наконец

Островер говорит (а прошло уже пять часов, у меня гланды распухли, я едва держусь на ногах): «Ну ладно, пусть будет “большой”. Простота прежде всего». И так день за днем! Стоит так биться из-за 75 долларов? И после всего этого он меня увольняет и берет себе студентика! Или того дебила, что свихнулся на Математическом словаре. Пока я ему снова не понадобится. Впрочем, мне перепадает кусочек славы. Все говорят: «Вон идет переводчица Островера». На самом деле я его глаза и уши. (Во всяких смыслах.) Вы пишете, что у него нет таланта. Вы так считаете, возможно, вы и правы, но позвольте вас уверить, один талант у него есть – талант давить на людей. Как они действуют – пишут левой ногой романы, в расчете на то, что из романа сделают прекрасный фильм, и так время от времени и случается, – так и он действует. Какая разница, какой у него идиш, главное – что получится, когда это переведут на английский. Его беспокоит только то, как это будет преобразовано, а в английском он хромот на обе ноги, как, прошу меня простить, и вы, и все ваше поколение. Но Островеру чутье подсказывает, как кого обхаживать. Всех своих переводчиков он держит на взводе – они завидуют один другому, но для него они – отбросы, мусор, их он не обхаживает. Стелется он перед ними. Перед ними! Эдельштейн, вы понимаете, о чем я? Он забирается на спины старых кляч, чтобы добраться туда, куда ему нужно. Я знаю, вы называете меня клячей, что ж, вы правы, я и сама о себе такого же мнения: воображения никакого, способности средненькие (я тоже когда-то хотела стать поэтом, но это было в другой жизни), а при Островере у меня на хребте я уже нечто иное, я – «переводчица Островера». Думаете, это ничто? Это пропуск к ним. Меня всюду приглашают, я хожу на те же приемы, что и Островер. Все смотрят на меня и думают, что я чудная, но говорят: «Это – переводчица Островера». Брак. Пеша, эта куча хлама, меньше жена Островеру, чем я. У меня, как у жены, предположительно пассивная роль. Предположительно, потому что кто знает, что происходит в спальне? Те, кто, как и я, не состоит в браке, догадываются о многом, что другим невдомек. То же самое с переводом. Кто создал стиль, который прославил Островера? Вы спрашиваете, с чего все взяли, что он «так называемый современный» писатель? Смешно. Ага! Кто читал Джеймса Джойса, Островер или я? Мне пятьдесят три года. Что ж, я зря я родилась в Глузске или в Вассаре училась зря? Вы понимаете, о чем я? Я оказалась посередине, и меня зажалю. Между двумя организмами. Гермафродит от культуры – ни то ни се. У меня раздвоенный язык. Когда я пять часов бьюсь за то, чтобы Островер сказал «большой», а не «исполинский», когда я убираю все мыльные, уютные запяты, которые он сует без разбору, когда я пью идиотский чай, поданный его женой, и возвращаюсь домой с раздутым животом, вот тогда-то он превращается в «современного», понятно? Это моих рук дело! Этого, разумеется, никто не признает, все считают, что в самих рассказах таится нечто, а на самом деле все зависит от того, как я их причешу и подкрашу. Это все косметика, и я – косметичка, художница – вроде тех, которым платят за то, что они в морге наводят красоту на трупы, среди них... впрочем, не донимайте меня своей критикой. Я вам говорю, его идиш ничего не значит. Чей угодно идиш ничего не значит. И все, что на идише, ничего не значит.

Конец письма – женщины существа многоречивые, упрямые – он читать не стал. Он успел разобраться, чего она ищет, – немного денег, немного уважения. Мания величия в миниатюре: она вообразила себя настоящим Островером. Поверила в то, что создала гения из кучки тряпья. Из тряпья получился мешок, а гений-то где? Она жила там, на свету, с ними: естественно, на Эдельштейна она времени тратить не будет. На юру. Во тьме, вот где он. Идеалист! Как это хорошее слово зарекомендовало себя в обществе таким образом, что стало оскорблением? А слово, тем не менее, дорогое сердцу. Идеалист. Разница между ним и Островером была вот в чем: Островер хотел спасти одного себя, а Эдельштейн хотел спасти идиш.

И он в ту же секунду почувствовал, что лжет.

С Баумцвейгом и Полой он отправился в «Игрек»^[26] на Девяносто второй улице, послушать, как читает Островер. Пола назвала этот поход «умерщвлением плоти». Вечер был выюжный. Им пришлось вгрызаться зубами в ветер, слезы страдания ледышками замерзали на щеках, путь от подземки был сибирским трактом.

– Двое христианских святых занимаются самобичеванием, – бормотала она. – Истязают себя обледенелыми бичами.

Задубевшими пальцами они заплатили за билеты и сели впереди. Эдельштейну казалось, будто его парализовало. Пальцы ног жгло и кололо, они горели – как при гангрене. Гнездышко домашней кровати, ручка на ночном столике, первая светящаяся строка нового стихотворения, ждущего появления на свет: «О, если бы меня, как юношу, пронзило озаренье веры» – он вдруг сразу понял, что будет дальше, о чем и что он хочет сказать, и все в зале показалось ему нелепым, ненужным, зачем он здесь? Толчея толпы, протяжный скрип раскладываемых кресел, гомон, Пола, жмурясь и морщась, зевает рядом, Баумцвейг сморкается в синий клетчатый платок, из его приплюснутого носа выскакивает здоровенная зеленая сопля – а он-то как здесь оказался? Какое это имеет отношение к тому, что он знает и чувствует?

Пола вытянула короткую шею из потрепанного скунсового воротника и прочитала череду громких имен, начертанных золотыми буквами: Моисей, Эйнштейн, Маймонид, Гейне. Гейне. Может, Гейне, выкрест, знал то, что знал Эдельштейн. Но эти-то – билетеры в отличных пиджаках, тощие мальчишки с книжками (Островера), напоказ поученому разодетые, вопиюще сексуальные, в обтягивающих чресла брюках, вихляющие задницами, с усиками, некоторые – заросшие по самые ключицы, с угрожающе-мощными икрами и лодыжками; и девушки – туники, колени, трусики, сапожки, припрятанные сладенькие язычки, черноглазые. Пахнет шерстью от груды пальто. И все это для Островера. Зал был полон, билетеры взмахом твидовых рукавов отправляли остальных на невидимую галерею: там экран телевизора, на котором скоро замерцает крохотный серый призрак Островера, осязаемый и всем прочим белый, как свежеевымытая свинья. «Игрек». Почему? Эдельштейн тоже читал лекции в «Игреках» – Элмхерст, Истчестер, Рай, крохотные помосты, слишком высокие для него кафедры, каталоги горестей, печальные стихи, что он читал старым людям. Дамы и господа, мне удалили голосовые связки, единственный язык, на котором я могу обращаться к вам легко и свободно, мой драгоценный маме лошн скончался вследствие хирургического вмешательства, и операция прошла успешно. «Игреки» Эдельштейна были все домами престарелых, реабилитационными центрами, богадельнями. Он запел про себя:

Ï î-ài ó Oàðáññäè Ááé?

«Еәйәе»? Еõ даә

Еәеөеөè ìí óðäéä

Ī ðèçðäéèì óí øäéèè òàí öàí ääðäé^[27]

Ага! Призраки, если мой язык для вас не загадка, значит, дамы и господа, вы призраки, видения, фантомы, я вас выдумал, вы – мое воображение, здесь вообще никого, пустой зал, пустота за занавесом, заброшенность, запустение. Все ушли. Пуст ви дем калтен шул майн харц^[28] (еще одна первая строка, без сопутствующих, без собратьев, без последователей), холодный дом учения, где танцуют привидения. Дамы и господа, если для вас мой язык загадка, то вот вам еще загадка: чем еврей похож на жирафа? У еврея тоже нет голосовых связок. Б-г подпортил еврея и жирафа, одного полностью, другого наполовину. И никакой слюны. Баумцвейг снова заперхал. Слизь – переливы на морских волнах. Среди Б-жьих тварей красота присутствует в каждом, даже в самом порочном. Кх-харк, кх-харк, прогрохотал Баумцвейг на весь зал.

– Ша, – сказала Пола, – от кумт дер шед^[29].

Встал сияющий Островер – высоко, далеко, на широкой сцене, в полном блеске, на кафедре микрофон и графин с водой. Сноп мощного света высветил его глазницы. Не рот – блеклая моль, тонкая, тусклая линия, словно мелом прочерченная, над ушами частокол седины, невозмутимый голос.

– Новый рассказ, – объявил он, и на губе блеснули капельки слюны. – В нем нет непристойностей, поэтому я считаю его неудачным.

– Дьявол, – прошептала Пола. – Белая отмытая свинья. Янки Дудл.

– Ша, – сказал Баумцвейг, – ломир херен^[30].

Баумцвейг хотел слушать дьявола, эту свинью! Почему все так хотят его слушать? Глуховатый Эдельштейн подался вперед. И почти уткнулся носом в волосы сидящей впереди девушки – они блестели в луче прожектора. Опять молодая! Все молодые! Для Островера – одни молодые. Современный.

Осторожно, стараясь скрыть это, Эдельштейн внутренне напрягся. Впереди, через два ряда, он разглядел старую клячу, Хаима Воровского, пьяницу-лексикографа, помешавшегося на математике, шестерых неизвестных студентиков.

Вот рассказ Островера.

Сатана является плохому поэту.

– Желая славы, – говорит поэт, – но не могу ее обрести, потому что я родом из Цврдла и язык знаю только цврдлский. Но, к несчастью, в мире не осталось никого, кто читает на цврдлском. Вот что меня тяготит. Дай мне славы, а я за это отдам тебе свою душу.

– Ты уверен, что именно в этом причина твоего несчастья, ты не ошибся?

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает поэт.

– *Может, причина в твоём таланте?* – говорит Сатана. – *Цврдл Цврдлом, а талант-то слабоват.*

– *Вовсе нет,* – отвечает поэт, – *и я это тебе докажу. Научи меня французскому, и я тотчас стану знаменит.*

– *Хорошо,* – говорит Сатана. – *Как я скажу «Глюп», будешь блестяще знать французский, лучше, чем де Голль. Но я буду к тебе щедр. Французский такой легкий язык, что я возьму за него только четверть твоей души.*

И он сказал «Глюп». В тот же миг поэт стал свободно писать по-французски. Но ни один издатель во Франции не захотел его опубликовать, и он остался неизвестен.

Сатана вернулся.

– *Выходит, от французского толку не было, топ vieux?*^[31] *Tant pis!*^[32]

– *Фу,* – говорит поэт, – *чего ждать от народа, который имел колонии, что эти люди понимают в поэзии? Научи меня итальянскому, ведь даже Папа видит сны по-итальянски.*

– *Еще четверть твоей души,* – говорит Сатана и пробивает чек на портативном кассовом аппарате.

«Глюп» – и вот уже поэт строчит terza rima^[33] с такой скоростью и такие меланхоличные, что сам Папа расчувствовался бы, будь они напечатаны, но, увы, все издатели Италии отослали рукопись назад без письма, с простым уведомлением об отказе.

– *Что, и итальянский не сгодился?* – восклицает Сатана. – *Матта тиа^[34], почему ты мне не веришь, братец, дело-то не в языке, а в тебе.*

То же самое было с суахили и армянским: «Глюп» – провал, «Глюп» – провал, и теперь, выбивая по четвертушке за раз, Сатана завладел душой поэта целиком и забрал его с собой в Царство огня.

– *Полагаю, ты намерен меня сжечь,* – с горечью говорит поэт.

– *Нет-нет,* – отвечает Сатана, – *со столь нежными созданиями, как поэты, мы так не поступаем. Ну! Ты все принес? Я тебя предупреждал: собирайся внимательно. Чтобы ни листочка не осталось.*

– *Я принес весь архив,* – говорит поэт, и действительно, у него за спиной висел на лямках огромный короб из черного железа.

– *Вываливай все в огонь,* – приказывает Сатана.

– *Мои стихи? Все мои стихи? Труд всей жизни?* – в ужасе восклицает поэт.

– *Ну да, делай, что велено.*

И поэт подчиняется, потому что, как ни крути, он в аду и принадлежит теперь Сатане.

– Молодец, – говорит Сатана, – а теперь пошли со мной, я провожу тебя в твою комнату.

Комната отличная, в отличном месте, в ней не холодно и не жарко – как раз на нужном расстоянии от Огня. Стол – просто загляденье, столешница обтянута красной кожей, чудесное крутящееся кресло с алым сиденьем, на полу алый персидский ковер, рядом красный холодильник, забитый сыром, пудингами, соленьями, на красном столике уже дымится стакан красноватого чая. Одно окно без занавески.

– Этот вид предназначен тебя вдохновлять, – говорит Сатана. – Посмотри в окно и полюбуйся.

За окном нет ничего, кроме Огня, он картинно бушует, переливается неземными красками, взвивается невиданной формы языками.

– Это прекрасно, – восхищается поэт.

– Вот именно, – соглашается Сатана. – Он вдохновит тебя на новые стихи, их будет много.

– Да, да! О, повелитель, позволь начать немедленно!

– Для этого я тебя сюда и привел, – говорит Сатана. – Так что садись и пиши, раз уж удержишь нет. Но с одним условием. Как закончишь строфу, ты должен вышвырнуть ее в окно, вот так. – И для наглядности метнул туда чистый листок.

Огненный вихрь подхватил его и понес к пламени, в самое пекло.

– Не забывай, что ты в аду, – сурово говорит Сатана. – Здесь ты пишешь лишь для забвения.

Поэт кидается в слезы.

– Да какая разница! Там было то же самое. О Цврдл, проклинаю тебя за то, что ты меня взрастил!

– Ну, никак до него не дойдет, – раздраженно говорит Сатана. – Глюп-глюп-глюп-глюп-глюп-глюп! Теперь пиши.

Несчастный поэт начал строчить, один стих за другим и – подумать только: вдруг он забыл все слова цврлдского, которые знал; он писал все быстрее и быстрее, держался за перо так, словно, если бы не оно, он взмыл бы в воздух, он писал по-голландски и по-английски, по-немецки и по-турецки, на сантали и сенегальском, на саами и курдском, на валлийском и ретороманском, ниассанском и никобарском, на ганчинском и ибанаг, на хо и кхмерском, на ро и волапюке, на чагатайском и шведском, на тулу и русском, на ирландском и калмыцком! Он писал на всех языках кроме цврлдского, и каждое написанное стихотворение он вынужден был швырять в окно, потому что все они никуда не годились, хоть он этого и не понимал...

Ī adānā nāi āeēnētā Āādū Ī dīdētāē

Ī dīāīēāīē à ā nēāōōō

[1] Рождены в Америке (идиш).

[2] Материнский язык (идиш) – так называют идиш.

[3] Ученики хедера (идиш).

[4] «Свободно от евреев – свободно от культуры» (нем.).

[5] Учитель (иврит).

[6] Пятикнижие (иврит).

[7] Линейное письмо В – одна из разновидностей письменности на Крите, предшествовало

греческому письму.

[8] Аттриция – здесь: потеря, утрата, изменение одного языка под влиянием другого.

[9] Ну, что подельывает еврей? (идиш)

[10] Здесь: синагога (идиш).

[11] Тетраграмматон – неизреченное четырехбуквенное имя Б-га.

[12] Шмот, 33:23.

[13] Иди ко мне, жив ты или мертв? (идиш)

[14] «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» – анонимная поэма, написанная в Англии во второй половине

XIV века.

[15] Карсон Маккалерс (1917–1967) – американская писательница, в своих романах описывала

жизнь американского Юга.

[16] Егойош (наст. имя Соломон Блумгартен; 1870– 1927) – еврейский поэт, писавший на идише.

[17] Престижный частный гуманитарный колледж в штате Нью-Йорк.

[18] Неудачник, растяпа (идиш).

[19] Местечко, городок (идиш).

[20] Первая буква еврейского алфавита.

[21] Вторая буква еврейского алфавита.

[22] Эммануэль Рингельблюм (1890–1944) основал подпольный исторический архив в Варшавском

гетто.

[23] Ежи Косински (1933–1991) – американский писатель, поляк по национальности.

[24] Американские писатели-евреи.

[25] Писатели и поэты, писавшие на идише.

[26] «Игрек» («Y») – центр еврейской культуры в Нью-Йорке.

[27] Почему муки?! Я говорю / Без радости, / И призраки танцуют вокруг (идиш).

[28] Пусто, как холодная синагога, мое сердце (идиш).

[29] Вот идет черт (идиш).

[30] Давайте слушать (идиш).

[31] Старина (фр.).

[32] Тем хуже (фр.).

[33] Терцина (ит.).

[34] Мамочка моя (ит.).

ЗИНАИДА ПАЛВАНОВА

Почти восемнадцать лет назад я уехала из Москвы. Первые десять израильских лет прошли в тумане выживания, устройства на новом месте.

В новом веке принялась путешествовать.

В Нью-Йорке я еще застала целыми и невредимыми башни-близнецы Всемирного торгового центра. На сентябрь 2001-го пришлось первая поездка в Россию. В Израиле тем временем началась интифада. В Иерусалиме, где я живу с 1997 года, то и дело взрывались автобусы. Стихи, которые я писала в то время, израильский критик Михаил Копелиович назвал «актуальной лирикой».

Слава Б-гу, сейчас у нас потише. Стихи, к счастью, все-таки пишутся. Надеюсь, они по-прежнему актуальны, отражая, если можно так выразиться, душевную актуальность.

А география моих путешествий расширяется. Уже несколько раз я была в Германии, выступала со стихами в еврейских общинах. Недавно впервые оказалась в Лондоне. Планета становится все более конкретной. Возвращаясь домой, всякий раз волнуясь, въезжая в Иерусалим...

* * *

*Èããàì ñããüüü àãòÿì íàøèì,
à íãããã àñ ãñçíãé.
Èãé ãããéè ñÿ ì ù è ìéÿøàì
á ñòðàí á ãééíãéí í íé ñããé!
Ì ù á öáí òðá ããã çàì í ùð ñããüðéé,
ì ù íéæàì í à ñããÿ ããéà
Èðãéèñ; ÷öããü ùé ì èð ñéðéé!
Èèçíüí ðíãíéæããòñÿ í íéà*

ПО ДОРОГЕ В МИЦПЕ-РАМОН

В ÷öããüðãç çããñüí ì èáí àòá

*èàè áóòòí ííà - ÷æíáæé
Áèàçàì è çæáí íã òáòòà
í óòòóíý æýàèò èç-ííá áæé.*

*Ííà í ðíííí áàòíý í úí ÷á
ííà ðáíí èííí íþ ááðíà
Èàè í ðííòí è áíðàí ú-íí
çáííí ò ðííáò ííðáòá áíí à!*

*Çæíæí èöú áúæèáí úý,
éíêþ÷èè àúá çæáí ú.
Óí æèöú áúæèáí úý
ðíáþùæ æèçí è ííèí ú.*

*Èàè í íèíáú ííáí àè, áèè!
Íí èáòí íáí èøáò íæçææ,
í ðááæè áúé, áç ííáò àíí áèè, -
è áá-íííòúí í óòòóí á áàøú*

*Ñóðíáúé óóíæí èè - èáòí.
À çæáí í òí, ÷òí á-áðí á
Ñ æàçàì è òááðæúíéíã òáòòà
í óòòóíý ýàèèáíí í á*

*Í ðíçðá÷íí í ðèáíæèò í ðèí áðí,
íí'áøà á íò èðíáí úá í ðííòíí, -
óí í ðííòáí, èþááè è ááðí,
÷òí á í è áúéí áàèüøá ííòíí ...*

*Èàè áíèüí í á í èáí ó ó í ðííòí ðà!
Ñéíèü ýáòò ááí í ú çáííí í èííí áí à!
B ááðóááí íí èíáþ: Óí ðà
á í óòòóí á áúéà ááí à...*

УМЕР ЖУРФАЛ

*Í áí ýò è Áðèáàèý ðèí í ðà,
æááí íã ðááàèò í ðà æóðí àèà
«Ñéíáí èí áàèèáà áíèí ú»*

*Ýòíò æóðí àè áúé ííèíí æèçí è,
ííèíí íáí ýòè, ííèíí ííðòðáòíá
Ó ýòíáæ æóðí àèà òàýè ÷èòàòæü
È áíò í áíòáèí ðááàèò í ðà*

*Áú èíáá-í è áóóü àèáàèè
íííèááí èé ííí áð æóðí àèà,
óóíáýùáá á í ááúòèà
áíèáá çà ííèíí ðááàèò í ðíí ?*

*×áðí áý íáèíæèà,
í á íáèíæèà - èèóí,*

*āī āīēē çī āēīī īā
Nīīēīēīūē nēīēē āçäyā*

*Æōōī āēū īāū:īī īāīōīūāpōñy,
īīē īī-āī āēēēīēē ōōīāyō.
Åyōīō īōēōāē īōīñōēōūñy,
ñō āōūē, òēōēē, āīēūīīē.*

*Åyōīō æōōīāē īīāōāī:āō,
:ōī īī ōōīāēō,
īāāñāñā ōōīāēō
āñēāā çā īāñīī īīē āīēīīē.*

*«Īīñēōōāē, - ēōē:ōy, īēā:ā, -
āñyōī nēēōēīī āīēūīī.
Īñōāīūñy, īāōōīāē!»
«Bīñōāpñy - īōāā:āāō æōōīāē
nēīāēāçīē. -
Åēñōīōēp īīāyāē».*

* * *

*Ōīēīāā āōōōī āāōōīī nñōēī,
ē çāōāāē ī ēīāāēūīī ā çāāñīōēāō.
Bēēōī āīāā īēōīōēā -
īāōīāō n:āñōūāī òōāñīēīī ē āñōēī.*

*Īāōīāō nñēīōāī ēāāēī ē īā:āēūīī,
īāōīāō āñōāī īōīōēāāīī ē īāēīī.
Ōūīpāā ōāāēēā nñō:āēīī,
ōūīōñpāā ōēāāōūīāēçāāēīī.*

*Yōīō çāīāō - nñāñōōīī īōīūāāō
çāōāñçūī nñāñōñōīōī.
Yōīō çāīāō - īīāñīāāūāāō,
īē:āā īāēçīāīēōīī.*

*Ōīēīāā āōōōī āāōōīī nñōēī,
ē çāōāāē ī ēīāāēūīī ā çāāñīōēāō.
Bēēōī āīāā īēōīōēā -
īāōīāō īōāāñīē īōīñōī ē āñōēī.*

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНАХ

*Åññīīāāōōōīīñōōāīāīāñāñōīōēāññīī
Bōīāēēāññīāññōīē:āōāāōōīī.
Īōīōēīāññāēēōūāññōōōūññīū
çēī, āññīī, ēāō. Ēīññīāēōīññēēīēēō.*

*Åāāōūñy:ēññūñīī, īīāī
ōāīāñāōīāī,
yāāāōōōōūññīūññōōēçīēīōīēīō
ēīēāēōññīāōīāīīīāññīēāññōōīī,*

éiòíðúé áúé m̄ i ííé íí÷òè á-áðá!

*Áã ýííí íþ ñèèéíí òíðíóí.
Ííñéíéúó æéçíúí íý íáðááðí óéáñí
Óçí áéá ý; ÷òí áñòú éþáíáí í à ñáò á
÷òí áñòú éþáíáí; àà òíéúéí ñèèéíí
ã ðúéáý.*

*Á òðéáòòú ñáúú íí ñòðáí à íò ñòðáòá
ñèáéáñí*

*B ðíæéáñí á ñòíé ÷áò ááðò íí.
Í ðíóéí áñáá-òí ñíí ù ðíñééíééó éáò,
çèí, áñáí, éáò è íñáí áé ðíñééíééó*

*Á ááá òúñý÷è ñáúú íí, í íáí
òáí áðáó í áí,
ý ñáí ù íò æéçíé áúñòðíé íòíéí ó
è íéáæóñí á ááòòúñý÷íí, ðáááéííí -
á í ðíñòðáí ñò áí í áðíñééíéíí,
çáðááéííí ...*

*Áñá ÷áúá ðáçí ùóéýý í áá ñáúúíé,
æéæþñí ñáá, íò÷áýíííí ó ááò ñò áú
ñáí í ááòòúé, òðéáòòú ñáúú íé,
íéáçí ááòñý; áúéè íí ñíñáíò áó!
Óðááíæíúí ñáðáòáí áðáí ý éçí áðýþ
è ííéó÷áòñý áñá ñèèéíí áééçéí.
Íí íáóéí ñáúúáí ñèá÷òò ðááí éþòéé,
í áñòúñý áí ðííéè í íá éðéé áí ðíí.*

*Áà, èèóú òáí áðí ñò áí í áéòñý í í á ýñí í,
á éáéíé ñòðáí á æééá ý ñá çá ñáíí ...
Í à ííáñòóí áó - í áááþñí, ááéúñ éó -
é ñí áðòè
ñáí áþ æéçí úþ áðáí ý éçí áðýþ...*

ДО СТА ДВАДЦАТИ

*× òíáúí áðáí ý ðááí òáéí í à òáýý,
áçááéè í à ñáý ðááí òóè ææé Ýééáòá
× òíáúí áðáí ý ðááí òáéí í à òáýý,*

ðáííò áí úíý ñí óεáí è ææè ñæááí úý.

*×òíáú áðáí ý ðááíò àèí íà òááý,
òýææéí ðááíò àé, éáæí áðííòé,
æéæè íà Áέεæíáí Áííòíεά
è ææè ííéíý - áí ñòà áááüò è!*

* * *

*Áεííð íà í íá ñáðéáò,
çíéíòí è ñáðááðí.
Í íáà í úí ÷ á ò àéáý.
Í íáí, óí òü è ñò áðí.*

*Áúæýæóý, òíáðèùé,
æáí ñò ááí íí è í áððáðíá
Í ðááá? Í í ÷ òí óε òí ÷ íí -
í ÷ áí ü í ÷ áí ü áííò í ÷ íí!*

*Β í íáí ýεáííí áúσά í òèð,
áúσά éðáííεéð áúáí èð
σáðèéà-í í íá ááðá -
è í íðáçéé í áíý á ñáðáá
áεííð íí ÷ í úó ñò íéè.*

*Í íáí èðà - íáσά í εáí áòά
è íá ææááò ñò áðáòü
Í í ÷ òíá óεéááòü ýòí,
í óεéí áíð í í ÷ ü éáò áòü
è í ááí ýòüý áíεáííòü
á í ðí í áííòü óí áííòü è í ðí í áííòü
è íá áííòíε ñí í òðáòü
è íá ææááòü ñò áðáòü*

* * *

*×áéí ááé εç ðεáè, í àò áí àò èé,
à ò áí áðí íí - ÷ áéí ááé-ááðé.
Í í εáúáò, éííò àò è éé,
í áéííò àò è,
á ééðá Ááí áóðá í à ñεðé í í ÷ éá ñíí áé.*

*Í óçúéá εçáííò í à áííε íéðáá
Æééé çáííí ááðáε áí áíéí ú.
Óðεííò éáí á ñεóσáðò á é ñí óáí
íáí íá éç òáí, ÷ òí ñíææáí ú.*

*Ñéèσéíí, ñéèσéíí áéèçéí
èí çíáéí í
òí ááííεúá ñáðáí ííííéáí ...
Í í çáò-εò áí áçáí íí íí-áðáí í ó
í áíí ú Éçðáεéý - «Ááí í íεáí ».
Ñéðéí éá í áεéíí, ááíí í ú ááí í í áéà
Ñéðéí á ÷ á ú á í ðéé ò è çíáò.
Æééé çáííí ááðáε áí ðáííò ðáéá,*

à ò à i à ù i i y ò u i i è æ è à ò.

* * *

*Yò í é í í : ù ð i ò i à i æ è à à ò ù à
À ò ù à i í é í ú í : à à à è à é í æ è à ò.
Á i á ç à ã à i ò i à è i ñ i è i i i è ò ù à
À ò ù à i í é í ú í : à à à è à é í ç í à ò.*

*Í ð è á æ à ò, ñ i á à ó á æ à ò,
à i à è ò à ð ñ i y è í à i ó i i y ò u
À à i ò i à i á à i - à i ò i æ à ò,
à ç à i í í á à ò à i y - í á ó i y ò u
È ç ç à y ò è ò è à ñ è i à i ò è ò ù à í è é
ç í à ò u í á ç í à à i, ã à i à ø à i ò à i à ò u
Ò à è à i ò è æ è à i - á á ç à i ç ò à æ à í è é,
á á ç i ð è i à ò à i è é è i i ò à ò u*

*Ç à æ y í è à : à ò u à ã ò i à i ú á
ò i è u i ñ è ø è i à i è ã í á æ y à è.
Ñ è i ò i á ú à i ñ ò à ò u á á i è u i ú á ..
Í ð è à i è à è, ÷ ò i æ i à ò ÷ ò ò i é à à ò u à è.*

*Í ð è à i è à è, ÷ ò i á i y ç í i í à i í í ã.
Í ò y i i ò ó á ñ à á í á á à ò u à è.
Í è à à i ç à è ò ù à y à ò ñ y à i ò i à -
ç í à ò u í á ç í à à i, ÷ ò i ò à i, à i à ò u à è ...*

ИЗРАИЛЬСКИМ ЛЕТОМ

*È i à à i ò i ñ i à à ø u i y i i ç à i i, á á ç à i è u i i,
i è ð ñ è ø è i i ò i ç ò à : á i - à i i ò i ñ à í à ò.
Í, è à è y ñ à i ð i i y ò u í á à i à i è u i à -
i i y ò u i ò i ñ à è à y ñ à à i y ð à i ñ à ò !*

*Í í é ò i ç í à i - ñ à ò u é, ò ò i à i í ú é - ó è ð à à à i.
B ç à æ è à i ñ è ð, ÷ ò i ò à i ð è ò ñ y ñ i í í é ?*

*Áçãóóí à ì òíçðà: í ñò ù è ñàò áàñ ì ù ààáí,
è ì ì ò ò ò ó ñé: í ì áç áî è ñò à è ù ì é.*

*Àà áááò à ì ò ò ñ! Ì ò ááò ðàçáí áááò
ñùùá à è ááí ááí áý, è ì ì : è á ì ý.
Ì ò ò ù ááð è í é à ù ì é í é í é ò à ì á áááò
í à : à è ì è à ò ì é ì ì è à ò è ì ì á ì ý!*

Ñì ñò à à è á í è á Á ñ ò ò à Ý ì ì á è ý

ФАШИЗМ «ЗАБЫВШИХ» СВОЙ ФАШИЗМ

Ėāīēä Ėāöēñ

Довольно редко одна и та же книга неожиданным образом вписывается в целый ряд тем, затронутых на страницах «Лехаима» в предыдущих рецензиях и обзорах. Когда-то нам пришлось оценить как «нееврейскую еврейскую книгу» издание переписки русского писателя Алексея Ремизова с российским сионистом, жившим в Голландии, Борисом Рапчинским. С другой стороны, не так давно на этих же страницах мы размышляли о книге Макса Брода «Пражский круг», где представлен австро-венгерский аспект истории европейско-еврейских культурных отношений. Теперь же перед нами на редкость содержательная монография французского историка, журналиста, переводчика Александры Ленель-Лавастин о том, как развивались европейско-еврейские отношения не в привычном германо-славянском контексте, а в контексте романо-румыно-славянском.

Речь идет о межвоенном периоде, когда так называемая «Железная гвардия» (аналог фашистских фаланг в других странах) оказалась практически у власти в Румынии. Тогда же проходило духовное становление трех самых знаменитых румын XX века: Мирчи Элиаде, классика истории религий, Эмиля Чорана, ставшего впоследствии виднейшим французским философом-эссеистом, и Эжена Ионеско, одного из основоположников эстетического течения абсурдизма, французского «бессмертного» академика и нобелевского лауреата по литературе. Здесь необходимо упомянуть и Пауля Целана, жившего во Франции немецкого поэта румыно-еврейского происхождения, – его трагедия времен Катастрофы пришлась на тот же период. Эта связь очевидна в свете вышедшего в издательстве «Мосты культуры» важного двухтомника, посвященного поэту. Сегодня, когда труды этих деятелей, особенно Элиаде, все шире печатаются в России, разговор о них обретает все большую актуальность.

Прежде всего, несколько слов о заглавии книги. По-русски читаем: Александра Ленель-Лавастин. «Забывтый фашизм. Ионеско, Элиаде, Чоран» (М.: Прогресс-традиция, 2007). В таком варианте довольно трудно понять, кто забыл фашизм, какой или чей: то ли трое героев книги, то ли их читатели, то ли он забыт вообще. Между тем, французское название куда яснее, хотя его и трудно перевести на русский: «Cioran, Eliade, Ionesco: L'oubli du fascisme. Trois intellectuels roumains dans la tourmente du sie`cle». Не стремясь к предельной стилистической выверенности, предложим: «Чоран, Элиаде, Ионеско: процесс забывания фашизма. Три румынских интеллектуала на поворотах века». Хотя такой перевод лишает заглавие еще одного возможного оттенка: «прощения» крупнейшим

гуманитариям XX века фашизма ранних лет, которым грешили и интеллектуалы-евреи, ставшие после войны коллегами названных здесь персонажей.

А повороты их судеб действительно были головокружительными. Элиаде и Чоран поддерживали прогитлеровский румынский фашизм, а в дальнейшем прилагали громадные усилия, стараясь скрыть эти этапы своих далеко не исключительно интеллектуальных биографий. Третий герой книги, Ионеско, открыто держался либеральных антикоммунистических и антифашистских взглядов, но столкнулся с проблемами из-за еврейского происхождения по материнской линии и все же вошел в посольство фашистской Румынии при коллаборационистском правительстве Франции в Виши.

Автор предисловия, известный социолог и переводчик Борис Дубин (кстати, принявший участие в переводах Чорана на русский), отмечает: «Я вижу смысл данной книги – особенно для России – в том, чтобы в полный рост поднять вопрос о месте интеллектуалов в социально-политических перипетиях XX века, об их историческом выборе и ответственности за этот выбор, включая его последствия».

Однако значение данного исследования для российского читателя, на наш взгляд, гораздо серьезнее. Ведь скрыть более чем очевидное участие Элиаде и Чорана в фашистском движении оказалось возможным лишь вследствие того, что румынская коммунистическая власть почти никого не допускала к газетным фондам и архивам периода «Железной гвардии». Хотя трудно представить, что ни в одной европейской или американской библиотеке не было румынских книг и газет того периода... Казалось бы, случилось то, что случилось. Разоблачение «творческого пути», по крайней мере, двух первых героев книги началось лишь после их смерти. А до этого оба могли отвечать все что угодно биографам и интервьюерам, касавшимся «неудобных» вопросов.

Однако это не совсем так или даже совсем не так! Поэтому для нас принципиально важно выяснить, кто, когда и как начал ставить подобные вопросы перед успешным американским исследователем истории и теории религий Элиаде или «безобидным» французским аскетом и мыслителем-эстетом Чораном. Открывшаяся перед нами картина так же актуальна и так же требует оценки, как и «скользкие» моменты биографии этих деятелей.

Речь идет о реакции современного европейского и американского интеллектуального сообщества, которое, хотелось бы верить, знакомо лишь с послевоенной биографией своих кумиров, на публикацию компрометирующих их фактов не где-нибудь, а в Израиле и еще в 1972 (!) году^[1]. Как говорит исследовательница, «в момент написания Элиаде воспоминаний некоторые из его политических статей стали достоянием исследователей – правда, очень узкого их круга. Первым опубликовал подборку о политическом прошлом румынского историка израильский журнал “Toladot” в 1972 году. В материале приводились длинные отрывки из “Дневника” Михаила Себастьяна (этого имени мы коснемся чуть позже. – Л. К.). Затем последовали другие работы, в том числе итальянских исследователей Альфонсо ди Нолла (1977) и Фурио Джези (1978). Отголоски сделанных ими разоблачений обнаруживаются в эссе Цви Вербловски, профессора Еврейского университета в Иерусалиме и близкого друга румынского мыслителя с 50-х годов».

Э. Чоран, Э. Ионеско, М. Элиаде. Париж.

Более того, виднейший исследователь каббалы в XX веке, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, президент Академии наук Израиля Гершом Шолем, близкий коллега Мирчи Элиаде, пытался добиться от него, тогда уже профессора Чикагского университета, пояснений на сей счет. Глава об этом в книге названа недвусмысленно: «Персона нон грата в Израиле: замешательство Гершомы Шолема».

Приглашение румыно-американского фашиста в Израиль в 1973 году встретило существенное противодействие тех, кому был доступен журнал «Толадот», начавший разоблачение мифа и культа Элиаде. «...Автор обвиняет тебя в том, что ты был очень крупной фигурой в антисемитской организации – румынской “Железной гвардии”, – пишет Шолем, – публично выражал антисемитские идеи в период ее деятельности, что эти идеи ты поддерживал в период гитлеровского господства, в том числе во время второй мировой войны». Подобные нападки смутили профессора, и он потребовал от друга разъяснений. И получил полное лживых полупризнаний письмо, из которого ничего толком нельзя было понять. Однако и Шолем не стал побуждать ко всеобщему порицанию своего коллеги.

А тот не только был активным румынским фашистом и антисемитом, но, занимая пост атташе в фашистской Португалии времен Салазара, написал о политике восторженную книгу. Она тоже каким-то таинственным образом исчезла из поля зрения тех, кто мог бы ею заинтересоваться. А ведь в этом труде Элиаде на португальском примере разрабатывал романскую модель диктаторского режима для Румынии. Той самой Румынии, где евреям жилось относительно сносно и где процент их гибели в гетто не приближался к немецкому или польско-литовскому.

Между тем, Ленель-Лавастин уверяет читателя: румынский вариант «окончательного решения» еврейского вопроса лишь немного подотстал от германского, а затем уже ловкие румынские руководители от его реализации отказались – вовремя переориентировались в сторону побеждающих союзников. Эта ситуация вновь оказалась выигрышной для Элиаде и Чорана. Их теории не получили практического применения, да и опубликованы были на провинциальном для тогдашней Европы румынском языке (но и на французском – тоже в Румынии!), еще и со всеми особенностями чисто местной ситуации. Впрочем, в русле русской нравственной традиции, где и слезинка ребенка воспринимается как трагедия, гибель десятков тысяч румынских евреев могла бы тоже вызвать потрясение, но этого не происходит...

Поэтому принципиально важно и ценно, что Ленель-Лавастин, будучи специалистом и автором книг по истории идейно-политической жизни Центральной Европы в целом и Румынии в частности, готовит перевод на французский материалов о Холокосте на территории страны. Ведь зачастую интеллектуалы высшего уровня работали над идейным обеспечением различных вариантов «окончательных решений» еврейского вопроса в Европе и мире. И, по-видимому, понять идейное развитие этих людей и последующую снисходительность к ним коллег, не запачканных в подобного рода деяниях, можно, лишь восстановив во всей полноте пеструю картину идейной, политической и духовной жизни Румынии и Европы в целом. Необходимо также максимально точно учесть, какие из идейных программ реализовались совершенно, какие частично или не реализовались вообще. Возможно, причина терпимости «чистеньких» защитников такова: они ставят себя на место нынешних властителей дум с фашистским бэкграундом и не могут с уверенностью сказать, что не совершили бы подобных ошибок.

Еще сложнее с откровенными борцами с тоталитаризмом всех видов, такими, как Эжен Ионеско. Исследовательница убедительно показывает, как из впечатлений от хорошо знакомых драматургу событий в фашизирующейся Румынии вырастает его знаменитая пьеса «Носороги», о превращении нормальных людей под влиянием тоталитарной пропаганды в этих далеко не похожих на человека животных. Ведь писатель был в стране в эпоху «Железной гвардии» и видел все собственными глазами.

Однако не мог открыто выступить с очевидными нам сегодня разоблачениями по двум причинам. Первая – необходимость ради спасения собственной жизни в интересующий нас период служить в дипмиссии Румынии в прогитлеровском Виши. (Кстати, там же работали и Чоран с Элиаде.) И вторая причина – антикоммунистическая и антисоветская солидарность подавляющего большинства эмигрантов из стран советского блока.

Пожалуй, именно сопоставление судеб троих людей из тоталитарного мира межвоенной Европы и представляет для нас наибольший интерес. Здесь же – исток самых сложных моральных проблем, унаследованных Евросоюзом и новой Европой вообще.

Не надо думать, что три румынских интеллектуала жили в безвоздушном пространстве. С одной стороны, они не могли не испытывать многолетнего влияния Российской империи, а с другой – гитлеровской или муссолиниевской идеологии (хотя Элиаде и Чоран тяготели к первой) и так называемой традиционалистской философии, одним из столпов которой был тоже приобретающий популярность в сегодняшней России Юлиус Эвола. В основе его и его последователя Элиаде построений лежали различные концепции становления национального духа, определяющих нации архетипов и взаимодействия между глубинными чувственно-мыслительными комплексами древности, распавшимися в современном модернизированном сознании и требующими

восстановления. Безусловно, этот круг идей был близок нордическим и индоарийским учениям германских фашистов.

А по другую сторону Румынии лежала Россия. И Ленель-Лавастин отмечает ее влияние, в частности, воздействие идей Николая Бердяева на интересующих нас авторов. Однако, не вдаваясь в подробности, стоит отметить: и межвоенные антисемитские теории Чорана и Элиаде, и их новые послевоенные идеи о любви-ненависти к евреям или о неких вечных духовно разрушительных еврейских чертах, разлагающих Европу, и т. д. напрямую требуют сопоставления с теориями 1900–1910-х годов, которые развивали в России В.В. Розанов или о. Павел Флоренский. А название одной из отколовшихся от Лиги национальной христианской обороны организаций под руководством К.З. Кодряну – «Легион Михаила Архангела» – непосредственно отсылает к русскому черносотенному «Союзу Михаила Архангела».

Параллели можно было бы множить. Но, похоже, детальное сопоставительное исследование – дело будущего. Ведь книга Ленель-Лавастин менее всего обращена к русскому читателю. Цель работы – исследование проблем Евросоюза, а с этой точки зрения Россия практически всегда будет исключена из подробного анализа. Видимо, российским исследователям, переводчикам и комментаторам подобных книг предстоит серьезно поработать над русским аспектом, не предусмотренным авторами в контексте их работы. Не говоря уже об аспекте еврейском.

Вернемся к проблеме места евреев во всем этом процессе. Ведь и у Элиаде, и у Чорана, и во Франции, и в Румынии были еврейские друзья и коллеги, и воспоминания о них не только тревожили остатки совести наших героев, но и заставляли их все время возвращаться к еврейскому вопросу и судьбе народа. Мы же продолжим размышлять об этом, помня, что именно в израильском журнале впервые появились материалы, разоблачающие Элиаде.

В самом начале нашей статьи был упомянут «Дневник» Михаила Себастьяна, который полностью издал уже в середине-конце 1990-х годов на румынском и французском языках Леон Воловичи, научный сотрудник Центра по изучению антисемитизма Еврейского университета в Иерусалиме. Ему же принадлежит и монография «Идеология национализма и “еврейский вопрос” в 1930-е годы», вышедшая на английском в 1991 году и на румынском в 1995-м. Эта книга – одна из важных предшественниц исследования Ленель-Лавастин.

Наряду с дневником М. Себастьяна, уникальным документом, из которого видно, как зарождались и вызревали в мировоззрении его близкого друга Мирчи Элиаде откровенно фашистские идеи. Судьба распорядилась так, что автор перенес все унижения, полагавшиеся еврею в «легионерской» Румынии, пережил этот период и, однако, вскоре погиб. Его дневник стал незапланированной хроникой румынской жизни Элиаде, который с мастерством истинного фокусника работал над своим, как сейчас принято говорить, имиджем. Однако безвременно погибший Себастьян обладал, как ни горько об этом говорить, одним важным преимуществом: ему не пришлось решать для себя, простить ли своего друга-антисемита с учетом трудностей его эмигрантской жизни или нового политического контекста.

Таким образом, дневник Михаила Себастьяна, пусть и изданный уже после смерти Элиаде, стал неопровержимым документом, опрокинувшим все построения ловкого мифолога. И вновь, как бы в отместку за содеянное румынскими фашистами против евреев, кара пришла из Израиля. А в этом, быть может, есть своя справедливость.

Более общая проблема раскрывается в разделе с неудивительным сегодня названием «Вечное возвращение евреев», где позиция Элиаде определяется так: «от антисемитизма к антииудаизму». В книге хорошо показано, что формулы в фашистских статьях румынского периода и в американских религиозно-исследовательских статьях исследователя структурно мало отличны друг от друга, лишь одни термины заменены другими. Отсюда же и идеи некоего чистого, избавленного от иудейских элементов христианства, носителями которого, «естественно», оказываются румыны и их легендарные предки даки.

Не менее сложные метаморфозы претерпело и послевоенное мировоззрение Чорана. Судьба послала ему испытание в виде встречи с философом Беньямином Фондане (Векслером), родившимся в Румынии последователем Льва Шестова – еще один российско-румынско-французский след в нашей истории, хотя Шестов в определенных кругах и не воспринимался как русский философ. Кроме всего прочего, Шестова волновали проблемы еврейства и иудаизма, о чем писал в мемуарах «Друзья моих ранних лет» видный русско-еврейский мыслитель Арон Штейнберг. Женатый на француженке и принявший французское гражданство Фондане достаточно открыто жил в оккупированном Париже. Как и в большинстве подобных случаев, дело закончилось доносом соседей и гибелью в газовой камере лагеря Биркенау в 1944 году. «Общество исследований творчества Беньямина Фондане» работает опять же в Иерусалиме и опять же публикует сдержанно лживые воспоминания Чорана о своем, как и в случае с Себастьяном и Элиаде, друге.

Евреи Румынии, ожидающие «поезда смерти». 1940-е годы.

На этом можно было бы и закончить рассказ о книге Ленель-Лавастин. Если бы не совершенно детективные истории, описанные в последних главах монографии. Оказывается, именно Чоран, по собственному утверждению, помог своему другу Паулю

Целану получить место учителя французского языка в немецком колледже во Франции. Поэт же перевел на немецкий чорановский «Краткий курс разложения». Однако, после того как Целан случайно узнал о деятельности философа в трагические для себя годы, все отношения были прерваны. Хотя после смерти поэта Чоран записывал для себя, что лишь не хотел травмировать его.

Надо сказать, Ленель-Лавастин абсолютно безжалостна ко многим евреям, включая классиков Шолема, Целана и Сола Беллоу (Элиаде стал прототипом героя его последнего романа «Рэвелстайн»), называя их, по аналогии с гитлеровским определением «полезные евреи», «полезными друзьями» бывших фашистов. Исследовательница ставит, тем самым, вопрос об ответственности евреев за контакты с личностями, подобными двум нашим героям, особенно если они принадлежали к интеллектуальному истеблишменту. Ведь в современном сверхтолерантном мире принято считать, что «мы любим их не только за это».

И жесткость исследовательницы имеет свои причины. Достаточно того, что в книге описывается совершенное уже в наши дни, по наиболее вероятной версии – бывшими участниками «Железной гвардии», убийство бывшего ученика и яростного защитника Элиаде Иона Петру Куляну. Тот рискнул опубликовать в румыно-американской печати материалы о фашистской деятельности главного религиоведа США и был убит выстрелом в голову в студенческом городке Чикагского университета 21 мая 1991 года.

Преступление это до сих пор не раскрыто. Однако характерно, что ученик и критик Гершома Шолема, профессор Еврейского университета в Иерусалиме и выдающийся исследователь экстатической каббалы Моше Идель также поддерживает версию об участии бывших легионеров в убийстве его друга. Подробную аргументацию на этот счет он приводит в большой статье «Размышления о жизни, смерти и истории религий. Вокруг убийства И.П. Куляну», опубликованной в Румынии. Ведь сам Идель, родившийся в Румынии, репатриировался в Израиль в 1963 году.

Этот факт вновь подтверждает то, с чего мы начали статью. Нынешние Европа и Америка стараются лишней раз не вспоминать кровавые истоки многих сегодняшних идей и концепций. И по-видимому, в современном мире при всех особенностях структуры его интеллектуальной элиты именно на интеллектуалов-евреев возложена сложнейшая задача: не дать своим коллегам забыть, что привело виднейших представителей философии, истории, литературы и т. д. к оправданию Холокоста, если не к открытой его поддержке и прямому участию в репрессиях. Возможно, сама исследовательница не ставила перед собой подобной задачи. Но дело не в этом. В конце концов, у читателей есть право на свое восприятие ее работы.

Однако, как явствует из книги Ленель-Лавастин, архаические представления и верования могут неожиданно превращаться в самые настоящие пули...

Поэтому и те евреи, которые молчали о своем коллеге, в наши дни не чувствуют себя уютно: «Многие друзья Элиаде, евреи по национальности, не желающие, чтобы сегодня их имена упоминались, единогласно признаются, что их всегда интриговал тот своеобразный “туман”, который существовал вокруг самого Элиаде и его творчества. Некоторые из них также сожалеют, что ему не хватило смелости предпринять настоящее сражение со своим прошлым; они подчеркивают, что, возможно, было бы гораздо лучше “примириться с раскаянием”, чем следовать тем путем, который он избрал. Кажется, понятие “раскаяние” присутствует и в христианской, и в иудейской религии?»

Другие же, как Цви Вербловски в юбилейном сборнике научных статей, посвященном Элиаде, списывают все на невозможность понять его творчество, «не зная... культурного румынского фона, в частности, идеи экстаза или запредельности времени, присущей православной теологии».

Весь наш опыт критики и анализа русских фигур, подобных Элиаде или Чорану, приводил в ответ к почти дословным оправданиям русского религиозного антисемитизма от такого рода «полезных друзей», которых, как и друзей и защитников знаменитого религиоведа, стоит назвать «полезными евреями».

И именно для того, чтобы не повторялись подобные истории, стоившие евреям не одних академических карьер, но и жизней, написана книга Ленель-Лавастин. И пусть в издании много недостатков: толком не решена проблема транскрипции; часть названий дается в подлиннике, часть в переводе; крайне раздражает отсутствие алфавитного указателя имен; совсем не профессионален макет и т. д. Важно другое: к счастью, работа вышла в России буквально сразу после французского издания, а не через десятки лет, когда она стала [\[1\]](#) «Dossier Mircea Eliade». Toladot / (Бюллетень Института им. д-ра Й. Немировера). Иерусалим. № 1. Январь-март 1972 г.

СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

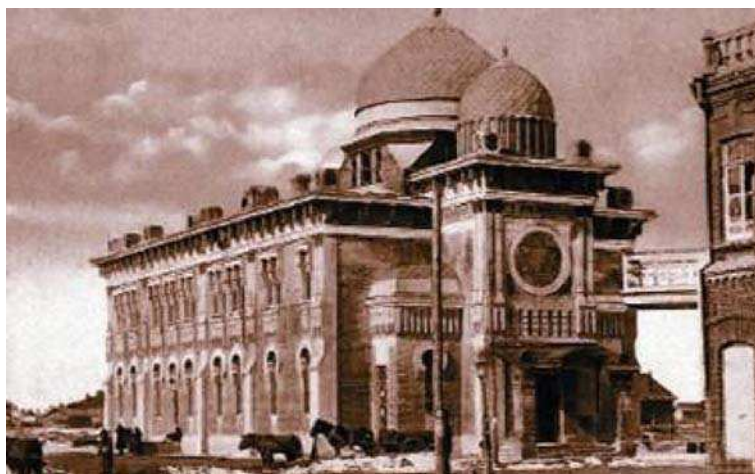
Î îëíàé Êðîëü

Имя Моисея Аароновича Кроля (1862, Житомир – 1942, Ницца) вряд ли знакомо широкому кругу читателей, но оно наверняка известно исследователям «Народной воли» и политической ссылки, специалистам по истории евреев в России и Западной Европе, а также этнографам-сибироведам, ибо оказавшись в 1890 году в ссылке в Забайкалье и прожив там шесть лет, Кроль превратился в прекрасного знатока культуры бурят.

В разные периоды жизни на первый план выступали разные стороны одаренной природы Кроля. В Петербурге, Одессе и Харькове он был известен как один из народовольческих лидеров, в Кишиневе, Гомеле, Житомире, Орше – как защитник жертв еврейских погромов на судебных процессах 1903–1905 годов, в Иркутске, где он пробыл с 1908 по 1918 год, – как председатель Общества по изучению Сибири и сотрудник газеты «Восточное обозрение», в Харбине и Пекине, куда переехал после колчаковского переворота, – как адвокат, в Париже (там он жил с 1925 года) – как видный деятель международного еврейского движения, председатель Кружка русско-еврейской интеллигенции.

Оказавшись в Европе, Кроль содействует изданию сборника «Еврейский мир» (1939) и сам активно сотрудничает в еврейских изданиях, где печатает статьи о положении евреев в России до революции и в советское время, резко выступает против идеи создания Еврейской автономной области на Дальнем Востоке. В 1931 году он начал работу над мемуарами, но лишь во второй половине 30-х годов осознал, что это будет последний и главный труд его жизни. Первый том мемуаров вышел в 1944 году в Нью-Йорке, уже после смерти Кроля, второй не публиковался и хранится в архиве Гуверовского института войны, революции и мира в Станфорде (Калифорния).

Полный текст мемуаров Кроля подготовлен к печати Н.Л. Жуковской и А.Э. Тенишевой и вскоре выйдет в издательстве «Мосты культуры». Два фрагмента «харбинских» глав из этой книги публикует «Лехаим».

ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ В ХАРБИНЕ

Основательнее всего мне удалось ознакомиться с общественной и культурно-просветительской работой, которую выполняло в Харбине еврейское население со времени проведения Китайско-Восточной железной дороги. Вращаясь почти исключительно в еврейских кругах, внимательно следя за деятельностью их общественных организаций и сам принимая участие в работах некоторых из них, я имел возможность узнать, сколько энергии, инициативы и подлинного творчества проявили харбинские евреи в деле строительства своей общественной жизни.

Рядом с исконными, традиционными формами еврейской общественности возникали учреждения и организации по образцу самых передовых стран.

Первые харбинские засельщики-евреи прежде всего обзавелись синагогой, больницей и богадельней – этими неизменными атрибутами всякой коллективной еврейской жизни. Вначале это были весьма скромные учреждения. Синагога ютилась в каком-то крошечном домике, больница и богадельня были тоже довольно бедно обставлены. Но по мере того, как число евреев в Харбине увеличивалось и их благополучие росло, вышеуказанные учреждения меняли свой вид, и рядом с ними возникали все новые и новые организации, задачей которых было полней и лучше обслуживать многообразные нужды и потребности еврейского населения в Харбине.

Если первые евреи, поселившиеся в Харбине, довольствовались «Талмуд-Торой», то есть начальной школой, где их дети обучались древнееврейской грамоте и Библии, то, когда еврейская община там разрослась, был создан целый ряд других учреждений – детский сад, профессиональная школа, музыкальная школа и гимназия, которая помещалась в прекрасном здании, выстроенном общиной на собранные для этой цели крупные пожертвования.

Была также расширена программа занятий в «Талмуд-Торе», и при ней открыты особые профессиональные курсы.

В то же время еврейская община в Харбине обзавелась целой сетью прекрасно поставленных благотворительных учреждений.

Женский благотворительный кружок оказывал всякого рода помощь, в том числе и трудовую, неимущим или мало имущим еврейским женщинам. Была устроена дешевая столовая, которая велась образцово.

Создана была специальная организация по выдаче нуждающимся в кредите лицам беспроцентных ссуд («Гмилус Хесед»), и это учреждение своей плодотворной деятельностью завоевало себе большие симпатии всего харбинского еврейского населения.

Когда я приехал в Харбин, еврейская общинная жизнь кипела ключом. Февральская революция, нашедшая горячий отклик и в русифицированном Харбине, точно вдохнула в еврейские общинные учреждения новую энергию и новые силы.

До 1917 года делами еврейской общины ведало духовное правление, но после революции еврейское население Харбина явочным порядком избрало общинный совет, который взял в свои руки руководство всей общественно-правовой жизнью евреев. Избранный на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и с

применением начала пропорциональности, этот совет представлял собою в миниатюре народное собрание, в состав которого входили делегаты от всех существовавших в Харбине еврейских политических партий и даже оттенков партий. Помню, что общинный совет состоял из 12 сионистов, 4 цейресионистов (имели некоторое тяготение к социалистам-революционерам); 3 поалей-ционистов; 10 бундистов; 4 ортодоксов и 2 членов фолкс-партай.

Так как сионистическое течение было представлено в общинном совете наибольшим числом делегатов, то председателем совета был избран горячий сионист, доктор А.И. Кауфман, человек большой энергии, талантливый оратор и хороший организатор.

Заседания совета были открыты для публики, и проходили они всегда с огромным оживлением. Этому оживлению много содействовали часто разгоравшиеся на них прения между сионистами и бундистами. Существовавшие между этими двумя партиями серьезные разногласия, как идеологического так и тактического характера, предопределяли и различный подход их к решению целого ряда конкретных вопросов еврейской общинной жизни.

Делегаты первой региональной конференции сионистов Дальнего Востока. Харбин, 1919 год.

Неудивительно поэтому, что почти каждый более или менее серьезный вопрос, стоявший на повестке, вызывал дебаты, иной раз носившие довольно страстный характер. И часто совещания общинного совета напоминали скорее «бурные» собрания парламента, нежели спокойные заседания органа местного самоуправления. И сионисты, и бундисты, конечно, хорошо понимали, что они вносят в свои прения слишком много «политики», но они смотрели на свои выступления как на особую форму пропаганды, благо публика их слушала с захватывающим интересом, а через эту публику они косвенно влияли и на широкие слои еврейского населения.

Надо, однако, заметить, что органическая работа общинного совета почти ни в какой степени не страдала от того, что на заседаниях его уделялось довольно много времени дебатам общего характера, так как конкретные мероприятия, намечавшиеся советом, проводились в жизнь особыми комиссиями, в которых работа велась с большой энергией и серьезностью. Таких комиссий было при общинном совете четыре: культурно-

просветительная, социальной помощи, хозяйственная и финансовая. Я участвовал в занятиях комиссий социальной помощи и культурно-просветительной и сохранил очень хорошую память как о результатах деятельности этих комиссий, так и о товарищах, с которыми я совместно работал.

Но достижениями общинного совета и его комиссий далеко не исчерпывался актив еврейской общественности в Харбине. Партийные организации и даже группы в свою очередь проявляли свою творческую энергию в самых разнообразных формах. С особым жаром, я сказал бы, даже с пафосом вели культурно-просветительскую и политическую работу сионисты. Их лидеры, доктор Кауфман и Равикович, были неутомимы. Сионистский партийный центр уделял особенное внимание политическому воспитанию молодежи: ее интерес к сионистической проблеме и к Палестине поддерживался лекциями, докладами, торжественным соблюдением еврейских праздников и т. д. Харбинские сионисты издавали еженедельный журнал «Еврейская жизнь», который не блистал литературными талантами, но все же по мере сил его сотрудников освещал местную жизнь и трактовал общие еврейские проблемы, конечно, всегда в свете сионизма и исходя из сионистической идеологии. Руководство занятиями в гимназии, о которой я писал выше, было также в руках сионистов.

Развили также весьма интенсивную деятельность бундисты. В Харбине еврейских рабочих было очень немного, поэтому сфера влияния бундовской организации была весьма ограничена. Все же политический и общественный удельный вес бундистов в Харбине был весьма значителен благодаря тому, что лидеры этой организации, Л.Д. Эпштейн, Маиофес и другие, с большой энергией, настойчивостью и знанием дела отстаивали свои идейные позиции и весьма успешно вели свою пропаганду. Бундисты также имели свой клуб, «ималдаг», где читались доклады и лекции на самые жгучие темы, а также происходили дискуссии, привлекавшие очень много публики.

Так, представители двух партий, имевших в дореволюционной России такой большой резонанс в широких кругах еврейского населения и ведших за собою огромные массы преданных им последователей, продолжали свою деятельность на Дальнем Востоке, на чужбине, где евреев была сравнительно горсточка. И это было возможно только потому, что харбинские евреи сохранили нетронутыми и дух, и психологию, и навыки, и чаяния, коренившиеся у них на прежней родине, в России.

Еврейская и китайская девочки. Харбин, 1922 год.

ПОЕЗДКА В ЯПОНИЮ. ПУТЕШЕСТВИЕ НА РИКШАХ И С РИКШАМИ

Тем временем снова пришло харбинское лето с его палящим изнурительным зноем, и снова начался летний разъезд. Кто довольствовался отдыхом на дачах при близ лежащих к Харбину железнодорожных станциях, а кто направлялся на далекие курорты. Например, госпожа Гурфинкель, у которой я снимал комнату, решила поехать со своей дочерью недель на шесть на известный японский курорт Унзен, расположенный в горах вблизи Нагасаки и славившийся своими сернистыми источниками. Советовала госпожа Гурфинкель и мне поехать в Унзен, так как курорт этот весьма благоустроен и я смогу там хорошо отдохнуть, а при желании и пройти курс лечения тамошними чудодейственными ваннами.

Прибыв по железной дороге в Фузан, я сел на пароход, который на следующее утро отбыл в Нагасаки. Из Нагасаки мне пришлось опять проехать некоторое расстояние по железной дороге до какой-то маленькой станции, откуда, как мне было известно, казенный автомобиль доставлял в Унзен едущих туда пассажиров.

Прибыл я на эту маленькую станцию под вечер, и велико было мое удивление и огорчение, когда автомобиля я уже не застал. Потому ли, что я в Нагасаки сел не в тот поезд, или наш поезд опоздал, но автомобиль укатил в Унзен незадолго до моего приезда на место. Пытался я узнать у начальника станции, смогу ли я еще попасть в тот день в Унзен, но безрезультатно. Многие японцы говорят, плохо ли, хорошо ли, по-английски, но, как назло, этот начальник станции ни слова не понимал на этом языке. При помощи жестов и многократного упоминания слова «Унзен» я с большим трудом выяснил, что следующий автомобиль повезет пассажиров лишь на другое утро. Неожиданно я оказался в весьма затруднительном положении. Что делать? Как мне быть? При станции, на которой я сошел, не было ни гостиницы, ни даже простого заезжего дома. Только несколько маленьких домиков лепилось вблизи железнодорожных строений. Искать ночлега в одном из этих домиков как-то не хотелось, да и незнание языка лишало меня возможности выяснить, пустят ли меня на ночь эти не знакомые мне люди. Между тем солнце было уже на закате и надвигались сумерки. Сознаюсь, что я себя чувствовал

прескверно, и тщетно ломал голову, чтобы как-нибудь выпутаться из тяжелого положения, в которое я попал. И в этот момент один из рикшей, стоявших у подъезда и, по-видимому, ожидавших пассажиров, которых не оказалось, подошел ко мне и знаками, и жестами, и опять-таки неоднократным упоминанием слова «Унзен» дал мне понять, что он и его товарищ готовы меня возить в Унзен. Один повезет меня, другой мои вещи. И это мне обойдется в 10 иен. Знал я, что до Унзена от станции не меньше двадцати километров, что нам придется все время подниматься в гору, что скоро спустится ночь, и безлунная ночь, что наше путешествие продлится не меньше пяти часов, но желание скорее положить конец создавшемуся для меня нелепому положению и очутиться в благоустроенном отеле было так сильно, что я недолго думая решил пуститься в настоящую авантюру и дал понять рикше, что я согласен, чтобы он и его товарищ меня повезли в Унзен.

Немедленно я был посажен в одну колясочку, мой чемодан был положен на другую, и мы двинулись в путь. И я никогда не забуду этого переезда. Сначала мои рикши бодро бежали по ровной дороге, как это полагается опытным, старым рикшам (они действительно были оба уже стариками), но вот начался подъем и рикши замедлили шаг. И чем дальше мы продвигались, тем круче становился подъем. Мои рикши тяжело дышали, пот струился по их лицам, а платки, которыми они вытирали этот пот, были мокры, хоть выжми их. И рикши действительно неоднократно останавливались, чтобы выжать свои мокрые платки, и пот стекал с них, как вода. Я себя чувствовал отвратительно, видя, каких страшных усилий стоило моему рикше возить меня. Несколько раз я пытался соскочить с коляски, но мой возница решительно не давал мне сойти, местами мне объясняя, что самое трудное еще впереди.

Моисей Кроль.

Спустилась ночь, и сумрак окутал нас. Мы медленно поднимались в гору; по обе стороны отличной шоссейной дороги темнела лесная чаща. Небо было ясно, и мириады звезд раскинулись по его безбрежному своду, слабым своим сиянием рассеивая несколько ночной сумрак. Кругом царила жуткая тишина, нарушаемая лишь звуками легких шагов рикш и тяжелым их дыханием. Было уже около десяти часов вечера, когда впереди нас зажегся огонек, который оказался светом, лившимся из окошечка терявшейся во мраке хижины. Была ли эта хижина жилищем лесного сторожа или одинокого охотника, или специальным пристанищем для рикш, перевозивших пассажиров в Унзен и обратно на станцию, я, конечно, не мог выяснить, но когда мои рикши поравнялись с этой хижинкой, они остановились, вздохнули с облегчением и объяснили мне весьма красноречивыми жестами, что они устали и намерены в этом доме поесть и попить. Мы

вошли в избу, и хозяйка дома принялась быстро готовить для рикш кушанье и чай. И через минут десять-пятнадцать мои рикши с завидным аппетитом съели большие порции рису и запили этот рис немалым количеством чашек чаю. Глядя, с каким увлечением они ели и пили, я вспомнил, что я ничего не ел и не пил с часу дня, и мне тоже сильно захотелось есть. Но я почему-то не решился попросить хозяйку накормить и меня, очень уж неаппетитно все подавалось. Подкрепившись и прибодрившись, мои рикши попрощались с хозяевами, и мы вышли на дорогу, чтобы продолжать наше нерадостное путешествие. И тут рикша, который был постарше, обратился ко мне со следующим предложением. Так как впереди нас ждет очень крутой подъем, то им будет крайне тяжело везти и меня и мой багаж. Но если бы я согласился пойти пешком, то они одну колясочку оставили бы у хозяина хижины, и вдвоем повезли бы колясочку с моим чемоданом, и мы скорее бы прибыли в Унзен. Все это было объяснено весьма выразительными жестами. Я отлично его понял и, не отдавая себе отчета в последствиях, которые может иметь для меня это испытание, тотчас же согласился продолжать путь пешком.

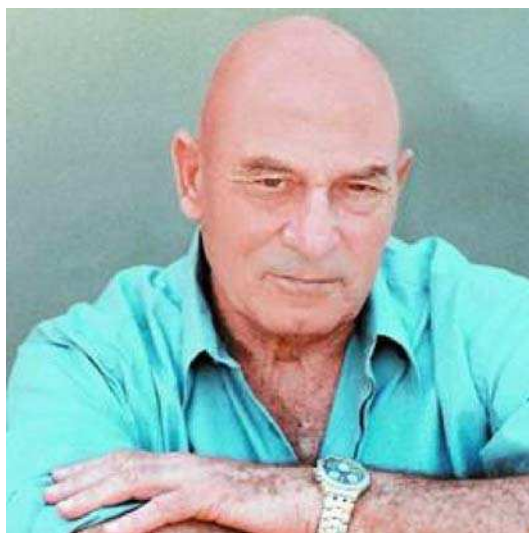
Было уже около одиннадцати часов вечера. Рикша был прав. Начался очень тяжелый подъем, и мы продвигались вперед с большим усилием. В полночь я стал чувствовать сильную усталость, хотя мы шли очень медленно, как полагается при восхождении на очень крутую гору. Остановившись, чтобы немного передохнуть, я спросил рикшу: «Унзен?»

И старший из них, сразу поняв значение моего вопроса, стал мне жестами объяснять, где именно расположен Унзен. Он несколько раз простирал свою руку по направлению одной из ближайших гор и указательным пальцем точно уткнулся в место, где находился курорт. И я понял, что мы еще очень далеко от цели. Мы снова поплелись вперед. В час ночи я почувствовал, что силы меня оставляют. Я едва передвигал ноги, меня мучила жажда. Рикши тоже были измучены и все время так кряхтели, что я с большой тревогой думал, не пристанут ли и они. С глубокой жалостью я смотрел, как тяжело им было толкать свою коляску с моим чемоданом. В половине второго ночи меня обдало тяжелым запахом, распространяемым сернистыми источниками, но в тот момент этот запах мне был милее аромата самых нежных роз, так как он был предвестником того, что Унзен совсем-таки близок. Едва волоча ноги, но радуясь, что я уже у цели, я напрягал последние силы, чтобы добраться до отеля, где по моей телеграмме из Нагасаки Гурфинкели должны были снять для меня комнату. Вот мы в Унзене. Рикши ведут меня к отелю. Вид у нас троих плачевный. Несмотря на поздний час, отель освещен. Я с трудом держусь на ногах. К великой моей радости, меня встретила хорошая моя знакомая по Харбину Н.П. Гуцина, жена талантливого художника Гуцина. Мой вид ее немало испугал. Узнав, что я пришел пешком и что я целый день ничего не ел, она тотчас же заказала для меня ужин. Вошел я в столовую в состоянии полной прострации, но, поев немного и утолив свою мучительную жажду, я несколько пришел в себя. Отправляясь спать, я был уверен, что на следующий день буду чувствовать себя совершенно разбитым, но, проспав хорошо ночь, я, к великому своему удовольствию, проснулся бодрым и свежим. Я оказался гораздо выносливее, чем думал. Так кончилась благополучно моя весьма легкомысленная затея попасть в Унзен не на автомобиле, как это все делали, а с помощью рикш.

ПРАВДА ВЫМЫСЛА

Àíí à Èííéíáí

Книга Цви Яннай «Твой Сандро»¹¹ была удостоена в мае текущего года премии Сапира – главной литературной награды Израиля (150 тыс. шекелей и перевод книги на любой избранный автором иностранный язык). И вот что странно: премия присваивается за достижение в художественной литературе, а перед нами богато документированная автобиография, интересная и увлекательная, но явно попадающая под определение «нон-фикшн», «нехудожественная литература», за которую данная премия не выдается. Не означает ли это, что речь идет не о мемуаре, а о своего рода мистификации или умелом синтезе мемуаристики и прозы, факта и вымысла, столь характерном для современной изящной словесности?

Оба предположения могут оказаться верными, но есть и третий вариант: нынешняя жизнь порой так затейлива, что превосходит в изобретательности вымысла самую изощренную писательскую фантазию. Не раз хочется сказать, выслушав очередное повествование «из жизни»: даже в книгах так не бывает, слишком причудливо все выдуманно.

Как бы то ни было, автору нельзя отказать ни в художественном вкусе, ни в композиционном мастерстве. Только дидактики, пожалуй, многовато, иных претензий к повествованию нет.

Содержание книги таково: автор, семидесятилетний пенсионер, наконец находит время для приведения в порядок семейных дел. По ходу действия выясняется, что дела эти, в свое время отставленные в сторону как несущественные, являются причиной душевного беспокойства автора-героя, его многочисленных комплексов и идиосинкразий. Заполнить дыры в семейной истории и собственной биографии означает пройти курс аутопсихотерапии, и поскольку Яннай – автодидакт, не имеющий даже школьного аттестата зрелости, но сумевший достичь высоких должностей и всеобщего признания, поставленная задача кажется ему вполне выполнимой.

Автор родился в Италии от бродячего эстрадного певца, то ли венгра, то ли цыгана, и танцовщицы, сбежавшей с ним из отчего дома в Гарце. Мать танцовщицы явно еврейского происхождения, относительно происхождения отца, как сказано выше, существуют сомнения. Цви Яннай предполагает, что он сам появился на свет вне брака, как и две его старшие сестры, Фиоренца и Лизетта. Кроме того, он смутно помнит, что должен был быть еще один ребенок, мальчик по имени Ромоло, которого по какой-то причине где-то потеряли или оставили.

Отец сбежал от семьи в середине второй мировой войны; насколько автор помнит, уехал из Италии в родную Венгрию. Впрочем, ходил и слух, что отец пропал в русском плену. Мать умерла через год с небольшим после исчезновения отца; как и почему – автору неизвестно. Трое детей остались на попечении итальянской няни, которая их не бросила, несмотря на суровость расовых законов. Все они были крещены в католичество, прошли через полагающиеся таинства и стали верующими христианами. Кроме того, Цви Яннай, которого тогда звали Сандро, успел побывать в рядах фашистской молодежи, безгранично преданной дуче Муссолини.

Пережив голод, холод и бомбежки союзников, дети попали в руки солдат Бригады (еврейского подразделения британских войск, сформированного, в основном, из евреев Палестины) и были отправлены к дяде, жившему в Хайфе, который передал их на воспитание в близлежащие кибуцы. Цви Яннай отрезал от своего прошлого, приложив к тому немалые усилия, и стал стопроцентным израильянином, да еще левого толка, что испортило его отношения с дядей-ревизионистом.

Однако погребенное под ворохом новоприобретенных представлений и навыков прошлое невыносимо давило, вызывая фобии и немотивированные поступки. Так, автор не мог заставить себя поехать в Италию, слушать оперную музыку и воспринимать европейский образ жизни. Смелое решение восстановить в памяти семейное и личное прошлое, найти объяснение поступкам отца и матери, понять, кем они были и почему действовали так, как действовали, заставило автора собрать все существующие письменные свидетельства, а также направить запросы в различные итальянские, венгерские, австрийские и английские службы и встретиться наконец с итальянской няней и другими лицами, игравшими существенную роль в его судьбе.

Из бумаг у него в руках оказались: связка писем, полученных покойной матерью от бабушки Луизы из Гарца, где наряду с рецептом еврейского холодца из свиных ножек и советами, как прекратить нежелательную беременность, можно было найти разгадку многих семейных тайн; письма и документы из архива покойного дядюшки Пали в Палестине; кое-какие официальные послания из различных организаций и посольств и небольшая пачка фотографий.

На основании этого материала автор восстанавливает ход событий, происходивших с момента побега матери из отчего дома и вплоть до ее смерти: легкомысленная молодая женщина, поначалу готовая ради сохранения любовных уз даже на отказ от только что рожденного сына, оказывается в конце повествования несчастной, любящей и преданной матерью. В письмах матери к брату и бабушки к матери Яннай находит достаточно материала и для воссоздания забытого образа отца, человека жесткого, вспыльчивого, невезучего, но не лишеного человечности. Лучше всего описана в романе бабушка Луиза, пытавшаяся поставить сына и дочь на ноги после смерти мужа, но не сумевшая предотвратить бегство одного в Палестину и безумные приключения другой в Италии. Бабушка без конца беспокоится о судьбе сына, дочери, внуков, в том числе и брошенного Ромоло, парализованной сестры и дальних родственников, остается

одна-одинешенька во время аншлюса и заканчивает жизнь в печах крематория под Люблином. Ее письма, полные заботы, любви и житейской мудрости, окончательно примиряют автора с его прошлым и заставляют размышлять о предопределенности и случайности, о Б-ге, судьбе и теории эволюции. Эти размышления читатель может опустить без существенного ущерба для себя.

Яннай компоует отрывки из писем и документов достаточно произвольно и комментирует их по собственному усмотрению в стиле дедуктивного расследования, оставляя читателю широкое поле для внутреннего спора с автором и собственных выводов, не обязательно совпадающих с выводами Яннай. Это умение войти с читателем в своего рода литературную игру, сделать его сорасследователем семейной истории, позволить ему сложить пазл по-своему и стать таким образом соавтором ненаписанной, но остающейся в памяти книги поистине удивительно. Подобная игра вполне соответствует нынешней литературной моде, но в данном случае мы имеем дело с исключительно искусной манипуляцией, почти незаметной и очень увлекательной.

Остается прибавить, что в Израиле автор отнюдь не анонимен. Цви Яннай – бывший генеральный директор Министерства науки, заложивший основу для электронизации всей страны, создатель и редактор необычайно популярного интеллектуального журнала «Махшавот» («Мысли»), автор серии популяризаторских научных передач на израильском телевидении и весьма импозантный телеведущий, литературный критик и даже своего рода политехнолог, одна из видных израильских общественных фигур. И еще: он офицер в отставке, спортсмен-парашютист, любитель других экстремальных видов спорта, неутомимый путешественник и любимец женщин. Все вместе взятое – от невероятных семейных приключений до сложной и яркой личности автора – придает повествованию особый блеск и загадочность.

А если и этого недостаточно, сообщим, что повествование ведется в виде писем к чудесным образом обнаруженному брату Ромоло, ставшему известным итальянским профессором-биологом, который как бы вмешивается в ход расследования, знакомящего его с историей доселе незнакомой ему собственной семьи, и пытается понять, почему он был брошен родителями на произвол судьбы и разыскан младшим братом только в почтенном пенсионном возрасте.

Истинное существование брата вызывает сомнение, тем более, что он уже на первых страницах отказывается от публикации своих писем-ответов, а в конце мистически исчезает, не оставив даже фотографии. Подлинность личности брата – не единственная сомнительная деталь в книге, которую иначе, чем романом, назвать трудно. Надо отдать автору должное: даже если некоторые письма из случайно сохранившейся пачки выглядят придуманными, поскольку точно заполняют заранее обозначенные пустоты, стилистически они полностью совпадают с подлинными или якобы подлинными. В конечном счете, сложно решить, жила ли на свете бабушка Луиза или она литературный персонаж, вставленный в коллаж из фотографий семейного альбома, – уж слишком эта фигура выверена и выстроена. Зато личность дяди Пали, сумеречная, неразгаданная, описываемая автором с искренней неприязнью, вполне жизненна и достоверна именно в силу своей непрописанности.

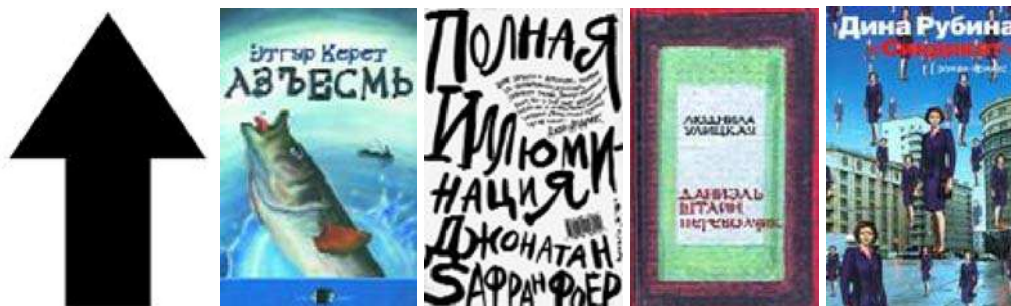
Как бы то ни было, идет ли речь о мистификации, хитроумном литературном вымысле или мастерской обработке подлинной истории, художественность этой прозы сомнению не подлежит, и премию она получила по праву.

¹¹ Цви Яннай. Шельха, Сандро. «Кетер», 2008.

МИНУСЫ И ПЛЮСЫ

לֵאמֹר אֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֲדַבְרֶנּוּ

В нашей новой рубрике мы будем знакомить читателя с экспертными оценками сегодняшнего состояния рынка еврейской книги на русском языке. Границы самого понятия «еврейская книга на русском языке», настоящее и будущее русскоязычной еврейской книги, нынешнее состояние русско-еврейской литературы и ее перспективы, ситуация с переводами израильской, западноевропейской, американской еврейской прозы, российская еврейская община и еврейская эмиграция как субъекты книжного рынка, еврейские книжные инициативы в современной России – эти и другие аспекты проблемы будут обсуждать гости рубрики: литераторы, критики, журналисты, профессора, то есть люди, по роду своих занятий профессионально читающие книги и отслеживающие тенденции, связанные с их изданием и читательской реакцией на них. Задача рубрики – не нарисовать благостную картинку, а выявить реальные болевые точки, места потенциальных разрывов и сломов. Мнения наших гостей могут казаться спорными, парадоксальными, даже провокационными, заключения одного эксперта нередко будут противоречить выводам другого. Но нам представляется, что ценность высказываемых точек зрения – не в их абсолютной истинности, а в заведомой компетентности произносящих их профессионалов. Надеемся, что, собранные вместе, эти экспертные мнения помогут читателю сформировать собственное представление о современном состоянии еврейского книгоиздания в России.

Вычленить собственно еврейский сегмент современного российского книжного рынка затруднительно: те авторы, которые привлекают внимание широкого круга образованных читателей, не всегда опознаются как еврейские. Если, к примеру, в текстовый имидж Вуди Аллена входит его еврейскость – пусть скорее как прием, нежели как органическое свойство, – то большинство читателей «Хроник» Боба Дилана даже не догадываются о том, что держат в руках книгу еврейского писателя.

В сегодняшней российской культуре еврейскость является не столько преференцией, сколько проблемой. Помещение произведения в маркированно еврейскую серию, скажем в «Прозу еврейской жизни», скорее закрывает доступ к нему для большого числа русских читателей, чем привлекает внимание широкой еврейской публики. Понятно, что это скорее вопрос специфики еврейского комьюнити России, чем свойство книжного рынка, но, если перефразировать выражение одного известного тирана, других евреев у меня для вас нет.

Хотя среди тиражных российских авторов есть и те, кто использует свою популярность для привлечения внимания к еврейскому вопросу. Прежде всего речь идет о Людмиле Улицкой и Дине Рубиной. Причем если Рубина делает это не очень агрессивно, то Улицкая, с ее учительскими задачами, сознательно заостряет тему.

Может показаться, что феномен Улицкой и Рубиной опровергает то, что сказано выше. В самом деле, если несколько сотен тысяч русских читателей обсуждают роман о богословских сомнениях католического священника еврейского происхождения («Даниэль Штайн, переводчик»), если десятки тысяч людей интересуются шаржем на сотрудников московского Сохнута («Синдикат») – о каком кризисе русско-еврейской книги можно говорить?

Но в случае с Рубиной нельзя забывать, что территория распространения русской книги сегодня простирается много дальше государственных границ Российской Федерации. Русскоязычная книжная торговля в Израиле, Америке, Германии, Чехии в большой мере ориентирована на еврейского читателя. Ему-то целевым образом и адресован «Синдикат» – все эти люди так или иначе соприкасались с Сохнутом, это книга о части их жизни. Как оказалось, традиционный еврейский антисемитизм вполне способен обеспечить современному русскому роману серьезный тираж.

Случай Улицкой гораздо более сложный. Я думаю, что она попала в нервный узел современной русской культуры. Дело в том, что сегодняшняя Россия мучительно и невнятно пытается подыскать себе что-нибудь вроде религиозной идентичности. На этом фоне книга Улицкой читается не как история происхождения раннего христианства из духа позднего иудаизма, а как описание драматического индивидуального духовного поиска. И это отзывается в сердцах огромного количества россиян и русскоязычных жителей других стран.

Что касается присутствия в сознании современного русского читателя западных еврейских классиков или израильских авторов, то здесь очень остро встает проблема качества перевода (в особенности это касается ивритоязычных прозаиков). Великие русские писатели Сэлинджер, Павич, Воннегут, Маркес, Борхес, Кортасар оплодотворили поколения отечественных авторов, которые на самом деле следовали за переводчиками, вышившими по канве классиков замечательные произведения русской литературы.

К сожалению, из тех произведений израильских авторов, что я читал за последние годы, фактом русской культуры – и довольно влиятельным, по крайней мере для молодого писателя и молодого читателя, – стали только переводы Этгара Керета, выполненные Линор Горалик. Я не владею языком, я не могу сказать, насколько эти переводы точны, в какой степени Керет Горалик – это тот Керет, которого знают израильтяне. Я видел Керета во Франкфурте и готов предположить, что этот человек действительно мог написать те тексты, которые я читал по-русски, – это максимум моего приближения. Но сборник «Азъесъмь» – действительно сильный и цепляющий русский текст.

Мне кажется чрезвычайно успешной судьба Джонатана Фоера в России. Успех этот связан, конечно, с тем, что Фоер великий современный писатель, но в еще большей степени он проистекает из того факта, что Василий Арканов – великий современный переводчик. «Полная иллюминация» (перевод заглавия, на мой вкус, не слишком удачный, но сейчас не об этом) – это книжка, которую невозможно прочитать вне ее еврейской составляющей, при этом она страшно привлекательна. Я вижу, как люди, еще вчера не задумывавшиеся о еврейской проблематике – просто русские мальчики и

девочки, читающие книжки, – после Фоера совершенно иначе стали воспринимать Холокост. Я понимаю, что это может показаться кощунством, но все-таки: тема Холокоста в России воспроизведена очень кривенько. Она практически не имеет внятного изложения, она дана как аксиома, но не произрастает из национальной культуры. И роман Фоера – это одна из тех штучных опор, на которых зиждется понимание сути Холокоста в новой России.

Возвращаясь к переводам: Амос Oz – говорят, великий писатель – фактом русской культуры не стал. То же касается Шалева и прочих израильских авторов. Я слышал (и думаю сам после личного знакомства), что Лиззи Дорон блистательный писатель, но ее книга «Почему ты не пришла до войны?» (переведенная, между прочим, с немецкого, а не с иврита) оказалась по-русски тяжеловесной тягомотиной. Увы, примеры можно множить.

Есть ли будущее у русско-еврейской литературы и русско-еврейского читателя? Какое оно? Ответ на этот вопрос лежит скорее в области социологии и демографии, нежели литературной критики и исследования книжного рынка. Будет в России сильное и структурированное еврейское комьюнити – выделится русско-еврейская литература, увеличатся тиражи переводных книг еврейских авторов. Продолжится процесс ассимиляции – значит, залог успеха в том, чтобы обращаться к универсальным темам и ценностям, пусть и излагая их в узнаваемой еврейской манере.

Русскоязычный книжный рынок сейчас вступает в сложную эпоху. В возраст потребления культуры входит недоукомплектованное поколение ранних 90-х, а это означает, что количество читателей в России будет снижаться. Параллельно происходит ассимиляция русской эмиграции – дети экономических эмигрантов скорее будут говорить и читать на языке страны пребывания, нежели возвращаться, как их родители, к русскому языку и русской литературе для досугового чтения. Я подозреваю, что спрос на русскую книгу в зарубежных русских комьюнити должен также падать. А так как этнический состав русской эмиграции совсем непредставителен по отношению ко всей России и еврейская составляющая в нем очень заметна, то, я думаю, еврейский сегмент русскоязычного книжного рынка будет ощутимо сокращаться, до некоторой степени замещаясь еврейской литературой на немецком, английском и иврите.

Переломить эту тенденцию отчасти призваны инициативы программы «Эшколь», сайта «Букник», ассоциации «Мосты культуры» и т. п. Их работу не стоит измерять дополнительными экземплярами книг. Деятельность эта направлена главным образом не на то, чтобы продать как можно больше еврейских книжек, а на возвращение еврейского вопроса в поле обсуждения. Странным образом вопрос, который так тревожил 200 лет подряд всех русских интеллигентов до Солженицына включительно, в конце 1990-х практически ушел из оборота – причем ушел даже в негативном своем варианте.

Так вот, работа, которую ведут «Букник», «Эшколь» и прочие, – это серьезный и по возможности вне привычных штампов разговор о сосуществовании русской и еврейской культур в рамках одного государства и одного языка. Это создает пространство дискуссии, которая, в свою очередь, формирует потенциального будущего читателя. Более того, и «Букник», и «Эшколь» демонстрируют лицо еврейской культуры, прежде здесь почти неведомое. Речь не идет об ассимиляции, о размывании своей еврейской идентичности, но при этом их позиция открыта к диалогу: мы знаем, что мы евреи, но из этого не следует, что вы, неевреи, не имеете права потреблять нашу культуру, участвовать в ней и т. д. А ясная этническая идентичность, если она не основана на истерике, всегда привлекательна, особенно для такого проблемного в этом смысле существа, как современный россиянин.

МАЙ КРУЖИТ ВОКРУГ ИЗРАИЛЯ

Афанасий Мамедов

Кто родился в приснопамятные советские, помнит журналы «Англия» и «Америка», исполненные тогдашнего «блеска», отцензурированные с такой заботой, что от туманной «Англии» на пятичасовой чай оставалась лишь пара кусочков сахара, а от «Америки» – обглоданная лапка благодарной за все индейки. Тем не менее названные журналы на одной шестой пользовались неизменным успехом, и не только потому, что все прекрасно понимали, лучше все-таки сто раз подержать журналы в руках, чем ни разу – даже во сне – не прокатиться в двухэтажном лондонском автобусе. Прирученные «Америка» с «Англией», раскинутые бодрящим веером на журнальных столиках в советских малогабаритках, обозначали некий социальный статус хозяев, укрепляли в душах надежду на светлое будущее.

Впрочем, возможность увидеть все, что находилось по ту сторону пограничных столбов, все-таки была, правда, одна на всю страну и ценою немислимых потерь. Люди, уезжавшие в Израиль, прощались с Россией навсегда. И с ними прощались навсегда, как с покойниками. Глухие стояли времена. Израиль для гражданина СССР был вроде смерча библейского, всасывающего родных и друзей, без которых «совок» еще пуще наливался краснозвездной тяжестью будней. Но времена меняются, а вместе с ними и привычное положение вещей. Сначала к нам стали приезжать «воскресшие» наши «предатели родины», затем мы к ним – подлечиться на Мертвом море, пройтись по стенам Сулеймана Великолепного, забыться на улочках Ямин Моше. А теперь – вот кто бы мог подумать – старинный и любимый журнал «Вокруг света» отдал весь майский номер под Израиль: как-никак страна отмечает свое шестидесятилетие.

Задача перед «вокругсветовцами» стояла не из легких – с одной стороны, попробуй, Расскажи об Израиле в одном номере, с другой – как не уподобиться стародавней «Англии» с «Америкой». А если еще учесть, что за последнее время Израиль стал ближе России, чем многие республики СНГ, а республикам СНГ ближе, чем Россия...

Короче, надо было петь своим неповторимым.

Встречает нас «наш человек в Иерусалиме» – писательница Дина Рубина, салютует залпом этюдов, настраивающих нашу оптику, спасающих от возможных в путешествии по Святой земле перегрузок: «Миновали наши Пасхи, отгремели, отлетели. <...> Все путем, все как обычно: одни вышли из Египта – куда надо; у других – кто надо вовремя воскрес». Ну чем не рекомендательное письмо? С ним вы не пропадете даже в арабском квартале Иерусалима, особенно если перевесите рюкзак со спины на грудь. А то, что Дина Рубина свой иерусалимский балкон ни на какие версали не променяет, – кто бы сомневался, достаточно взглянуть на фотографии Александра Сорина.

Большое путешествие Игоря Трибельского открывает возрожденную библейскую географию. Тут и долина у холма Мегидо (по христианской традиции именно здесь должна произойти последняя битва Добра со Злом – Армагеддон), южный берег Мертвого моря – предположительное местонахождение библейского Сдома, Масличная гора, с которой связывались издавна представления о приходе Машиаха... Путевые заметки Трибельского, с Библией и фотоаппаратом в руках, лишний раз убеждают: всяк вступивший на землю Авраамову чувствует свое родство с ней.

Статья Семена Федосеева и Владимира Щербакова «Оружие для Земли обетованной» о том, как и чем ее отстаивали в частых войнах. У многих, наверное, вызовет удивление тот факт, что «Хаганой» использовалось оружие вермахта. «Оружие само по себе не имеет политических или национальных предпочтений, и бывшее оружие Третьего рейха тогда активно передавалось многим странам “третьего мира”».

Израильтяне умеют не только воевать, но и шутить: «Иерусалим – молится, Тель-Авив – гуляет, Хайфа – работает, Беэр-Шева – спит». А когда не возбраняется гулять всем? Когда «Б-г на свадьбе». В рубрике «Традиции» Михаил Горелик знакомит с особенностями израильских свадеб: кому хупа, а кому – Кипр. Почему? Да потому что «браки в Израиле – в исключительной компетенции религиозных общин».

Тот факт, что каждый четвертый в Израиле говорит на русском, отнюдь не случаен, и разве не обязан многим нынешний Израиль евреям – выходцам из России. Как жила, о чем мечтала, как влюблялась и любила «железная леди», «Бисмарк в юбке», «единственный мужчина в израильском правительстве» – Голда Меир, рассказывает Иван Измайлов.

Иудаизм, древний и современный, стратегически важное для Израиля опреснение воды, целебная сила Мертвого моря, израильская космическая программа и израильский автодром. Не будет преувеличением сказать, что все материалы журнала исполнены с большим вкусом и любовью.

Майский «Вокруг света» можно красиво «забыть» на журнальном столике, как когда-то «Англию» и «Америку» (люди мало меняются со временем), можно взять с собой, если вы отправляетесь в Израиль, и даже более того – по приезде домой с интересом перечитать, сравнивая свои ощущения от путешествия с ощущениями тех, кто трудился над этим номером.

PRO ET CONTRA

Михаил Левитин

Лжесвидетель: Повесть-небылица

М.: Текст, 2007. – 192 с.

Мадагаскарай, мадагаскарад

Гитлер очень любил евреев. А вот его соратники их не жаловали. Даже недоумевали: «Что связывает фюрера с этими евреями?» Да и прочий мир особой любви не выказывал. Скорее наоборот. Понял Гитлер, что не будет евреям житья без своей, отдельной от всех остальных народов, территории – и приступил к окончательному решению еврейского вопроса. То есть переселил их всех на Мадагаскар. Но сначала он оккупировал Францию, которая ни за что не хотела делиться своей заморской территорией. Потом посетил Антананариву и окрестности, проверил, достаточно ли там комфортно, смогут ли любимые евреи приспособиться к непривычному климату, полюбят ли странные островные пейзажи. Пришел к выводу: приспособятся, полюбят. И лишь затем засмолил евреев в бочку... то бишь посадил на корабль – и отправил туда, к берегам Южной Африки...

Михаил Левитин, художественный руководитель театра «Эрмитаж», написал очень театральную вещь. «Лжесвидетель» – это трагический гротеск, который органичнее смотрелся бы на сцене, чем в книжном переплете. Но – оказался не спектаклем, а «повестью-небылицей» и в таком виде тоже вызвал интерес. Последовали рецензии, премия журнала «Октябрь» (там была первоначально напечатана «небылица» Левитина) за лучшую публикацию года. Впрочем, внятного анализа повести пока, кажется, не появилось. А жаль – текст Левитина безусловно заслуживает внимания и компетентного обсуждения.

Вначале, однако, испытываешь некоторые сомнения: стоит ли в такой манере писать о трагедии, унесшей жизни шести миллионов? Но постепенно становится ясно, что вся альтернативно-историческая маскировка первой половины повести – на самом деле лишь подготовка к оголенному трагизму второй. Мостом между двумя частями оказывается описание кораблей, перевозящих европейских евреев на Мадагаскар, – одна

из самых пронзительных, на мой вкус, сцен в современной русской литературе. Тональность повести меняется сразу и резко. Начинает брезжить разгадка, но ее гонишь – слишком больно и жутко переходить от псевдоисторического кордебалета к надисторической мистерии...

Фразу, дающую ключ к тексту, произносит малагасийский дипломат, призванный на синклит немецких вождей: «Нам кажется, что после смерти все только и начинается». После смерти героев начинается истинное действие левитинской повести. Из фарса, фантазмагии, альтернативно-исторического капустника она превращается в невероятную, героическую, запретную для художественной литературы – и выводящую текст Левитина далеко за пределы *belle lettre* – попытку воскрешения мертвых. Ближе к финалу повесть и вовсе преображается в шаманское заклинание, в первобытную мифологическую практику – заговорить, заклясть смерть, произнести как можно больше имен и тем отвоевать их у бездны.

Ĭ ēōāēē Ĭ āēēĭā

Игра без правил

Человек, предъявляющий художественному тексту этические претензии, ставит себя в положение заведомо проигрышное, чтобы не сказать глупое. И тем не менее придется. Но сначала, для разминки, об эстетической стороне дела.

Повесть Михаила Левитина состоит из двух частей: «Хлопоты Рейха» и «Местечко Мадагаскар». В первой рассказывается, как Гитлер решает для блага евреев переселить их на остров Мадагаскар, подальше от европейских антисемитов. Действие второй, как явствует из названия, происходит на том самом Мадагаскаре, куда немцы свезли-таки евреев со всего света. Первая часть – альтернативно-историческая фантазия из эпохи Третьего рейха (однако тренд: за последнее время в близком жанре и на сходном материале написана масса самых разных книг – от «Как творить историю» Стивена Фрая до «Юбки» Олега Нестерова). Вторая – мистерия.

Понятно, что контраст между двумя частями входил в авторский замысел, и тем не менее – каковы единые для всей повести законы? Сюжетно обе части связывает флотилия, везущая евреев к югу Африки. Но с точки зрения художественной логики переход от первой части ко второй практически не мотивирован. Есть одна плоскость, другая плоскость – но они принципиально друг с другом не стыкуются.

Веселый карнавал «Хлопот Рейха» сменяется потусторонней реальностью «Местечка Мадагаскар». Выясняется, что все доставленные на остров евреи (кроме умершего в 1986 году Захара Левитина, отца автора, о котором сообщается, что он попал туда «гораздо позже и совсем другим маршрутом») погибли во время Холокоста, привезший их туда корабль – аналог ладьи Харона, а Мадагаскар, соответственно, – подобие рая. Но рая после Освенцима – его обитателям сохранена смутная «память о чем-то ужасном», чуть выше локтей у них вытатуированы «синеватые циферки», а случайных соседей по оперной репетиции здесь спрашивают: «Это не вас сожгли в Доманевке под Одессой вместе с другими евреями?» Руководит островом Совет старейшин во главе с Якобом Эдельштейном (он был председателем аналогичного органа в Терезине), а для передвижения по Мадагаскару нужно запрашивать разрешение Эйхмана... Как все это вытекает из театра марионеток «Хлопот Рейха» – вопрос открытый, даже несмотря то что в финале обе части словно бы совмещаются и одна реальность проступает сквозь другую.

Также открытым остается и вопрос о внутренних закономерностях, определяющих сюжетику «Местечка Мадагаскар». Действие во второй части вообще ослаблено, ее мир совершенно статичен. Автор придумывает некоторую ситуацию, создает декорации – но никакого движения нет, оно заменено механической экстенсивностью, постоянным, на протяжении ста страниц, введением все новых и новых персонажей. Когда же один эпизод все-таки сменяется другим, происходит это по законам не литературы, а скорее оперы, где каждый номер самоценен и с другими связан чисто внешне. То же и здесь: все мотивировки сведены к тому, что Захар присоединяется то к одной группе людей, то к другой. Не случайно герои повести ставят на острове оперу и автор вводит в текст пересказ либретто, где в свернутом виде содержатся все основные мотивы второй части.

Но повесть все же не опера, а модернистская литература, заведомо лишенная внешнего жизнеподобия и, соответственно, возможности апеллировать к житейскому опыту читателя, требует даже более жестких композиционных мотивировок, нежели реалистическая. В противном случае неизбежно возникает ощущение авторского произвола.

Это что касается эстетики. Этическая же проблема куда проще: мне кажется, что тема Холокоста слишком часто стала использоваться не по назначению. Лишь один пример: не так давно вышел роман русскоязычного израильского беллетриста Алекса Тарна «Б-г не играет в кости» (в прошлом сезоне он даже попал в букеровский шорт-лист), состоящий из двух сюжетных линий: одна описывает похождения суперагента Моссада, другая – судьбу погибшей в Холокосте семьи. Роман в своем роде неплохой, но следует ли смешивать бондиану и Освенцим?

Левитин идет еще дальше: его персонажи носят имена реальных людей, погибших во время Холокоста, причем для каждого указаны место гибели и способ его убийства. И в этом мне видится, кроме очевидного нравственного faux pas, еще и элементарное нарушение конвенции. Художественная литература – это художественная литература, и ей не след искать опору для собственного существования вовне.

Ī ēōāēē Ÿāāēūōōāēī

Марина Даниэль.

Жизнь в обратном направлении

М.: Вагриус Плюс, 2007. – 304 с.

Москва – Израиль – Москва: идеальный сюжетный разлом. На нем в основном и строятся рассказы супругов Марины и Даниэля Мазиных (именно они скрываются под псевдонимом), членов Союза писателей Израиля, эмигрировавших из СССР в начале 1970-х. Москва – и евреи – того времени и возвращение двадцать лет спустя, былые надежды и радости – и постаревшие друзья, каждый со своей «обыкновенной историей». Милые героини-«чудики» с их пестрой, искристо-веселой или развязно-циничной речью. Любовь и отчаяние, неумолимое время и абсурдные повороты судьбы. Все в равной мере трогательно, во многом наивно, с ностальгической грустинкой, от души сдобрено нехитрой кухонной философией. Одним словом, сентиментальные «истории о жизни» под еврейским соусом. Блюдо на любителя. А скорее – на любительницу.

Ирина Калинковицкая.

Два поэта: Книга о лирике

Иерусалим, 2007. – 214 с.

Ирина Калинковицкая написала книгу о Пушкине и Маршаке. Двух поэтов, считает она, объединяет «светоносность», стремление к свету даже «у бездны мрачной на краю». Относительно Пушкина мысль эта доказывается анализом ряда хрестоматийных стихов (особенно удачен разбор «Песни о вещем Олеге»). Что до Маршака, то его автор описывает как поэта-интроверта, стремящегося «скрыть, спрятать <...> самое любимое, важное, болезненное», лирика «по самой строчечной сути». Калинковицкая предлагает свои разгадки его поэтического шифра, обращает внимание на переключки с современниками, от Пастернака до Бродского. Увы, еврейская подпочва маршаковской поэзии практически не принимается автором во внимание. Но ведь даже известный афоризм Маршака «Мир умирает каждый раз / С умершим человеком» взят из Талмуда.

Марат Ботвинник.

Холокост в книгах

«Память» Республики Беларусь

Минск: Ковчег, 2008. – 180 с.

Марат Ботвинник проанализировал более 140 книг «Память» в части, касающейся уничтожения белорусских евреев в годы войны. Цель его исследования – понять, насколько объективно и полно отражена в этих сборниках Катастрофа. В целом, делает вывод автор, белорусские специалисты со своими задачами справились: воссоздана история Минского гетто, описано восстание в Лахвенском гетто, показана деятельность еврейского подполья Бреста. Большой материал собран также по Витебску, Пинску, Гродно. Гораздо хуже обстоят дела на Гомельщине, а в книге «Память. Ляховичский район» вообще нет ни слова о Холокосте, хотя до войны здесь жили тысячи евреев.

Над аннотациями работали Алла Солопенко, Стив Левин, Михаил Стрелец

ШАЛЕВ ЕСТЬ ШАЛЕВ ЕСТЬ ШАЛЕВ

Меир Шалев

Голубь и мальчик

Пер. с иврита Р. Нудельмана и А. Фурман

М.: Текст, 2008 (серия «Проза еврейской жизни»). – 544 с.

Меир Шалев – писатель хороший. Действительно хороший. Только несколько однообразный. И к тому же со странной склонностью написать хороший текст, а потом взять и все испортить. Чему, впрочем, есть объяснение.

Но обо всем по порядку. «Голубь и мальчик» – роман для Шалева вполне типичный. Здесь, как всегда у него, строят дом, выясняют отношения с женщинами, родителями, голубями, мечутся между Иерусалимом и Тель-Авивом, вспоминают Войну за независимость и пытаются спасти трухлявый инжир.

Впрочем, как уже говорилось выше, нетипичных для Шалева романов Шалев не пишет. Каждый роман Шалева для Шалева типичен. И т. д. На самом деле сама по себе такая повторяемость ни хороша, ни плоха. Есть писатели, которые всякий раз как с чистого листа начинают, что твой Саша Соколов, а есть те, кто всегда об одном и том же, пусть и с небольшими вариациями.

Шалеву его очевидное автоэпигонство как раз не помеха. Хотя бы потому, что основные достоинства его прозы сосредоточены на микроуровне. Прелесть его романов в деталях, в диалогах, в юморе, мягкой иронии, простроенной системе контрапунктов, в точной интонации, наконец. А сюжет, тема, идея и прочие составляющие университетского курса по введению в литературоведение особой роли здесь не играют. Это, конечно, странно, если учесть склонность Шалева к семейным сагам и эпическим полотнам, но тем не менее дело обстоит именно так.

Поэтому обаяние его романов полностью теряется в сколь угодно подробном пересказе. Чтобы понять, что за писатель Шалев, нужно не пытаться ответить на вопросы «что?» и «о чем?», а просто перечитать особо понравившиеся эпизоды. Например, такую беседу отца с сыном:

Посреди ночи зазвонил мобильник. На экранчике высветилось имя «Папаваш».

– Яирик, – сказал он, – мама у вас?

– Нет, – сказал я, со страхом ожидая продолжения.

– Если она случайно зайдет к вам, – его голос звучал спокойно и ровно, – скажи ей...

Я прервал его:

– Она не зайдет. С чего вдруг ты взял, что она зайдет к нам? Ты ведь знаешь, что она не зайдет.

– Почему не зайдет? Что случилось? Вы поссорились?

Я сел.

– Потому что она умерла, – крикнул я, – поэтому! Ты не помнишь, что мы были на ее похоронах?

Мой голос поднялся, и пустота откликнулась ему эхом <...> Папаваши сказал:

– Конечно, я помню похороны. Как можно забыть такое? И семь дней траура я помню. Пришло много людей, даже слишком много, на мой вкус. Но если она все-таки зайдет к вам, Яирик, попроси ее войти домой тихо, когда вернется, потому что, если я просыпаюсь, мне потом трудно уснуть.

– Хорошо, – сказал я, – я попрошу ее войти тихо.

А для скрепления эпизодов Шалев использует материал самый разный. Недаром критики сбили с ног в поисках его родословной. Кто называет Маркеса и Павича, кто – Мелвилла и Стейнбека, сам писатель указывает на Гоголя и Булгакова. Просто произведения Шалева – это микс, коктейль, там есть и то, и другое, и третье.

Увы, иногда при взбалтывании этого коктейля Шалеву изменяет чувство пропорций, оно же вкус. Причина понятна – короли эпизода часто теряются в главных ролях. Одно дело вылепить характеры, нарисовать портреты, придумать для каждого персонажа особые словечки. И совсем другое – без срывов провести своих героев через романное пространство.

В результате загадки, интриги и семейные тайны нередко у Шалева сгущаются до концентрации совершенно сериальной.

Но это полбеда. В новом романе провальным оказался ключевой эпизод, на котором держалась вся конструкция, к которому сводились все линии. То, что должно было выглядеть трогательным, на деле вышло предельно пафосным и безвкусным. Вроде бы существует какой-то приз за худшую эротическую сцену – так почему же награда до сих пор не нашла героя? Не знаком с творчеством лауреатов, но убежден, что до «Голубя и мальчика» им в любом случае далеко...

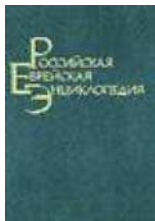
Некоторое время назад Шалев побывал в России и дал интервью Александру Рапопорту (см. «Лехаим», 2007, № 12). Пересказ «Голубя и мальчика», который тогда только-только появился на иврите, он закончил так: «Юноша посылает своего последнего голубя, уходит в бой и погибает. Этим кончается роман».

ЧИТАЕМ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ

Российская Еврейская Энциклопедия. Том 6. Историческое краеведение: Н–Се.

М.: Российская Академия естественных наук; Научный фонд «Еврейская энциклопедия»; Эпос, 2007. – 500 с.

Российская Еврейская Энциклопедия (РЕЭ). Том шестой. Первая статья – «Набережные Челны». Вот она – полностью, без изъятия, благо невелика.

Набережные Челны (в 1982–88 – Брежнев), город (с 1930) в Республике Татарстан (Российская Федерация). В 19 – нач. 20 в. – с. Челны Бережные Мензелинского у. Уфимской губ.

В 1939 в Н. Ч. проживало 2 еврея, в 2002 – 238 евреев.

В 1989 в Н. Ч. была создана еврейская община, в 1993 – об-во «Шалом» (с 1999 – религ. община), с 2005 пред. Евгений Ефимович Коган (р. 1958, Горький).

В 2005 в Н. Ч. проживало свыше 1 тыс. евреев.

Брежнев умер 10 ноября 1982 года – через восемь дней город переименовали: неудавшаяся попытка увековечения. Доживи город Брежнев до сего дня, он уж никак не пал бы жертвой обратного переименования: имя генсека, долгие годы бывшее мишенью балагуров, не снисходительных к сенильному властителю, символом бездарности и застоя, стало ныне для многих, поощряемых СМИ россиян эмблемой золотого века и величия России.

В начале лапидарного, как ему по жанру положено, повествования отслеживаются не только все изменения названия, не только изменения административного статуса, но и история административных вхождений – представляющая в данном случае чисто академический интерес: с. Челны Бережные Мензелинского у. Уфимской губ. на еврейской карте России не значилось. Село вдали от черты оседлости. Как евреям было сюда залететь? Да и зачем? Взбаламученное море революции, Гражданской войны, большевистской модернизации уж как все перемешало, а и то – выбросило на эти татарские челны всего двух евреев. И вправду: что делать евреям в захолульном приволжском городке?

Проходит полвека. Что за это время произошло? Война. Ветер эвакуации, вполне возможно, занес сюда еврейских беженцев. Но основной приток евреев

обеспечило строительство в Набережных Челнах автомобильного гиганта. Техническая интеллигенция – евреи представлены беспрецедентно широко, вот они и востребованы. Бурно развивающийся город привлекает людей.

Наличие евреев само по себе автоматически не означает еврейской жизни. Как говорил Остап Бендер, евреи, да, есть – еврейского вопроса нет. И еврейской жизни – тоже. Еврейская жизнь, во всяком случае официально зарегистрированная, начинается в Набережных Челнах в то же время, как и по всей России, – перестройка, преддверие крушения системы: уж если в Набережных Челнах еврейская община – значит, можно все, советская власть обречена, падение ее дело недолгого времени.

«Шалом». А как прикажете еще именовать еврейское общество или газету в 1989-м? Только «Шалом». И так по всей России. Другие имена пока неизвестны, определенно выходят за границы воображения. Все-таки любопытно: десять лет понадобилось, чтобы «Шалом» превратился в религиозную общину. С чем это связано? Надо полагать, с созданием – как раз в том самом 1999-м году – Федерации еврейских общин России.

И теперь самое интересное: демографическая динамика.

В 2002-м – 238 евреев, через три года – тысяча. Вот это да! Вряд ли (при всем моем уважении к детородным возможностям и чадолобию еврейских женщин) сей бум можно объяснить естественным приростом. Вряд ли Набережные Челны стали столь привлекательны, что евреи бросились туда, как мухи на варенье. Все дело в методике подсчета: вчера одна – сегодня другая. Читатели разные. Да и евреем стало хорошо быть. Не то что во времена, когда Набережные Челны звались Брежневым.

Кстати, в Петербурге (огромная статья о нем) – то же демографическое чудо. В 1989-м (до несчастья) – 106 тыс., в 2002-м – 36 (понятно, люди-то уезжают), через три года – 120! Каков кульбит! И коэффициент примерно тот же. И по тем же причинам (я полагаю).

Так или иначе, еврейское население Набережных Челнов, как и в Питере, возросло. Но это, как легко увидеть, полистав книгу, исключение, а не правило. Вектор истории направлен в другую сторону. Шестой том РЕЭ демонстрирует зарождение, расцвет и гибель еврейской цивилизации в России.

Ужасный рефрен:

Тогда-то в N вошли части вермахта.

Тогда-то было создано гетто.

Тогда-то было расстреляно столько-то евреев.

Или: депортированы в лагерь уничтожения.

Или: погибли в погроме, устроенном местным населением.

И так из статьи в статью.

Из статьи в статью.

Депрессивное чтение.

Я сказал: гибель, – но РЕЭ дает возможность прийти к иным выводам: еврейская цивилизация в России, пережив ужасный кризис, перемещается в новые центры, меняет свой характер, приобретает новое качество, впору даже говорить о новом расцвете. Да взять тот же Петербург. К вектору истории есть вопросы. Шестой том РЕЭ – плач по местечку, но одновременно свидетельство невиданной ранее и обнадеживающей культурной работы.

Ἰ εὐλαεῖ Ἀἰδῶεῖ

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕНА»

Еврейское население и развитие еврейского национального движения на Буковине в последней четверти XVIII – начале XX века (на укр. яз.).

Черновцы: Наши книги, 2007. – 463 с.

В каком советском городе до начала 1970-х тетушки из соседних домов перекивались на идише, удобно разместив свои бюсты на балконных перилах? Только в Черновцах, столице Буковины, чей мелкобуржуазный облик роднил ее с другой отечественной заграницей – Прибалтикой. Аборигены одного из крупнейших еврейских анклавов Восточной Европы, куда власть рабочих и крестьян добралась лишь в 1940-м, стали наименее ассимилированной частью советского еврейства. Старожилы «маленькой Вены» до сих пор вспоминают рассказы родителей о счастливой жизни под сенью австрийской короны. И это не банальная ностальгия – именно при Австро-Венгрии еврейская община края достигла расцвета.

К началу XX века три четверти налогов, собираемых в Черновцах, приходилось на еврейское население. В 1905–1908 годах бургомистром города был Эдуард Райс, а в 1913-м этот пост занял другой еврей – Сало фон Вайссельбергер. В университете им. Франца-Иосифа с 1891 по 1914 год пять ректоров были евреями. Евреи составляли более 50% преподавателей университета, 58% врачей, 76% адвокатов.

По сравнению с общеизвестными документами сборник изобилует настоящими находками. Чего стоит, например, письмо Самборского раввина (1851) в Министерство вероисповеданий и просвещения с требованием «прижать» «чудотворных» раввинов, запретить лапсердаки и ввести двухгодичный срок для обязательного ношения немецкой одежды.

Впрочем, борьба с «темным раввинизмом» меркнет по сравнению с «тридцатилетней войной» главы еврейской общины Бенно Штраухера с лидером буковинских сионистов Леоном Кельнером. Возглавлявший так называемый еврейский клуб при австрийском парламенте, Штраухер был сторонником «диаспорного национализма» и требовал признания идиша одним из официальных языков Буковины. Недаром знаменитая международная «идишистская» конференция 1908 года состоялась именно в Черновцах.

Кроме внутренних проблем общине приходилось решать и внешние. Полиэтнический состав Буковины требовал изощренного лавирования между немецкими, румынскими и украинскими интересами. Характерно высказывание в одной из украинских газет за 1908 год: «...жидовская помощь украинцам должна главным образом выразиться в полном разрыве с немцами». О том, что еврейская интеллигенция города была сплошь немецкоязычной, не приходится и говорить.

Традиционная лояльность властям больно аукнулась евреям в период первой мировой, ведь Черновцы трижды (!) оказывались под российской оккупацией. За любой проступок в отношении российских войск коллективная ответственность ложилась на всю общину. Глава российской администрации – граф с неприличествующей случаю фамилией Евреинов запретил кормить голодающее еврейское население на общественных кухнях, подчеркнув, что «евреи будут мучиться до тех пор, пока не отбросят свой австрийский патриотизм...». Грабежи, мародерство, а то и убийства мирного еврейского населения стали обыденным явлением. Был взят в заложники и вывезен в российский тыл даже д-р фон Вайссельбергер, чья фотография на первой полосе «Czernowitzer Allgemeine Zeitung» приведена в книге (для академического издания сборник прекрасно иллюстрирован: старинные фото Черновцов, копии газетных статей, планы домов, прошения и свидетельства – многие раритеты составили бы гордость приличного исторического фотоальбома).

Эпоха Czernowitz стала историей на исходе 1918-го. 6 ноября украинцы взяли было власть в городе, но уже 11-го он был занят румынскими войсками, которые не удержались от еврейских погромов. Буковина вошла в состав Румынии, а Cernauti обрели новых хозяев. Ненадолго, до июня 1940-го...

І еѡѡѡ Аіеіѡ

ЖИВАЯ СОЛЬ МЕРТВОГО МОРЯ

Гилад Элбом

Параноики вопля Мертвого моря

Пер. с англ. Ю. Окуня, К. Калинина

М.: АСТ – Адаптек, 2008. – 288 с.

Так рассказывали о Германии герои Ремарка, об Америке – Сэлинджера и Фолкнера. Такие люди жили в Одессе Бабея. Это было давно. Тогда все было проще...

Гилад Элбом – израильянин, его дебютный роман написан в 2004-м, в Калифорнии, на английском. С тем же успехом «Параноики...» могли быть написаны на польском или арабском – ни у автора, ни у его героя это не вызвало бы затруднений. Проблема в другом: «Однажды в одной далекой земле жили бок о бок три враждебные страны. Земля, которую они делили, была хорошей землей». Но «столь яростным был трехсторонний спор <...>, что отрицали саму возможность общения, а тем более согласия между тремя великими народами».

Да что по сравнению с этим – горстка сумасшедших в реабилитационном блоке гослечебницы? Гибель челнока «Коламбия»? Мазохистские закидоны замужней подружки? Как быть тому, кто просто любит почитать Станислава Лема, хоть от фантастики и «тупеют», послушать Оззи Осборна, хоть он и «предатель рок-н-ролла», поупражняться в арабском, пусть даже в Синае, за чаем у бедуинов? Вот Гилад-герой никак и не решится... ни на что.

А Гилад-автор решился и написал яркую, хлесткую, очень современную книгу. Вроде бы традиционный постмодерн. Блеклая маргинальность героя, сторонящегося и политики, и философии. Вопросец в духе Кизи и Паланика: по какую сторону больничных стен заканчивается безумие? Непременный секс, правда изукрашенный фантазиями до абсурда. И условность повествования с почти неразличимым сюжетом.

Но есть и отличия. «Параноики...» – прежде всего роман-атмосфера. Атмосфера Израиля, милитаризованного и американизированного. Здесь обречена на провал любая попытка жить настоящим – временем, которого нет даже в языке. И это лишь один из примеров постоянной авторской игры с культурами – на уровне лингвистическом, литературном, музыкальном. Плюс едкая самоирония и мрачноватый юморок – живая соль Мертвого моря.

И вопросов в книге гораздо больше, чем ответов. Так честнее.

– ...мои читатели хотят знать, чем все кончается.

– Скажите им, что ничем не кончается.

– Им это не понравится.

Àcàà Ntèrì àí èí

ИГРА В ИСТОРИЮ

Майкл Чабон

Союз еврейских полисменов

Пер. с англ. Ю. Балаяна

СПб.: Амфора, 2008. – 429 с.

Герой говорит: «Не мы рассказываем историю... История рассказывает нас». А своевольный автор лукаво улыбается. Номо ludens Майкл Чабон, известный американский писатель и киносценарист, лауреат Пулитцеровской премии, в своем последнем романе «Союз еврейских полисменов» легко играет с историей и языком, идеями и идеалами, верой и неверием.

Автор «утверждает» разработанное рузвельтовским министром внутренних дел Гарольдом Айкесом, но так и не принятое предложение по спасению бежавших из нацистской Германии евреев. В итоге три с лишним миллиона человек с вечной верой в Землю обетованную находят пристанище в федеральном округе Ситка. Но грядет Реверсия: округ переходит под юрисдикцию штата Аляска – и вновь разбредаться усталым странникам. Хронологически действие укладывается в одну из недель бессильного ожидания конца.

Чабон играет и с самой игрой, вписывая роман в ряд «шахматных» книг – от «Алисы в Зазеркалье» до «Защиты Лужина». Шахматы в «Союзе еврейских полисменов» – страсть, объединяющая преступников и жертв и отдаляющая детей от отцов. Незаконченная партия становится ключом к разгадке убийства тихого молодого наркомана в захудалом отелишке. А с этого-то убийства все и начинается, разворачивается головокружительная спираль – до апокалиптически-абсурдного «взорвать пару-тройку храмов, побегать за мессией и начать третью мировую войну»... И та же самая партия наглухо замыкает вот-вот готовую порваться цепь предательств, прикрывательств, грязных махинаций, подытоживает все наивные порывы героев к справедливости: цугцванг, безнадежная ситуация, когда любой – вынужденный – ход ведет к поражению.

Однако в разряд антиутопий альтернативная история Чабона не попадает. И хотя на гостеприимном американском огне заваривается каша погуще Реверсии – ужаса и отчаяния нет. Во-первых, жанр «иронического детектива» к трагедии не располагает. Всякая новая напасть для главного героя, следователя, меланхолика и алкоголика Меира Ландсмана – лишь повод для скептической ухмылки.

А во-вторых, полуреальный мир холодной Ситки – несбывшийся по сути своей. Обманули несуществующие белые медведи и эскимосы, пошли прахом надежды на процветание и долгожданную основательность жизни. То же у самого Ландсмана: нераскрытые дела, рухнувшая семья, нерожденный ребенок. А несбывшееся не боится смерти. Потому так много стариков среди персонажей книги. Потому покачивают они головами: «странное дело нынче – быть евреем». Потому сдается и добровольно принимает гибель неудавшийся мессия Мендель Шпильман, когда из теплого и хрупкого его благословения хотят сделать чудо массовое и насильственное. Цугцванг, неизбежность.

Но все же выход, надежнее любых крепостей и храмов, подсказан самой безумной жизнью: рука на животе судьбою данной женщины, изюмно-уксусный запах ее волос, готовность ее драться до последнего. И не за какую-то мифическую виноградную землю, а за кривые улочки Ситки, непутевого и любимого мужа – за истинную свою родину.

Немного философии, немного политики, немного аляскинской экзотики в виде индейцев, впрочем, вполне цивилизованных, и тефтелек из лосятины – все, что нужно для интересного, успешного и на большее не претендующего романа.

Àèèà Ntèrì àí èr

ТРАНЗИТ ОТРАЖЕНИЙ

יְעֹזְבֵי יָאֵלִיאִי

В Государственном музее искусства народов Востока в Москве все лето идет выставка «Средняя Азия – Москва – Иерусалим в творчестве еврейских художников», посвященная 60-летию Государства Израиль и 90-летию Государственного музея Востока.

На открытии представители музея признавали, что несколько запоздали с обращением к теме: уж кому-кому, а Музею народов Востока давно следовало заняться еврейским искусством, которое успешно осваивают частные галереи (одна из них, «Веллум», даже значится среди организаторов выставки, наряду с Третьяковской галереей, Государственным музеем изобразительных искусств, коллекциями Александра Шмуклера и Марка Курцера). Но инерция советского прошлого, когда почти всю вторую половину минувшего столетия Израиль и еврейство были выключены из официального образа Востока, больше полутора десятилетий продолжала сказываться на выставочной политике музея. Впрочем, музей попробовал обратить это в свою пользу: концепция выставки, как объяснила Наталья Апчинская, куратор проекта, составитель каталога (не самого по нынешним временам роскошного, но весьма стильного) и автор большинства статей в нем, возникла из того, что многие еврейские художники, жившие в Советском Союзе и не имевшие возможности выехать в Израиль, вольно или невольно находили образы Святой земли в Средней Азии. Или, наоборот, из Средней Азии ехали учиться в Москву, откуда уже попадали в Израиль. В какой мере такая концепция оправдана выставочным материалом?

Шесть залов, пятнадцать художников. Конечно, присутствие работ Роберта Фалька уже придает выставке значительность. А рядом с ним – произведения не столь знаменитых, но тоже выдающихся мастеров: Александра Лабаса, Меера Аксельрода, Рувима Мазеля, Павла Зальцмана. Значительную часть экспозиции занимает творчество наших современников, живущих как в России, так и в Израиле: Бориса Бомштейна, Григория Ингера, Михаила Яхилевича, Бориса Карафелова, Любови Жуховичер. О некоторых (А. Лабасе, М. Аксельроде, Б. Бомштейне, М. Яхилевиче) наш журнал уже писал, об иных еще напишет. Всех участников выставки можно условно разделить на три поколения: одни родились в конце XIX – начале XX столетия, другие – в первой половине минувшего века, третьи – уже после войны. Разный опыт, разный взгляд на мир. И удивительно, что образы Средней Азии действительно объединяют их творчество и позволяют понять, как менялось в ушедшем столетии еврейское искусство в России.

Одно из самых ярких впечатлений на выставке – работы Рувима Мазеля (1890–1967). Художник, рожденный в Витебске, учившийся в школе Иегуды Пэна, затем совершенствовавшийся в школе Общества поощрения художеств в Петербурге (ею руководил Н. Рерих) и в мюнхенской Академии художеств, в 1915 году был мобилизован и оказался в Ашхабаде. «Я был потрясен красочным бытом туркмен, чудесными коврами, в письменах орнаментов которых вылилась вся душа этого народа», – писал он. И графическое творчество Мазеля на протяжении десятилетия протекает в стиле, который позже исследователи назовут «ковровым». Однако не оно преобладает на выставке, а произведения 1930-х годов, краски в которых размыты, а изображения словно окутаны дымкой. Мазель, так и не побывавший в Израиле, уловил в Туркмении колорит Библии и разыграл ее вечные сюжеты в местных образах.

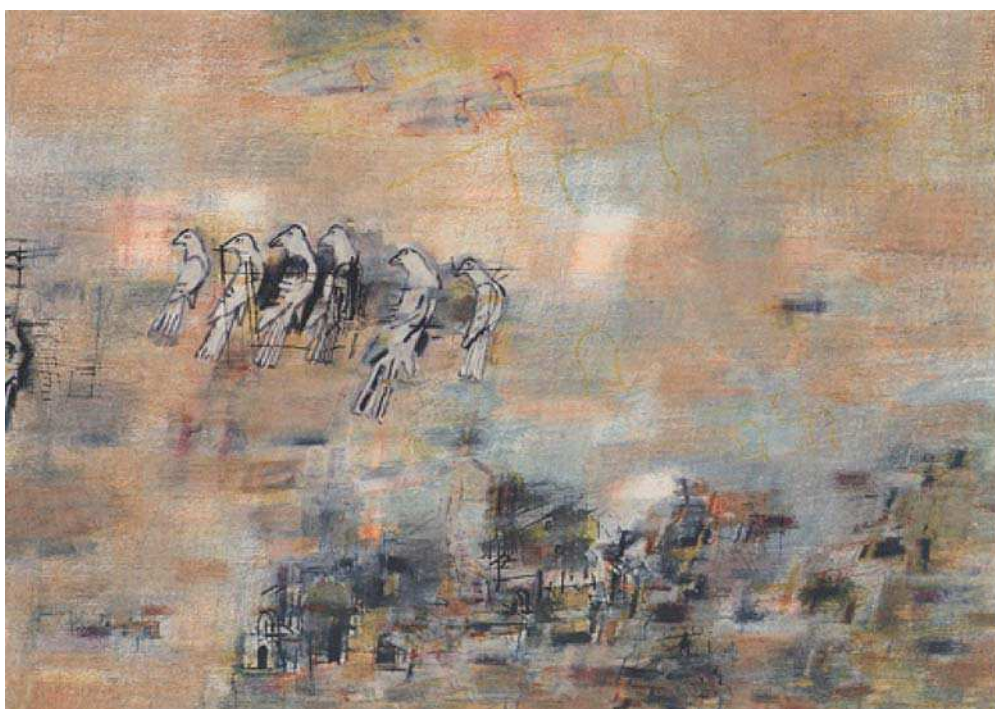

Р. Мазель. Продажа Иосифа. 1933 год.

Иначе складывались судьбы художников, которые вошли в жизнь в первое советское двадцатилетие и уже не застали ни местечек, ни развитой еврейской культуры. Да что там культура! Многие из них, как Лев Саксонов (р. 1929), рано лишились отца, терпели страшную нужду, находились на грани выживания. Но дар пробивал дорогу и под этим «бесцветным покрывалом»: «Я поступил в Воронежскую среднюю школу в семь лет. В первый же учебный день я разрисовал клеточки в тетради по арифметике цветными карандашами. Учительница поставила мне жирное “плохо” (двойку). Я удивился – ведь

тетрадь стала красивее, но не расстроился», – вспоминает художник. С таким же благодарным удивлением воспринял он и Среднюю Азию, куда попал в начале 1950-х годов и где не искал никаких следов Святой земли. Однако мистический ореол этих мест сам заставил художника задуматься о вечном и мимолетном (одна из позднейших графических серий, посвященных этим местам, так и называется – «Мимолетности») – о том, о чем Саксонов позже напишет: «...Вечность и мгновение переходят друг в друга. Не миллион или миллиард лет (что они по сравнению с вечностью), а именно мгновенье равноценно вечности. Я думаю, может быть, в мгновенье между жизнью и смертью человеческая душа и живет вечно?» Полихромность его масляных пастелей выражает красочность, щедрость жизни, а техника офорта придает ей некую призрачную скоротечность.

А вот Борис Карафелов творчески соединил Среднюю Азию, где родился в первый послевоенный год, Крым, где учился (вспомним, что именно Крым чуть не стал в 1920–1930-х годах еврейской автономией), и Израиль, куда репатриировался. Все точки своего жизненного путешествия он ощущает как родные, что придает его художественному миру гармонию, позволяет опираться на широкую традицию – от примитивистов до фовистов. Если бы не названия картин, мы бы и не поняли, где находится эта пустыня, по которой идет верблюд, или этот маленький городок, по окраинам которого гуляют люди. Ощущение застывшего зноя нагнетается массами тяжелых холодных цветов, сквозь которые пробиваются пятна теплых. Карафелов много работает с маслом, что отличает его на фоне большинства современных художников, предпочитающих графику.

Л. Саксонов. Средняя Азия. Мертвый город Мерв. 2006 год.

Идея выставки принадлежит художнику Михаилу Яхилевичу – представителю художественной династии Аксельродов, и ее нельзя не признать остроумной. Еврейским художникам она позволила показаться на столь авторитетной и естественной для них выставочной площадке, каким является Музей народов Востока, а тому, в свою очередь, дала возможность показать свои фонды и подключиться к тому потоку экспозиций иудаики, который все последние годы шел по нарастающей, обтекая это уважаемое

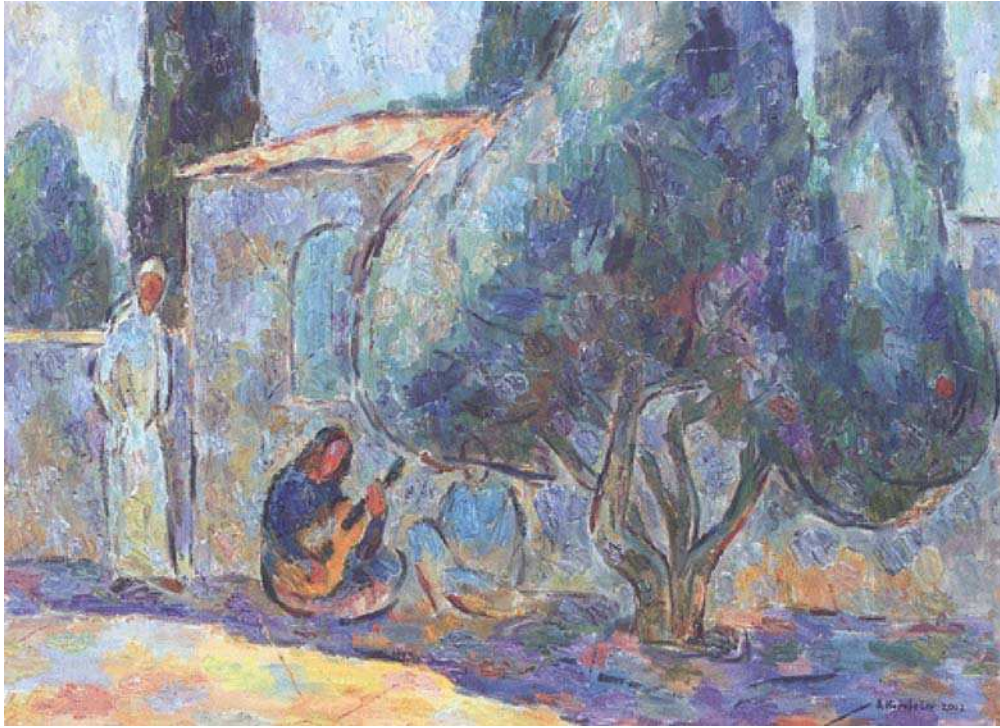
государственное учреждение, что вызывало недоумение ценителей. Конечно, надо признать, не все представленное на выставке укладывается в заявленную концепцию: например, иллюстрации Г. Ингера к Шолом-Алейхему формально не встраиваются в заявленную географию еврейского искусства, хотя, конечно, являются его неотъемлемой частью. Обратили на это внимание и сами художники: уже упомянутый Б. Карафелов предложил понимать концепцию выставки обобщенно – «русские художники еврейского происхождения пишут Восток». Хотя и в этом случае крымские зарисовки М. Аксельрода остаются на периферии.

Нельзя не обратить внимание и на то, что никто из представленных художников не работает в абстрактной манере – все (за исключением, быть может, М. Яхилевича) так или иначе привязаны к фигуративной традиции, которая одно время считалась нетипичной для семитской ментальности. Зато многие тяготеют к примитивизму, имитируя детский стиль или даже лубок.

А вот картины Зальцмана оказались на выставке гостями из другого мира.

Черно-белая графика была так же чужеродна разноцветью остальных работ, как сам Павел Зальцман (1912–1985) почти всю жизнь оставался чужероден многообразному безумию окружавшего мира. Применительно к нему, к его судьбе название выставки следовало бы перевернуть и конечным пунктом сделать Среднюю Азию, где художник прожил последние 50 лет своей жизни, не пытаясь переселиться не то что в Израиль – в Центральную Россию.

Нельзя сказать, что эта исключительность была предопределена, хотя некоторые предпосылки к тому были. Как и многие участники – герои выставки, Павел Яковлевич родился на окраине империи, в Кишиневе, а первые пять лет прожил в Одессе. Так вышло, что его родители принадлежали к двум народам, с которыми Россия значительную часть минувшего столетия пребывала в непростых отношениях: его отец был немцем, а мать – еврейкой. Этническая двойственность спасла Павла от уничтожения, но обрекла на социальную маргинальность. Скитальческая обреченность буквально висела над семьей Зальцман, которая первые послереволюционные годы провела в непрерывных переездах по Украине и югу России, спасаясь от нищеты и страха, затем до 1942 года осела в Ленинграде, а затем уже следующее поколение семьи, сам Павел с женой и дочкой, эвакуировалось в Алма-Ату – казалось, что временно, а оказалось, навсегда. «Г-споди, помоги, дай нам сегодня хлеба, или редиски, или мяса, лучше бы мяса», – эту молитву в роман Зальцмана «Щенки» словно вписала его судьба.

Б. Карафелов. Старая олива. 2002 год.

А судьба эта отличалась редким постоянством, повторяемостью мотивов. Ничего случайного. В 1929 году Павел приходит на киностудию – это даст ему возможность много ездить по стране, наблюдать за людьми, а во время войны – эвакуироваться из осажденного Ленинграда. И в том же году он знакомится с Павлом Филоновым и входит в его группу «Мастера аналитического искусства». Филонов стал для Зальцмана единственным учителем, все остальное в искусстве он постигал самоучкой. Спустя два года он пересекается с ОБЭРИУтами: это знакомство повлияет на его литературное творчество, которое не менее интересно, чем живописно-графическое.

При жизни Зальцман не считался самым прилежным из филоновских учеников. Он не взял от учителя ни космической широты сюжета, ни клеточной структуры мазка, ни колористической изощренности. И все же с первого взгляда ясно: это школа Филонова. Это именно аналитическое искусство, противостоящее синтетическому.

По сравнению с другими художниками, представленными на выставке, у Зальцмана мало произведений, которые можно было бы связать с конкретными прототипами. Если под работой написано «Местечко», то она ничем не отличается от соседних, с другими названиями. Просто у Зальцмана было несколько излюбленных композиционных построений. Прежде всего это группа лиц, никак сюжетно не объединенная, ни к кому не обращенная, такое царство типажей, отсылающее не только к Филонову, но и к Ренессансу (в последние годы эти типы трансформировались в цикл «Маски»). И фантастические пейзажи: разрушенные дома, переходы, лестницы, которые многим современникам напоминали и военные картины, и, скажем, роман Кафки «Замок». Если приглядеться к этим работам и попробовать мысленно реконструировать разрушенные строения, то понимаешь: это невозможно, эти лестницы никуда не ведут, эти дома не могут быть закончены и не приспособлены для жизни, это чистый лабиринт, царство кошмара и абсурда, который так мощно властвует в прозе и поэзии художника.

Î ò ÷ ã ÿ ë ã þ í à ò ã ÿ, î Á - æ á

Ë æ è ì ì î ë ì ì ì í ú é õ î ë î ?

Î ò ò ì ã, ÷ ò î è ç ã î þ ÷ æ ì ã æ è

Á î ë ì è ð é à ì è ã ì ì ð ã ã ã þ ò é ã ã

П. Зальцман. Три еврея. Местечко.

1960–1961 годы.

Без работ Зальцмана выставка в Музее Востока стала бы пресной, одномерной.

И думается, что ее стоит воспринимать не как самостоятельную, а как эскиз будущей постоянной экспозиции музея, посвященной еврейскому искусству. И еще эта выставка показывает, как могут государственные музеи России сотрудничать с частными: если последние уже приобрели неплохой опыт в организации монографических выставок, накопили немало материала, то первые, пользуясь своими связями и влиянием, могут преломлять эти сравнительно новые для местной среды арт-объекты в самых неожиданных отражениях.

ДАВИД ГОЦМАН ТАКИ НЕМНОЖЕЧКО В НЬЮ-ЙОРКЕ

איאסע אאדו

Режиссер Деннис Дуган

Не шутите с Зоханом

США, 2008.

В свое время все специализированные СМИ уже отписались про грозу одесских бандитов Давида нашего Гоцмана, что из сериала «Ликвидация», узрев в нем Спасителя многострадального имиджа еврея – шинкаря, спекулянта, скряги, труса, «воевавшего в Ташкенте», и далее по списку. И вот – новый национальный герой, новый еврейский супермен с карикатурным местечковым акцентом – встречайте: Зохан Двир. Израильский спецназовец, нью-йоркский безработный, парикмахер на палестинской улице и – last but not least – неутомимый любовник, готовый доставить таки немножечко удовольствия всем желающим.

«Не шутите с Зоханом» – это, конечно, не арт-хаус, не-не-не-не, совсем не арт-хаус, и говорить о высоком мы здесь не будем. Это довольно вульгарная комедия с обилием нижепоясного юмора, рядом каскадерских фокусов и пародийных интермедий («Матрица», конечно, образец номер один, ну и еще по мелочи). Впрочем, качественная – все ярко, живенько, динамично – под Ace of Base и ивритский рэп. А вульгарность и вторичность не мешают донесению до зрителя двух меседжей – на них и стоит обратить внимание.

Первый меседж – имиджинговый. Что обычный зритель, пресловутый менеджер какого-нибудь звена, который весь сеанс хрустит попкорном, сдавленным голосом договаривается по телефону о поставках или разгрузках и во всю пасть ржет при беспрестанных колебаниях в штанах главного героя, поймет из этого фильма? Он, между прочим, поймет, что израильтяне – это такие ребята, которые любят женщин в теле, говорят с уморительным акцентом одесских бабушек и пересыпают речь смехотворным устаревшим сленгом, типа «офигенски» или «перепихончик», и непрерывно употребляют

хумус – всеми возможными способами: макают в него шоколад, размешивают в чае, чистят им зубы, втирают в волосы и даже тушат пожар. Но эти ребята – те еще крутыши: они плавают со скоростью моторной лодки, ловят пули пальцами, гранаты отбивают ракеткой для пинг-понга и мочат террористов со словами: «Вы таки не любите нашу страну?!» В общем, смешные ребята, но – не стоит с ними шутить. По мне, так неплохой месседж.

Месседж номер два связан с политикой – а куда же мы без нее, коли речь зашла об Израиле. Впрочем, еще в начале фильма Земля обетованная остается далеко за бортом самолета и действие переносится в Штаты, в Нью-Йорк, с его прославленным скайлайном, силиконовыми красотками, белоснежными улыбками и такими же лимузинами и понтами, лезущими из ушей. Посреди всего этого великолепия, а точнее, на его окраине обитают гастарбайтеры всех типажей и расцветок, в том числе, конечно же, евреи и арабы, бывшие израильские спецназовцы и бывшие палестинские террористы. За всем этим иммигрантским копошением таится великое прошлое или большие надежды на будущее. Каждый грузчик или шуарма-мен готов узнать на улице бывшего агента Моссада или позвонить с доносом в «Хизбаллу» (и услышать в трубке: «Вы позвонили в организацию “Хизбалла”. Чтобы вступить в организацию, нажмите “1”. ...К сожалению, в настоящий момент все операторы заняты...»). У каждого продавца паленой аппаратуры и у каждого таксиста под прилавком или сиденьем припрятан УЗИ, и в случае чего он готов ринуться в бой, на защиту своих. И тут происходит невозможное: экс-израильтяне и экс-палестинцы объединяются – в борьбе с застройщиками и их наемными громилами-фашистами, которые ненавидят всех: евреев, арабов, черных, желтых, геев, животных и т. д. Супермен Зохан и его прошлый враг, палестинский супермен Фантом (обладатель десятка жен, сети ресторанов, треников, печаток на всех пальцах и голдовой цепи на могучей шее), расправляются со всеми нехорошими ребятами, а страшную взрывчатку, призванную уничтожить весь столь вожделенный застройщиком квартал, дезактивируют мистической силой совместного пения – некоего могучего арабо-еврейского звука, который эти два народа не издавали вместе уже тысячу лет. И в завершение мирного процесса, успешно проведенного в отдельно взятом квартале, на месте шумных и тесных лавочек, закусовых и парикмахерских открывается гигантский торговый центр, где палестинский боевик продает обувь, а израильский боевик (женившийся, кстати, на сестре палестинского боевика) стрижет волосы и «делает людей гладкими, как шелк». А некогда унылый арабский таксист катает детей на козе, ибо козы – это то, что он любит в жизни.

Спору нет, пацифистский месседж тут (как и почти везде) шит толстыми белыми нитками, но вот коза... Коза в торговом центре посреди мегаполиса – это же прелестно, правда?

ПЯТЬ ФИЛЬМОВ НА ВЫБОР

Ааааау Оедааао Гаа

Эран Риклис

Лимонное дерево

Израиль – Франция, 2008

Ицхак Град

Грязный выпад

Израиль, 2005

Моше Мизрахи

Уик-энд в Галилее

Израиль, 2007

Асаф Бернштейн

Долг

Израиль, 2007

Амос Гитай

Разрыв

Израиль, 2007

«Разрыв».

В этом году на ММКФ была организована ретроспектива «Израильское кино сегодня». В нее включены фильмы, получившие призы многих фестивалей, но российскому зрителю еще не известные. Ретроспектива, состоящая из пяти фильмов, представила картины разной тематики, режиссеров разных поколений и направлений, начиная от патриарха израильского кино Моше Мизрахи, от самого известного в мире (и в России) израильского режиссера Амоса Гитая и кончая Эраном Риклисом и Асафом Бернштейном, поставившими свои вторые фильмы.

Что же это за феномен – «израильское кино сегодня»? «Безумная земля» Дрора Шауля – Гран-при фестиваля в Сандэнсе; «Бофор» Йосефа Седара – «Серебряный берлинский медведь»; «Мой отец, мой хозяин» Йосефа Волаха – «лучший фильм» Трайбеки (Нью-Йорк); «Медуза» Этгара Керета и Ширы Геффен – «Золотая камера» Канна; «Визит оркестра» Эрана Колирина – «лучший европейский фильм» года.

Это лишь несколько израильских фильмов, и это награды только лишь за прошлый год.

Кто мог представить себе такой грандиозный взлет кинематографа маленькой страны, о котором лет 10–15 назад почти никто не слышал? Сегодня кино Израиля вышло на мировую арену, оно стало не только фестивальным, но и коммерчески успешным.

«Уик-энд в Галилее».

Фильм «Поверни налево в конце мира» Ави Нешера превратился в сенсацию десятилетия у себя в стране, собрав около полумиллиона зрителей. Триллер Эйтана Фокса «Прогулка по воде» стал самым успешным израильским фильмом в американском прокате (мировые сборы – более шести миллионов долларов). Почти столько же собрала и «Сирийская невеста» Эрана Риклиса.

Вкладывать деньги в израильское кино теперь престижно и выгодно. Сегодня 40% израильской продукции финансируется из иностранных источников. Только лишь французские продюсеры за последние несколько лет поддержали 28 израильских фильмов.

Основным содержанием сегодняшнего израильского кино по-прежнему остается политика, а именно ближневосточный конфликт, терроризм. Но подход к этой теме теперь не столь прямолинеен, как было раньше. Она трактуется часто как драма конкретных людей, их отношений, экстраполируется или вырастает из конфликта частного, семейного. Возможно, поэтому фильмы стали более универсальными, более понятными мировому зрителю.

Московский международный кинофестиваль, внимательно следивший за развитием национальных кинематографий, постоянно держит в поле зрения кино Израиля. В последние годы израильские картины регулярно участвуют в конкурсе Московского фестиваля. Это и «Полурусская история» Эйтана Аннера, и «Дети СССР» Феликса Герчикова, и показанная в этом году дебютная картина Дрора Захави «Для моего отца».

«Грязный выпад».

Эран Риклис в «Лимонном дереве» следует за феноменальным успехом своей первой полнометражной картины «Сирийская невеста». Так же как «Сирийская невеста», «Лимонное дерево» делалось в копродукции с Францией (с известным французским продюсером Антуаном де Клермон-Тоннером). Это история лимонной рощи, за которой с любовью ухаживает 45-летняя Сальма из маленькой палестинской деревушки. Но, по мнению охраны израильского министра обороны, к несчастью поселившегося по соседству, по ту сторону «зеленой линии», деревья слишком разрослись и могут укрывать террористов. А посему единственная память о предках Сальмы, которые заложили эту рощу много поколений назад, безжалостно уничтожается. За всем, что происходит, внимательно и с большим сочувствием следит из окна дома не очень счастливая жена министра, и между двумя женщинами устанавливается невидимая связь.

Актер, снимавшийся у Амоса Коллека в «Беззаботном», и режиссер картины «Грязный выпад» (первым его фильмом были «Жирафы») Цахи Град мастерски и убедительно рассказывает историю обычного человека, который оказывается совершенно беззащитен перед лицом силы, власти и коррупции.

В фильме Амоса Гитая «Разрыв» приехавшая в Израиль из Франции мать (Жюльет Бинош) пытается понять когда-то брошенную ею дочь, которая борется за каждый выращенный росток на участке земли в секторе Газа. Девушку, так же как и всех других жителей, заставляют уйти с земли, где когда-то власти агитировали их поселиться.

Психологические подробности, тщательно выписанные детали, внимание к каждой мелочи позволяют говорить о каком-то «новом» Амосе Гитае, картины которого ранее были более плакатными и дидактичными.

«Лимонное дерево».

В «Долге» Асафа Бернштейна героиня известной израильской актрисы Гилы Альмагор, знаменитая писательница, рассчитывается с прошлым. Когда-то она была агентом Моссада вместе с двумя своими друзьями. Они охотились за опасным нацистским преступником, напали на его след, но в последний момент упустили. Для того чтобы оправдаться перед своими, они сочинили легенду о том, что нацист был уничтожен, и их встретили в родных местах как героев. Спустя много лет преступник объявился, и с ним вернулась память о страшном прошлом, заставляющая героев фильма довести дело до конца.

Режиссер-оскароносец Моше Мизрахи («Вся жизнь впереди») снял психологическую драму «Уик-энд в Галилее» по мотивам пьесы Чехова «Дядя Ваня». Тщательно снятая и тщательно сыгранная картина не является настоящей экранизацией Чехова, хотя ее неторопливый ритм, назревавшие долгое время конфликты и истерики семейства, запутавшегося во лжи, тайнах, нерадостных отношениях, несбывшихся мечтах, прекраснотушии и желчи, – все это на фоне оливковых рощ и старых камней – настроение чеховской пьесы передают.

«Долг».

Фильмы, включенные пусть в небольшую, но весьма представительную ретроспективу, с успехом показанную на Московском кинофестивале, безусловно подтверждают феноменальность нового израильского кино.

И ОБНИМЕТСЯ ВОЛК С ЯГНЕНКОМ...

Àéàèñ Dàííííðò

Режиссер Дрор Захави

Для моего отца

Израиль – Германия, 2007

В конкурсной программе 30-го Московского международного кинофестиваля израильский кинематограф был представлен фильмом Дрора Захави «Для моего отца», или «Бишвиль аба шели», как звучит это на иврите.

Режиссеру Дрору Захави на вид нет и тридцати. Выглядит как «сабра», смуглое лицо, короткая стрижка, раскованные движения. В разговоре легко переходит с иврита на английский. Он окончил Университет кино и телевидения в Потсдаме, снял два сериала для немецкого ТВ, снятая им картина – его дебют в кино. Союз кинематографистов Израиля связывает с лентой большие надежды: рассматривается выдвижение «Для моего отца» на «Оскар» в номинации «Лучший иностранный фильм года». В день открытия ММКФ состоялся пресс-показ, затем фильм демонстрировался дважды.

Фабула проста, как правда. Молодой палестинец Терек (Шреди Ябарин) соглашается стать смертником. Деньги за теракт получит семья, они необходимы для лечения отца героя. Сам Терек, подающий надежды футболист, больше не может приезжать на тренировки – мешает пропускной режим на КПП и бетонная стена вокруг «территорий». Спортивная карьера кончилась, перспективы туманны. А раз так – надо себя взорвать на рынке в Тель-Авиве. После того как его с поясом шахида на животе доставили в Тель-Авив, обратной дороги нет – в любой момент могут ликвидировать, позвонив на мобильник, но в этом случае он будет считаться отступником и не попадет в рай, где его уже ожидают 40 девственниц.

Придя в канун субботы на рынок, Терек входит в толпу, нажимает заветную кнопку, но – вот незадача – тумблер неисправен. Сообразительный Терек направляется в электромастерскую. У старого Каца (Шломо Вишински), хозяина мастерской, дырявая крыша – он не спрашивает, зачем неизвестному молодому арабу деталь для замыкания электроцепи. Терек ремонтирует худую крышу в обмен на новый тумблер. Он не планировал ужинать в этот день, но принимает приглашение семьи Каца разделить субботнюю трапезу. С наступлением субботы на улицах пусто, много евреев не взорвешь

– так что время есть. Между делом Терек спасает жизнь жене хозяина (она заснула с включенной газовой плитой, а Терек выключил газ и вывел женщину на свежий воздух). Он хороший парень – любит родителей и уважает старших. Все свои подвиги Терек совершает, не снимая пиджака, под которым спрятан пояс шахида, начиненный взрывчаткой и гвоздями. Работая у Каца, он знакомится с юной продавщицей из лавки напротив и защищает ее от агрессивно настроенных учеников ешивы. Они – как и все, кто относится к Тереку с подозрением – выглядят отвратительно. Будучи спортивным парнем, Терек бьет морду их вожаку, ешиботники с позором ретируются. Но светлому чувству, зародившемуся у героя и героини, не суждено перерасти в длительные отношения. Суббота заканчивается, и Терек взрывает себя на рынке Кармель.

Сценарий написали два израильских сценариста. Занимательный сюжет не всегда является гарантией успеха произведения. Если исключить политическую конъюнктуру, то для завоевания призов на фестивале класса «А» нужно предложить лишенный штампов киноязык (это в идеале) и хорошую актерскую игру (в обязательном порядке). Эмоциональная вовлеченность зрителя желательна. Отсутствие банальных ходов приветствуется.

Дебют Д. Захави показал, что он освоил азы режиссуры. Вот герой и героиня садятся на велосипед и едут по залитому солнцем городу. Звучит душевная мелодия, сладкий женский голос поет на иврите. Велосипед, как мы помним, изобрели раньше кинокамеры. Сколько же таких лирических проездов знает мировой кинематограф?

Тем не менее в фильме есть что смотреть. Для Захави характерно внимание к деталям, к подробностям быта, со знанием дела показан непарадный Тель-Авив, который не демонстрируют туристам. Выдвижение его ленты на ММКФ можно рассматривать как аванс начинающему перспективному режиссеру.

Что же до заложенной в ней идеологии, то это обобщенный взгляд левонастроенной израильской интеллигенции на палестино-израильскую проблему. Израильские «левые» чрезвычайно озабочены тем, как они выглядят в глазах европейской общественности. Подобного рода киносказками они сообщают: мы не «ястребы», мы способны взглянуть на проблему глазами наших противников, мы испытываем к ним сочувствие. Нехитрый посыл: хорошие люди с обеих сторон должны объединиться против плохих людей из арабского и израильского лагерей – «и обнимутся волк с ягненком»... «Не смотрите на это как на политическую историю, – сказал Дрор Захави, – а как на историю сердца».

Признаться, у меня не получилось ни первого, ни второго. Серьезных наград такие работы не получают. Завтра на ММКФ присуждение призов, интересно будет проверить мой прогноз.

Р. S. По результатам опроса зрителей картина «Для моего отца» режиссера Д. Захави получила Приз зрительских симпатий. Какое, право, счастье, что не все такие черствые и бездушные, как я...

ЭТА ПЕСТРАЯ «ЛЕНТА»

Аאֶדֶ-ִוִי אָפֶּיִי עֵאִי אֶעֶעֶי

5768 с половиной лет назад мир облетела первая новость – о сотворении этого самого мира. И понеслось... И пусть шакалы пера и гиены ротационных машин с изрядной долей кокетства твердят, что лучшая новость – отсутствие новостей, мы не будем ждать, пока новости придут к нам, мы сами отправимся туда, где их есть.

Для начала давайте заглянем на сайт <http://www.lenta.ru>, который так и называется – «Лента.ру». Здесь новости не еврейские, а «вообще», но к его созданию приложили руки и головы многие наймиты Мирового Сионизма и агенты влияния «Мировой Закулисы», превратившие «Ленту» в главный новостной русскоязычный ресурс. Как в известном рассказе, эта лента весьма пестрая – достаточно взглянуть на рубрикатор в левой части страницы. Тут тебе новости и российские и американские, и просто мировые и стран СНГ, новости бизнеса, экономики, финансов, недвижимости... Отдельно здесь говорят о высоком (не баскетбол, про него говорят в спортивном разделе), об Интернете, автомобилях, кино – короче, обо всем. Особо стоит выделить рубрику «Лентапедия», которая является сборником – цитируем – «справочно-биографических текстов о людях, организациях, объектах, явлениях и событиях, часто встречающихся в российских новостях».

Естественно, подобная всеядность и оперативность чреваты ошибками и опечатками, но в том же левом рубрикаторе есть возможность отправить сообщение о замеченной ошибке. «И ясно, что евреи виноваты, осталось только рукопись найти». Но к сожалению, поиск по новостям сайта давным-давно исчез, так что рукопись до сих пор не найдена.

В общем, этот адрес нужно занести в «Избранное» и немедленно отправляться по следующему адресу, на сайт Еврейского телеграфного агентства (ETA, Jewish Telegraph Agency, JTA) – <http://www.jta.org>. Эта ETA – крупнейший в мире поставщик еврейских новостей, но, к сожалению, все эти новости на английском. В принципе, проблема решаема – несколько миллиардов человек уже умудрились выучить этот язык, да и рассказывается на сайте не о категорическом императиве Канта, так что школьного курса английского (плюс хороший словарь) вполне достаточно.

На главной странице сайта имеются несколько разделов, именуемых на компьютерном сленге «закладками», из которых нам будут интересны «News» и «Telegraph Blog» (сюда входит то, что не попало в «News»). Есть еще закладка «Podcast», где новости можно не прочесть, а прослушать, но об этом в другой раз. А пока что – «News».

Рубрикатор здесь не вертикальный, а горизонтальный. Делятся новости по следующим признакам: «Jewish Life», «Politics», «Arts & Culture», «Middle East», «North America», «Europe/FSU», «Latin America», «Australia/Asia/Africa», но не обольщайтесь: хотя одна из рубрик называется «Jewish Life» («Еврейская жизнь»), новости всех остальных рубрик также рассказывают о евреях.

Из других интересных фишек сайта – список людей и организаций, поддерживающих ЈТА , вот она – «Мировая Закулиса», и список корреспондентов ЈТА, так что вы всегда сможете узнать кое-какие подробности о тех, кто написал заинтересовавшую (или возмутившую) вас заметку. А вот под неприметным названием «Resources» таятся несметные сокровища – гиперссылки на интернет-адреса почти 100 еврейских газет США и множества еврейских организаций, включая «Хабад», Еврейский музей в Нью-Йорке, американский Музей Холокоста и мемориальный комплекс Яд ва-Шем. Есть здесь даже гиперссылка на интерактивный еврейский календарь! Опять заносим адресок «куда следует» и устремляемся на следующий сайт.

«Агентство еврейских новостей» (АЕН) – <http://www.aen.ru>. Здесь все, кроме адреса, на русском. В рубриках «Политика», «Общины и традиция», «Антисемитизм», «Культура», «Наука и образование» можно найти множество новостей, ведь «Агентство еврейских новостей», учрежденное Федерацией еврейских общин России (ФЕОР), «занимается освещением еврейской жизни по всему миру, при этом акцентируя внимание на деятельности еврейских общин России и других стран бывшего СССР».

Однако, несмотря на обширную корреспондентскую сеть «в различных странах мира и во всех крупных городах России, Украины, других стран постсоветского пространства», в подаче информации есть определенные ограничения. АЕН не просто «акцентирует внимание на деятельности еврейских общин России и других стран...», здесь, как правило, рассказывается о событиях, так или иначе связанных с ФЕОР и прочими дружественными институциями. Соответственно, здесь вы не найдете новостей о «Гилеле» или «Бней-Акиве», о реформистских или консервативных общинах, хотя, если вспомнить, что лучшая новость – отсутствие новостей, это можно расценить как плюс.

А вот еще один плюс – поиск по сайту работает вполне ничего себе. Действует «горячая линия», учрежденная ФЕОР и Всемирным конгрессом русскоязычного еврейства, и если вы, не дай Б-г, подверглись дискриминации по религиозным признакам или антисемитским, можете получить консультацию у юриста.

В общем, диагноз ясен: в «Избранное», читать каждый день, кроме шабата.

ГЕФИЛТЕ ФИШ ИЗ «РОЗМАРИНА»

Èéüý Èàðí áí éí

Òàððèðíááí íàý ðíáá -

ýòí íèùà òíéüéí äéý áíáá!

Из меню ресторана «Розмарин»

Фаршированная рыба – своеобразный символ еврейской кухни, ее заслуженно восхваляемое достижение. Блюдо праздника, блюдо субботы. Ее не надо резать ножом, выбирать кости, то есть она не требует совершения работы для «поедания» (или вкушения?!). И опять-таки это хитроумное изобретение мудрой ашкеназской хозяйки, открытое исключительно благодаря бедности, по принципу: как сделать вкусно из почти ничего?

Все знают неповторимый вкус гефилте фиш, но у каждой гефилте фиш есть свой неповторимый вкус. Так каков же он в Одессе, в уже знакомом нам ресторане «Розмарин»?..

Говорят: «История человечества – история голода». Я бы поправил: это история борьбы с голодом. А фаршированная рыба, по словам раввина Штейнзальца, – классический пример того, как «из минимума сделать максимум».

На прошлой встрече с гостеприимным «Розмарином» (категория «Глат Кошер») мы познакомились с одесским вариантом форшмака – гехакте геринг. Однако так же, как существуют разновидности «рубленостей» (гехакте геринг – рубленая сельдь, гехакте лебер – рубленая печенька, или печеночный паштет, и т. д.), так же и гефилте – это всего лишь способ приготовления, а именно: фарширование!

Фаршируют в Одессе не только рыбу (когда получается гефилте фиш), а также шейку (здесь на выходе – гефилте гелзеле). Причем если в других местах бывшей черты оседлости фаршируют, как правило, гусиную шейку («Так она ж длиннее!» – объяснили мне), то в Одессе – по преимуществу куриную. Почему? А потому что куриная шейка нежнее и вкуснее!

О фаршированной шейке мы не так давно говорили (Лехаим, 2007, № 5). Сегодняшняя наша тема – фаршированная рыба, поэтически воспетая одесситом Исааком Бабелем.

В шестой день – в пятницу вечером – нужно помолиться; помолившись – в праздничном капоре пройтись по местечку и к ужину поспеть домой. Дома еврей выпивает рюмку водки, – ни Б-г, ни Талмуд не запрещает ему выпить две, – съедает фаршированную рыбу и кугель с изюмом. После ужина ему становится весело.

(Е. Аáááéü «Оááîñ-í àõàì ó».)

Самое знаменитое блюдо еврейской кухни демонстрирует один из основополагающих принципов ашкеназской кулинарии: в процессе «готовки» любой продукт (в данном случае рыба) должен использоваться весь, по максимуму, при этом ничего не должно пропасть. Если фаршированную рыбку тушить, а не запекать (а возможны два и даже более вариантов ее приготовления), то даже хребет, кости и плавники отдадут свой «навар». Исключение составляют только рыбы глаза – в Одессе их обычно удаляют, заменяя маслинами. Видимо, из суеверного страха: рыба не должна видеть своего «поедателя».

Как известно, рыба, в отличие от мяса, сразу считается кошерной: ее можно готовить, как только вынули из воды – и чем раньше, тем лучше. (Конечно, это не касается рыб некошерных, у которых нет плавников и чешуи, то есть рыб осетровых пород, угря, миноги и прочих.)

Помните диалог с одесского Привоза? «– Сколько стоит ваша рыба? – Сто рублей. – Но она же дохлая! – Сами вы дохлый! Она не дохлая, она спит! – А почему она тогда воняет? – А вы, когда спите, себя контролируете?..»

Ведь выбрать рыбу для приготовления гефилте фиш – особое искусство! Хорошая хозяйка на Привозе делает это тщательнее, чем при выборе мужа: там к ее услугам был шадхен, а тут ей приходится действовать абсолютно самостоятельно! И она обращает внимание на все: на упругость животика, на «блесткость» чешуи... А вы знаете, что при выборе рыбы самое главное? Жабры! Первое, что сделает хорошая хозяйка, – отвернет рыбе «забрало» и посмотрит, какого цвета и вида эта главнейшая часть водоплавающего организма. Жабры должны быть красные или розоватые и влажные, а не черно-бурые и ссохшиеся от жажды! Во-вторых, нужно заглянуть рыбке в очи. Б-же упаси вас купить рыбу с мутными, нетрезвыми глазками! Взгляд ее должен быть «со слезой», ясным и прозрачным, похожим на драгоценный камень, именуемый в народе «кошачий глаз». Третий пункт диагностики – рыба слизь. Если рыбка, как бы так выразиться, «в соплях», значит, ее недавно достали из какого-то омота. И таки не бойтесь при этом испачкаться! Вы же рыбу покупаете на Привозе, а не яйца у Фаберже! Только вслушайтесь в эти возгласы одесских хозяек в рыбном ряду: «Изя, эта бисова рыба лишит мне сердца! И шо ж она так лягается! Вот она спала, а вот она проснулась! Изя, говорю тебе, заberi у мене торбу!»

В классическом варианте для фарширования используют, конечно же, щуку. Правда, многие утверждают, что классика – это «короп», то бишь карп. А некоторые хозяйки не спорят попусту, а просто делают фарш, смешивая мясо этих двух видов, и успешно начиняют им шкуры и щуки, и карпа, предварительно сняв их «чулком»...

...В одесском кошерном ресторане «Розмарин», как всегда, представлена эволюция блюда – грандиозный путь, проделанный от костлявой щучки черты оседлости до торжества идишкайта и «а идише кулинарии»!

Здесь готовят гефилте фиш сразу из трех сортов рыбы! Представляют его в меню «Розмарина» так: «Нежный, с детства не забытый вкус фаршированной рыбы из щуки, карпа и... семги в классической домашней подаче с домашним хреном».

Хозяева «Розмарина» признаются: создавая свою «гефилте фишку», они старались совместить в этом блюде сразу несколько тенденций. Щука – это «классика», следование традициям; карп – это практично, так как рыба эта имеет толстую шкуру, удобную для фаршировки, а семга – это красота, придающая блюду «ресторанный подъем». «Мы просто добавили в традиционное ашкеназское блюдо экзотики и вкуса!» – говорят его создатели.

Итак, рецепт фаршированной рыбы от уже знакомого нам шеф-повара «Розмарина» Романа Пурчела:

Берем три вида рыбы: щука, карп (пропускаются через мясорубку) и семга (мелко режется).

После их смешивания в фарш мелко крошится лавровый лист и сушеный бадьян (такие «звездочки», по вкусу напоминает анис). Туда же выжимается половинка лимона, трется мускатный орех, добавляется по вкусу свежемолотый черный перец.

Когда отделяют шкуру от мяса (обычно делается спинной разрез или же надрезы у линии головы, и шкура аккуратно снимается до хвоста), допускается прослойка до 1 см, которую можно оставить на шкуре. Поэтому нож лучше брать тупой – чтоб не порезал нежную рыбью кожу...

Роман предпочитает делать тугой фарш. Он объясняет, что мясо щуки и карпа берет молотое, а семги – мелко нарезанное, что придает блюду особую эстетику. Хотя, конечно, рыбное филе обычно просто пропускают через мясорубку.

По признанию искушенных хозяек, при приготовлении фарша для гефилте фиш рыба прокручивалась через мясорубку по два-три раза – чтобы перемолоть все косточки! Но прокручивание лука ими же «не одобрялось». Старики вспоминали, что по четвергам, когда еврейские хозяйки готовились к шабату, слышался стук ножей, которыми еврейки рубили лук, так как «вкусной считалась только та рыба, в которую было вложено тепло их рук». То есть для настоящей фаршированной рыбы лук надо было рубить – мясорубка не признавалась!

Как известно, «эйн кемах – эйн Тора». Ну уж если Торы нет без хлеба, так какая без него фаршированная рыба?! Вместо обычного белого мякиша Роман вымачивает халу – в воде или в соевом молоке; на 1 кг рыбного фарша – 150–200 г халы. Лук обжаривается до золотистого цвета (ни в коем случае не пережарить!). Его количество в сыром виде: на 1 кг фарша – 850–900 г сырого лука, в обжаренном виде получается грамм 500–600. Этот лук (как и халу) мы пропускаем через мясорубку. Усвоили? А теперь, конечно, специи: черный перец, кориандр, паприка, имбирь, соль, сахар... Запомните, еврейская кухня – не индийская! Она тем отличается, что специи в ней лишь оттеняют основной вкус.

Шеф-повар ресторана «Розмарин» продолжает рассказ:

Когда фарш готов, отделенные от белков желтки (на 1 кг фарша – 4 желтка, но можно положить и 5–6) смешиваются с ним. После этого в течение минут десяти он взбивается. Вернее, «выбивается»: фарш в виде шара «шлепком» бросается на дно емкости. Эта операция делает фарш воздушным, насыщает его кислородом. (Раньше некоторые хозяйки делали это достаточно долго – в течение 15–20 минут.)

Белки от этих 4–6 яиц взбиваются в неплотную пену и только тогда смешиваются с готовым фаршем, после чего фарш снова «выбивается» еще 3–5 минут.

В процессе «выбивания» фарша в него добавляются кориандр, имбирь и зира (кумин, или душистый тмин). По мере надобности добавляется холодная кипяченая вода. После чего минут 30–40 фарш должен постоять в холодильнике. И лишь тогда начинается собственно процесс фарширования.

Если шкура со щуки или карпа снимается «чулком», шеф-повар «Розмарина» рекомендует использовать кондитерский мешок. Но сам он делает проще: на заранее подготовленную шкуру рыбы (Роман предпочитает шкуру карпа – как мы сказали, она крепче), выкладывается фарш. Формуется в виде рыбы, неплотно заворачивается в рукав для запекания и завязывается шпагатом с двух концов.

Запекается в духовке при температуре 170–180 градусов в течение 35 минут (до достижения температуры внутри батона 72 градуса). Но можно и варить в пищевой пленке, смазанной растительным маслом, на слабом огне в течение 1 часа – 1 часа 20 минут.

Когда фаршированная рыба «по-розмариновски» была подана к столу, мы снова вспомнили великого писателя из «скверного города», в котором «легко жить, в котором ясно жить»:

Потом он ел рыбу, <...> вылив на край тарелки полбанки красного хрена, такого хрена, что от него заплакали бы пять панов с чубами и кунтушами.

(Е. Асаиц «Οαίτη-Ιάδαϊ ό»)

Правда, по признанию шеф-повара «Розмарина» Романа Пурчела, он добавляет в тертый хрен горчицу и немного сахара. А подает все с лимоном, обильно «припудренным» красным перцем. Который мы выжимаем и в виде окрашенного в красное лимонного сока облагораживаем готовое блюдо. Получается и вкусно, и живописно!

Согласно Исааку Бабелю (рассказ «Детство. У бабушки»), «холодная фаршированная рыба с хреном» – это «блюдо, ради которого стоит принять иудейство». Мастерское исполнение этого шедевра виртуозами «Розмарина» только подтвердило мнение гениального писателя. Таки да, стоит!

Адрес ресторана «Розмарин»:

г. Одесса, ул. Малая Арнаутская, 46А;

тел.: +38 (0482) 344–644, 347–311.

ФЕНОМЕН ЕВРЕЙСКОГО БАСКЕТБОЛА

Î àdê Çàé:èé

В финальном турнире Евролиги, который прошел в мае в Мадриде, участвовали четыре лучших баскетбольных клуба Европы, выступала и тель-авивская «Маккаби». «Сиена», ТАУ, ЦСКА и «Маккаби» – богатейшие, сильнейшие и лучшие на сегодня команды Европы – разыграли Кубок Европы. Его по праву и по спортивной справедливости завоевал московский клуб ЦСКА. «Маккаби» заняла второе место, на третьем месте «Сиена».

Особенность современного баскетбола – интернациональность составов всех без исключения команд. И чем богаче коллектив, тем больше в нем иностранных легионеров и меньше своих, доморожденных игроков. Дошло до того, что, к примеру, в ЦСКА российские игроки не выходили (отметим справедливости ради, что основной центровой клуба Алексей Саврасенко был травмирован, но дела это не меняло), не было россиян и в запасе (34-летний ветеран Захар Пашутин сидел на скамье запасных), а главным тренером армейцев был (и есть) замечательный итальянец по имени Этторе Мессина. Та же картина наблюдается и в остальных ведущих командах континента. И никому это не мешает, никого это явление, кажется, не беспокоит. Интереснее всего, что наиболее национальная команда финального турнира четырех – «Маккаби». Я пишу «интереснее», потому что в Израиле этот клуб и его руководство, и особенно президент директората Шимон Мизрахи, многие годы обвинялись болельщиками и журналистами в американизации. Сегодня «Маккаби» не самый «чужой» для своей страны клуб. В команде играют на основных позициях одаренные баскетболисты Йотам Гальперин, Таль Бурштейн, Лиор Элиягу, Омри Каспи, Гай Мекель, Дэвид Блютенталь. Первые пятеро – воспитанники ДЮСШ «Маккаби», к выпускникам которой относятся и такие известные баскетболисты, как Шарон Сасон (выступал за российский клуб «Урал-Грейт»), Янив Грин (играет сейчас за ЦСК ВВС-Самара), Гай Пнини («А-Поэль» Иерусалим). Если сказать, что «Маккаби» собирает самых талантливых игроков не только Израиля, но и всего еврейского мира, это будет и так и не так. Так, потому что действительно собирает и многие почтут за честь играть в команде-чемпионе, не так, потому что очень многих игроков, особенно в последние годы, в «Маккаби» вырастили самостоятельно. А вообще весь этот большой еврейский баскетбол начинался в Израиле совсем-совсем стандартно для небольшой страны. И достаточно недавно.

После второй мировой войны в только что созданное Государство Израиль (800 тыс. граждан к моменту возникновения, к 2008 году – 7,3 млн человек) начали прибывать волны новых репатриантов из всех стран мира. Среди них были разные люди. Были и спортсмены, за время войны позабывшие о своих увлечениях, занятые исключительно выживанием.

Девятнадцатилетний репатриант из Германии Ральф Клайн приехал в Израиль через Венгрию, где потерял во время войны многих близких. Случайно Клайн, увлекавшийся в детстве баскетболом, попал на спортивную площадку, был замечен и начал играть за «Маккаби». Подобная судьба была и у Авраама Хемо, приехавшего из Египта. В этой стране был неплохой по тем временам баскетбол. Оба они играли за сборную страны, выступали на ЧЕ, позже тренировали национальную команду Израиля. Хемо помимо баскетбола сделал карьеру в полиции – стал генералом, а Клайн остался тренером, великим наставником «Маккаби» и сборной страны. В 1953 году сборная

Израиля выступила в Москве на ЧЕ по баскетболу, на открытой площадке стадиона «Динамо», и заняла почетное 5-е место. Расценили это в спортивном мире как сенсацию.

Баскетбол подошел молодой стране, молодому народу. Баскетбол, наряду с футболом, стал ведущим спортом в Израиле. В баскетбол играли в кибуцах, в поселениях, в городах. В те далекие 1950-е годы на площадках страны блистали такие большие, значительные игроки, как Ицхак Шнеур, Хаим Хазан, Йеошуа Розен, Шмуэль Якобсон.

В 1960-х годах отметим таких незаурядных баскетболистов, как Давид Каминский и Авраам Гофман, которые, будучи уроженцами Иерусалима, перешли в «Маккаби», чего им не могут простить в столице до сегодняшнего дня. Был замечательный центровой Танхум Коэн-Минц, понимавший и умевший многое в баскетболе. Разыгрывающий Хаим Штаркман блестяще руководил сборной страны, достойно представлявшей национальный флаг в Европе.

Тогда же, 40 лет назад, «Маккаби» (Тель-Авив) начала выступать в европейских турнирах, тогда же президентом клуба стал Шимон Мизрахи, который остается на этом посту до сегодняшнего дня. Он добился с командой всех кубков, титулов и медалей. Этого невысокого, сдержанного человека, адвоката и полковника-резервиста военной полиции, многие считают отцом современного израильского баскетбола. Есть у него и ярые противники. Так или иначе, человек это незаурядный, со своим пониманием развития спорта вообще и баскетбола в частности.

В 1970-х годах начался подъем «Маккаби» и национальной сборной страны. После Шестидневной войны в Израиль на волне энтузиазма приехало очень много народа. Были среди них и баскетболисты. Хорошие. К примеру, игрок олимпийской сборной США, за которым охотились восемь клубов НБА, Таль Броди. Он остался в Израиле, стал капитаном «Маккаби» и сборной. Собранный, умный человек и замечательный спортсмен. Вторым великим игроком был Барри Лейбович, баскетбольный виртуоз, так и не сыгравший за «Маккаби», связанный контрактом с «А-Поэлем» – вечным соперником и конкурентом команды Шимона Мизрахи. Помимо них сборную Израиля и израильские клубы Высшей лиги украсили своей игрой уроженцы США Стив Шлехтер, Арик Менкин, Стив Фляйшер, Лу Сильвер, Стив Каплан, Джим Бутрайт, Боб Гриффин. Выросло новое поколение израильских баскетболистов, среди которых Микки Беркович, Моти Аруэсти, Шуки Шварц, Итамар Марзель, Боаз Янай, Ханан Керен. В 1977 году клуб «Маккаби» пробился в финал Кубка чемпионов и обыграл итальянский «Иньис» (Варезе). Тренировали команду Ральф Клайн и Арье Давидеску. Эта победа стала невероятной сенсацией. Игроков встречали как национальных героев. Люди, далекие от баскетбола, купались в фонтанах Тель-Авива и глушили шампанское, пьяные от счастья. Через четыре года команда повторила этот невероятный успех в розыгрыше Кубка чемпионов.

В 1979 году сборная Израиля под руководством Ральфа Клайна заняла второе место на ЧЕ в Италии. Причем израильтяне обыграли сборные Югославии, Чехословакии, Испании и др. А состав израильской сборной был «сыгранным» и звездным: Беркович, Аруэсти, Сильвер, Броди, Гриффин, Лейбович, Шлехтер, Фляйшер, Каплан... Ни одного баскетболиста с натурализованным гражданством, все были свои. В финале израильтяне проиграли сборной СССР, которой руководил Александр Гомельский. Центровой Владимир Ткаченко выиграл тогда для «Папы» (прозвище Гомельского в баскетбольном мире) ту незабываемую игру. Ткаченко, с его невероятными физическими данными, в израильской команде никто не смог остановить.

Успех сборной Израиля был оглушительным, не менее оглушительным, чем победа «Маккаби» в Кубке чемпионов 1977 года.

Чем все это можно объяснить?

Вероятно, в этом виде спорта удачно сошлись этнические и физиологические особенности народа. Как в бразильском футболе, в российском хоккее или на Кавказе в борьбе. Перечень можно продолжить. Отметим, что ростом евреи не выделяются среди других народов. Так же как и особой силой, выносливостью, скоростью... Просто у евреев шире выбор: за счет выходцев из разных стран мира стало возможным создание совершенно новых, исключительных по своим физическим и психологическим качествам спортсменов. На берегу славного Средиземного моря возникла новая раса. «Очень одаренные ребята, очень разные, смелые, пластичные, сообразительные», – восхищенно говорил когда-то, в начале 1990-х, известный американский специалист на тренерском семинаре в Институте физкультуры им. Уингейта под Нетаньей. Присовокупим сюда известную доступность и дешевизну игры для страны с десятимесячным летом, обилие площадок и специалистов, популярность, возможность отбора... Да еще хорошая школа тренеров, готовящая специалистов, для которых есть достойно оплачиваемые места работы. Все это приносит те удивительные плоды, которые пожинает израильский баскетбол.

Финальный турнир Евролиги.

Матч ЦСКА – «Маккаби».

В 1980–1990-х годах в Израиле появились новые блестящие баскетбольные имена: Дорон Джамчи, Надав Хенefeldь, Дорон Шеффер, Ади Гордон, Корен Амиша, Гай Гудес, Хаим Злотикман и другие. Они создали отличную национальную сборную страны,

которая хотя и не добиралась до пьедестала почета в Европе, но показывала добротный баскетбол, оставаясь все годы в главной финальной группе континентальных первенств.

Чуть позже появился Оded Каташ, по мнению специалистов, самый одаренный израильский баскетболист за все времена. Именно Каташ, преждевременно завершивший карьеру из-за травмы колена, своей неповторимой игрой создал новый авторитет израильскому баскетболу в мире. Затем пришло поколение, которому сейчас 26–28 лет и которое составляет основу сборной страны и команд Высшей лиги: Эрез Кац, Меир Тапиро, Афик Нисим, Моше Мизрахи, Шарон Сасон, Гай Пнини, Янив Грин, Идо Коджикаро, Лиор Элиягу, Омри Каспи. У сборной команды Израиля прочная основа, постоянное место в числе первых пяти-восьми команд континента.

Тренеру Цви Шерфу есть кого приглашать в большой состав и есть из кого выбирать национальную сборную.

За последние годы усилились чемпионаты Израиля в Высшей и Национальной лигах. Об этом усилении говорит и бескомпромиссная борьба за золотые медали, и количество команд, на равных конкурирующих с «Маккаби», и выросший класс команд среднего уровня.

Тем не менее проблем в израильском баскетболе еще хватает. Разрешить их можно с помощью профессионального подхода к развитию этого вида спорта, который при массовости и организации приносит и будет приносить плоды в будущем – как близком, так и отдаленном.

АВГУСТ

Ai den Baaita

5.VIII.1938

70 лет назад Политбюро ЦК ВКП(б) принял постановление «О романе Мариэтты Шагинян “Билет по истории”, часть I, “Семья Ульяновых”», осудившее известную писательницу за разыскания в отношении родословной В.И. Ленина. Разыскания эти подтвердили тот «постыдный» факт, что по материнской линии дед великого учителя пролетариата был крещеным евреем. В строго секретном документе указывалось, что «книжка Шагинян, претендующая на то, чтобы дать биографически-достоверный роман о жизни семьи Ульяновых, а также о детстве и юности Ленина, является политически вредным, идеологически враждебным произведением». Досталось не только известной писательнице, энтузиастке советской власти и будущей коммунистке, но и вдове Ильича. Большевистские вожди осудили «поведение т. Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но, наоборот, всячески поощряла Шагинян, давая о рукописи положительные отзывы и консультируя Шагинян по фактической стороне жизни семьи Ульяновых, и тем самым несет полную ответственность за эту книжку. Считать поведение т. Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская делала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело – составление произведений о Ленине – в частное и семейное дело и выступая в роли монопольного истолкователя обстоятельств общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал». Тем не менее никаких репрессий не последовало, никто из причастных к «делу Шагинян» ни в тюрьму, ни в лагерь отправлен не был, Крупскую «титула» вдовы Ленина не лишили. Все ограничилось выговорами издательским работникам, снятием некоторых из них с руководящих постов и изъятием книги, которая уже была набрана и готовилась к выпуску. А спустя четыре дня соответствующее постановление вынес и президиум Союза советских писателей, на заседании которого присутствовали Валентин Катаев, Михаил Кольцов, Александр Фадеев, Алексей Толстой, Лев Кассиль и ряд других «инженеров человеческих душ». Указывалось, что, «применяя псевдонаучные методы исследования о так называемой “родословной” Ленина, М.С. Шагинян дает искаженное представление о национальном лице Ленина, величайшего пролетарского революционера, гения человечества, выдвинутого русским народом и являющегося его национальной гордостью». Примечательно, что под «псевдонаучными методами исследования» имелось в виду рутинное изучение архивных материалов.

8.VIII.1908

100 лет назад родился Артур Джозеф Гольдберг, видный юрист и государственный деятель США, в 1961–1962 годах министр труда в администрации президента Джона Кеннеди, в 1962–1965 годах один из членов Верховного суда США, в 1965–1968 годах постоянный представитель США в ООН. Гольдберг появился на свет в Чикаго последним, восьмым ребенком в еле сводившей концы с концами семье еврейских эмигрантов из украинского местечка Зеньков Полтавской губернии. Его отец был мелким уличным торговцем, но Артуру все же удалось получить солидное юридическое образование. В 1930-х годах он завоевал признание как крупный специалист в области трудового законодательства, позже вошел в круг фигур, определявших трудовую

политику Демократической партии США. Став членом Верховного суда, Гольдберг впервые в полуторавековой истории этого органа поднял вопрос об отмене смертной казни или, по меньшей мере, о существенном ограничении сферы ее применения. Будучи постоянным представителем в ООН, Гольдберг сыграл важную роль в выработке известной резолюции № 242, принятой Советом Безопасности после Шестидневной войны. Резолюция потребовала вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий. Противники Израиля стали интерпретировать этот документ как требование вывода израильских войск со ВСЕХ оккупированных территорий, тогда как сам Гольдберг не раз подчеркивал, что в англоязычной версии документа, по которой шло голосование в СБ, при слове «территории» нет ни определенного артикля, ни слова «все» («the» или «all»), и, следовательно, «резолюция говорит об отступлении с оккупированных территорий, не определяя точные масштабы отступления». В 1968 году, отчаявшись в своих попытках убедить президента США Линдона Джонсона прекратить бессмысленную войну во Вьетнаме, Гольдберг подал в отставку с поста представителя США в ООН.

20.VIII.1898

110 лет назад в белорусском местечке Чаусы (ныне райцентр Могилевской области) в многодетной семье еврейского коммерсанта средней руки родился Лев Ефимович (имя и отчество по рождению – Израиль Хаймович) Маневич, знаменитый советский разведчик (кодовое имя Этьен), полковник Разведуправления РККА (1935). В 1965 году «за доблесть и мужество, проявленные при выполнении специальных заданий советского правительства перед второй мировой войной и в годы борьбы с фашизмом» он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. В девятилетнем возрасте родители вывезли Маневича в Швейцарию, где он получил техническое образование, овладел шестью европейскими языками. В 1917 году Маневич вернулся в Россию, с 1918 года служил в Красной Армии, был комиссаром бронепоезда и командиром отряда особого назначения. С 1925 года его многократно направляли за границу для добывания секретной информации о вооружениях фашистских Италии и Германии. За рубежом он даже имел постоянное рабочее место – под именем Конрада Кертнера советский разведчик открыл в Вене международное бюро изобретений и патентов «Эврика», таким образом получив доступ к описаниям и чертежам множества новинок западноевропейской военной техники. О результатах его работы можно судить по следующей справке ГРУ: «Только в течение 1931–1932 гг. миланской резидентурой были направлены в Центр 192 информационных донесения и документа, раскрывающих планы фашистского руководства Италии. Сотрудниками резидентуры были добыты чертежи опытных самолетов СК-30, СК-32 (истребители), самолета “Капрони-80”, опытного бомбардировщика-гиганта ВЕС, подробные чертежи авиамоторов АЗОР, А5-5, документы по технологии и организации литейного производства, чертежи и описание подводных лодок, различных видов стрелкового оружия и много другой ценной технической документации». 12 декабря 1936 года Маневич был арестован в Турине итальянской

контрразведкой и осужден на 15 лет заключения, а в 1943 году попал в руки к гитлеровцам. Разведчик прошел через ужасы нескольких фашистских концлагерей и в начале мая 1945 года вместе с другими узниками лагеря Эбензее (один из филиалов крупнейшего в Австрии фашистского лагеря смерти Маутхаузен) был освобожден американскими войсками. Однако в это время он уже тяжело болел туберкулезом и через несколько дней умер. В 1973 году кинорежиссер Вениамин Дорман по сценарию Евгения Воробьева снял о Маневиче фильм «Земля, до востребования», где в роли советского разведчика выступил Олег Стриженов.

22.VIII.1913

95 лет назад в Пизе в семье богатого еврейского промышленника родился лауреат Сталинской (1954) и Ленинской (1963) премий, кавалер двух орденов Ленина, член КПСС (1955), профессор МГУ (1961), академик (1964) Бруно Максимович Понтекорво (умер в 1993 году), питомец Римского университета, физик-ядерщик, ученик и в течение ряда лет один из ближайших сотрудников великого итальянского физика, будущего нобелевского лауреата Энрико Ферми. Физикам он хорошо известен как изобретатель метода нейтронной разведки нефтеносных месторождений (нейтронный каротаж), автор важных открытий в области физики нейтронов и слабых взаимодействий ядерных частиц, «первопроходец» нейтринной физики. У Бруно Понтекорво было три сестры и пять братьев, из которых наиболее известны генетик Гвидо (1907–1999) и кинорежиссер Джило (1919–2006), многолетний директор Венецианского международного кинофестиваля. В 1934 году Бруно Понтекорво ассистировал Ферми в историческом эксперименте, продемонстрировавшем высокую эффективность медленных нейтронов в ядерных реакциях и открывшем путь к овладению ядерной энергией. С 1936 года он работал в парижской ядерной лаборатории будущих нобелевских лауреатов Ирен и Фредерика Жолио-Кюри. После начала второй мировой войны и падения Парижа Понтекорво с семьей бежал сначала в Испанию, затем в США, а в 1943 году был приглашен в Канаду, где участвовал в закрытых работах по созданию мощного ядерного реактора. В этот период он вступил в контакт с советскими разведчиками и начал передавать им сверхсекретную «атомную информацию». Как и многие его коллеги, человек левых убеждений, Понтекорво считал подлостью тот факт, что Запад скрывает атомные секреты от своего союзника по антигитлеровской коалиции, к тому же несущего основную тяжесть борьбы с «коричневой чумой». В 1948 году Понтекорво получил английское гражданство и стал одним из ведущих ученых британской ядерной программы. Спустя два года был отстранен от ядерных исследований и назначен главой кафедры физики Ливерпульского университета, к работе в котором должен был приступить в январе 1951 года. Однако этого не произошло. Почувствовав, что им заинтересовались британские спецслужбы, физик сенсационным образом исчез – 31 августа 1950 года, неожиданно прервав отпуск в Италии, он с женой и тремя сыновьями вылетел в Стокгольм, где жили родители его жены-шведки. Из столицы Швеции они перебрались в Хельсинки, а оттуда на двух автомобилях доехали до российской границы, где пересели на поезд, доставивший их в Москву. Уже через месяц Понтекорво приступил к работе на самом в те времена мощном в мире протонном ускорителе в Гидротехнической лаборатории в подмосковной Дубне (с 1956 года Объединенный институт ядерных исследований – ОИЯИ). Только в сентябре 1955 года Москва официально признала, что итальянский физик-ядерщик находится в СССР. Последние 15 лет жизни Понтекорво страдал от болезни Паркинсона. Он ушел из жизни в сентябре 1993 года, месяц спустя после своего 80-летия. Его прах был разделен и захоронен в Дубне и в Риме. Одна из улиц Дубны ныне носит имя Понтекорво. Его сын, Тито Брунович Понтекорво, родившийся в Монреале и окончивший МГУ как геолог, стал фермером-коневодом во Владимирской области.

130 лет назад в Либаве (ныне Латвия) в буржуазной еврейской семье родилась Лина Соломоновна Штерн, крупный ученый-физиолог и биохимик мирового класса. Она внесла значительный вклад в изучение химических основ физиологических процессов, протекающих в организме человека и животных, а также в разработку эффективной методики исследования дыхания изолированных тканей. Признаны классическими работы Штерн, посвященные регуляции состава непосредственной питательной среды клеток (тканевой жидкости) и участию в этом процессе внутренних, так называемых гистогематических барьеров. После окончания гимназии Лина Штерн два года тщетно пыталась получить высшее образование в России. В 1898-м она поступила на медицинский факультет Женевского университета, который с блеском окончила в 1902-м (дипломная работа была удостоена университетской премии) и в котором затем почти 20 лет преподавала и вела исследования. В Женеве она сблизилась со многими русскими революционерами-эмигрантами, одно время жила на пансионе в семье Г.В. Плеханова, подружилась с его женой Розой Марковной Боргард. Однако в политической жизни Штерн никакого участия не принимала, хотя и глубоко сочувствовала русскому революционному движению. В 1925 году по приглашению советских ученых она переселилась в Москву, где возглавила кафедру физиологии 2-го Московского медицинского института (до 1930-го медицинский факультет 2-го МГУ). Параллельно наладила исследовательскую работу в двух организованных ею биохимических лабораториях Медико-биологического института и Институте инфекционных болезней им. И.И. Мечникова. В 1929 году в системе Наркомпроса в Москве ею был создан новый Институт физиологии, которым она руководила до 1949 года. В 1934 году в связи с 30-летием научной деятельности Штерн, первой из советских женщин, было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР. В 1939-м она, также первой из женщин, стала действительным членом АН СССР, а в 1944-м к этим титулам прибавилось звание действительного члена Академии медицинских наук СССР. Лина Соломоновна любила Москву, ей нравились люди, их трудовой и политический энтузиазм, вера в то, что им суждено построить новое, самое справедливое на земле общество. «Как прекрасно, – говорила она друзьям, – что на работе, на улице люди друг другу говорят “товарищ”, какое это замечательное обращение – “товарищ”». Штерн искренне приняла коммунистическую доктрину, чему способствовало еще ее женеvское общение с русскими марксистами. Полностью доверяя официальной пропаганде, она и в годы массовых репрессий сохраняла веру в «великого вождя», несмотря на то, что в 1937-м за «участие в антисоветской организации» была арестована ее двоюродная сестра Нина Исааковна Стриевская, одна из ближайших помощниц Н.К. Крупской. В 1930 году подала заявление о приеме в партию, но принята была только в 1938-м. В 1941 году ее избрали в президиум Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). 1 июля 1941 года было опубликовано и транслировалось по радио ее обращение ко всем членам Международной лиги университетских женщин. В 1943 году за выдающиеся работы по гематоэнцефалическому барьеру она была награждена Сталинской премией; премиальную сумму – 100 тыс. руб. – ученоя передала на строительство санитарного самолета. Но с 1947 года разворачивается ее травля – сначала за будто бы недостаточную верность учению великого И.П. Павлова и игнорирование идей «народного академика» Т.Д. Лысенко, затем за «космополитизм» и письменные контакты с западными коллегами. В январе 1949 года на ее квартиру нагрянули сотрудники МВД. Во время обыска среди различных документов они обнаружили расписку одного из ее знакомых о получении им в долг от Штерн 15 тыс. руб. на постройку дачи. Эта расписка была изъята, должника вызвали в МВД, куда он и возвратил деньги. Они были переведены на счет Лины Соломоновны, благодаря чему она смогла во время пребывания в заключении получать из тюремного ларька продукты и удовлетворительно питаться. Спустя несколько дней арестованная по пресловутому «делу

ЕАК», она была помещена в одиночную камеру Лубянской внутренней тюрьмы, где в ожидании суда провела более трех с половиной лет. Ее первым следователем был сам министр госбезопасности В.С. Абакумов, предъявивший обвинения по трем параграфам (8, 10 и 11) статьи 58: шпионаж, антисоветская агитация, участие в подготовке террористических актов. 70-летняя ученая не понимала, в чем ее обвиняют, и упорно ни в чем не признавалась и ничего не подписывала. Министр вышел из терпения: «Неужели вам не ясно, что вы отсюда не выйдете!» На что последовал ответ: «Нет, выйду, выйду. Я верю в имманентную справедливость». Министр такого слова не знал, допрос прекратил и вызвал конвоира, препроводившего подследственную в камеру. Дело было передано на «конвейер». На допросе один из следователей, неграмотный садист, широко использовал матерную лексику. Ученую с мировым именем он величал не иначе как «Старая б...». А она не знала, что это означает, – шпионка, террористка?.. В мае 1952 года в Москве начался двухмесячный закрытый судебный процесс, в котором Штерн оказалась на скамье подсудимых в числе руководителей ЕАК – видных представителей еврейской интеллигенции. Председатель ЕАК всемирно известный артист С.М. Михоэлс был убит по прямому указанию Сталина еще в 1948 году. Из 15 обвинявшихся один умер в тюрьме в ходе следствия, 13 были расстреляны. Уцелела только Штерн, на которую распространили приписываемую И.В. Сталину формулу «изолировать но сохранить» и которую приговорили к трем с половиной годам лагерей (без конфискации имущества) с последующей пятилетней ссылкой «в отдаленную местность». Тем не менее Штерн была сразу же отправлена в ссылку в Джамбул (ныне Казахстан). Однако в Джамбуле Лина Соломоновна пробыла лишь 10 месяцев: тиран умер 5 марта 1953 года, и в мае она уже была в Москве. В 1958-м она наконец получила справку о реабилитации, а в 1960-м Женевский университет присудил ей звание почетного доктора. То была дань признания alma mater выдающихся научных заслуг своей питомицы. Лины Соломоновны не стало 7 марта 1968 года.

АВТОРЫ НОМЕРА:

Светлана Бунина

литературовед («Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века [М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева]» [2005] и другие работы по истории русской литературы).

Александр Гаврилов

(р. 1970) журналист, литературный обозреватель, главный редактор газеты «Книжное обозрение». Куратор множества книжных мероприятий.

Михаил Гольд

(р. 1972) журналист, главный редактор журнала «Мост» (Киев), заместитель главного редактора газеты «Еврейский обозреватель».

Михаил Горелик

(р. 1946) эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий

(1871–1957) историк еврейского мистицизма и хасидизма («Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» [1931–1958]).

Марк Зайчик

(р. 1947) прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]). Печатался в журналах «Континент», «Эхо», «22», «Звезда».

Анна Исакова

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» – лонг-лист премии «Букер – Открытая Россия» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Йоэль Кан

(р. 1930) раввин, один из выдающихся знатоков хасидизма. С 1950 по 1994 год был «хойзером» – в буквальном переводе «повторяющим» – тем человеком, кто по памяти воспроизводил беседы и выступления Любавичского Ребе в субботы и праздники, когда нельзя записывать текст. Живет в Нью-Йорке, США.

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин

(р. 1969) журналист. Печатается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Илья Карпенко

(р. 1961) филолог, литературовед, журналист.

Леонид Кацис

(р. 1958) филолог (Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000, 2004; Осип Манделъштам: мускус иудейства. М., 2002; Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М., 2006 и др.). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Марлен Кораллов

(р. 1925) эссеист, публицист, литературный критик. Автор книг и очерков об узниках ГУЛАГа – Ч. Амирэджиби, О. Волкове, Ю. Домбровском, А. Солженицыне, С. Злобине. Член Союза писателей Москвы и Русского Пен-центра.

Джеймс Кугел

(р. 1945) ученый-библеист, писатель, переводчик библейских текстов, профессор Бар-Иланского университета (Израиль). Директор Института истории Еврейской Библии. Автор 11 книг.

Файтл Левин

(р. 1936) раввин, руководитель ешивы, автор книги «Алаха, медицина и технология» (1987). Живет в Нью-Йорке.

Илья Лурье

(р. 1964) историк, преподаватель. Сотрудник Центра Чейса по развитию иудаики на русском языке при Еврейском университете в Иерусалиме. Автор книг «Община и государство: хасидизм Хабад в царской России» (на иврите), «Иерусалим: история и облик города» и ряда статей по истории российского еврейства.

Афанасий Мамедов

(р. 1960) прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003, премии им. Ивана Бунина (2005), Льва Толстого (2005), лауреат премии им. Казакова (2007).

Синтия Озик

писательница, автор более десятка книг – романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри. В России не издавалась.

Леонид Радзиховский

(р. 1953) журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЁЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Даниил Романовский

(р. 1952) специалист по новейшей еврейской истории, сотрудник Центра по исследованию антисемитизма им. Видала Сассона в Еврейском университете в Иерусалиме.

Александр Рапопорт

(р. 1960) поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Евгения Тирдатова

киновед («Советский экран», «Кино-глаз», «Мнение», «Moving Pictures» и др.) На ОКФ «Киношок» в Анапе (2005) награждена специальным дипломом жюри «За продюсерский дебют в полнометражном кино» за фильм «Сундук предков». Член отборочной комиссии ММКФ, куратор программы «Израильское кино сегодня».

Михаил Эдельштейн

(р. 1972) филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире», «Знамени», «Новом литературном обозрении», газетах «Русская мысль», «Ведомости» и др.

Леонид Юниверг

(р. 1945) историк, библиограф, издатель. Автор работ по истории книги и книжного дела. Главный редактор и составитель альманаха «Иерусалимский библиофил».

Борис Явелов

(р. 1940) автор научных и научно-исторических статей и книг.